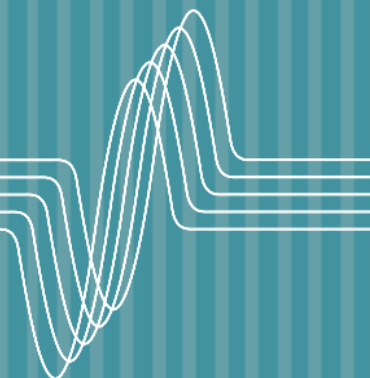
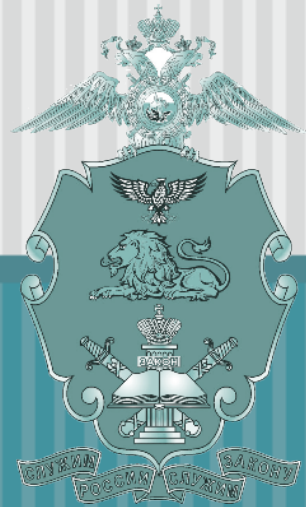

ISSN 2313-5646

1' 2026

ВЕСТНИК

БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

ВЕСТНИК БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА. 2026. № 1.

Учредитель и издатель:

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-80715 от 9 апреля 2021 года.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор – Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Бучакова М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Дугенец А.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Гусев В.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Десятов М.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)

Евтушенко В.И., доктор юридических наук (Россия, Белгород)

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)

Кириллов М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Кожевников О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)

Кудрявцев А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)

Кузнецов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Лазарева Л.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Луговик В.Ф., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Никуленко А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Петрянин А.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Россинский С.Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

Солдатов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Ткачук Т.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Владимир)

Турапин В.Ю., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Хужин А.М., доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Шаров В.И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Шевелева С.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Курск)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Заведующий редакцией: Шульженко Н.И.

Редактор: Шаповал О.И.

Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.

Сдано в набор 20.02.2026

Подписано к печати 25.02.2026

Дата выхода в свет 27.02.2026

Формат 60x84/8

Объем 17 усл. печ. л.

Набор компьютерный. Бумага офисная.

Печать цифровая. Заказ № 12.

Цена: бесплатно. Тираж: 43.

16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Контактный телефон: (4722) 51-71-35; факс: (4722) 55-53-31; e-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

VESTNIK OF PUTILIN BELGOROD LAW INSTITUTE OF MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA. 2026. № 1.

The founder and the publisher:

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

The Journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Registration number: Series PI № FS77-80715 of April 9, 2021.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Editor-in-Chief – Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Marina A. Buchakova, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

Alexander S. Dugenets, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Vladimir A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

Mikhail S. Desyatov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)

Vladimir I. Yevtushenko, Doctor of Law (Russia, Belgorod)

Vladimir P. Kamyshansky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)

Mikhail A. Kirillov, Doctor of Law, Professor (Cheboksary, Russia)

Oleg A. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Peter A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)

Alexey V. Kudryavtsev, Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir, Russia)

Alexander P. Kuznetsov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Larisa V. Lazareva, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Victor F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

Svetlana N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)

Nadezhda S. Nizhnik, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Andrey V. Nikulenko, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

Lydia A. Nudnenko, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Alexey V. Petryanin, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)

Alexander P. Soldatov, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)

Yury N. Starilov, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)

Tatiana A. Tkachuk, Doctor of Law, Professor (Vladimir, Russia)

Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Alfir M. Huzhin, Doctor of Law, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Victor I. Sharov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Svetlana V. Sheveleva, Doctor of Law, Professor (Kursk, Russia)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses

Head of the Editorial Staff: Natalia I. Shulzhenko

Editor: Olga I. Shapoval

Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva

It is handed over in a set 20.02.2026

It is passed for the press 25.02.2026

Date of publishing 27.02.2026

Format 60x84/8

Volume 17 printer's sheets

Typing. Office paper. Digital printing.

Order № 12. Price: free of charge.

Printed copies: 43.

16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.

The address of the publisher and edition: 71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.

Contact phone: (4722) 51-71-35; fax: (4722) 55-53-31; e-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- ЕВТУШЕНКО В.И., ДИЗЕР О.А.**
ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
КЛИМАТИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ
- БОРОНКОВА М.Л.**
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ
МЕРА НАКАЗАНИЯ: КОНСТИТУЦИОННО-
ПРАВОВОЙ И НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ
- НОВОПАВЛОВСКАЯ Е.Е.**
ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО
СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
О ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ
- БАГРОВА Т.С., МАКСИМЕНКО А.В.**
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУР
ДОПУСКА ЛИЦ К УПРАВЛЕНИЮ ОТДЕЛЬНЫМИ
ВИДАМИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ
- АКАПЬЕВ В.Л., КОВАЛЕВА Е.Г.**
К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ
ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ
- КРУПИНА М.А.**
ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА
И ДОСТУПНОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В СИСТЕМЕ
МВД РОССИИ

- 4 EVTUSHENKO V.I., DIZER O.A.**
FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF LEGAL
REGULATION OF CLIMATE MIGRATION
- 9 VORONKOVA M.L.**
CAPITAL PUNISHMENT AS AN EXCEPTIONAL
MEASURE OF PUNISHMENT: CONSTITUTIONAL,
LEGAL AND MORAL ASPECTS
- 15 NOVOPAVLOVSKAYA E.E.**
LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL
COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
ON THE PRE-SUMPTION OF INNOCENCE
- 21 BAGROVA T.S., MAKSIMENKO A.V.**
LEGAL REGULATION OF PROCEDURES FOR
PERSONS TO DRIVE CERTAIN TYPES OF
VEHICLES
- 28 AKAPYEV V.L., KOVALEVA E.G.**
ON THE ISSUE OF THE CONCEPT
OF DIGITAL TRANSFORMATION
IN THE LAW ENFORCEMENT SPHERE
- 38 KRUPINA M.A.**
ELECTRONIC GOVERNMENT AS A WAY
TO IMPROVE THE QUALITY AND ACCESSIBILITY
OF PUBLIC SERVICES IN THE RUSSIAN
MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS SYSTEM

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

- ТАМБОВЦЕВ А.И., ПАВЛИЧЕНКО Н.В.**
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ
СРЕДСТВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, КАК ОСНОВАНИЕ
ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ ОПЕРАТИВНО-
РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
- ДРОЗДОВ Д.Е., СИДОРОВА Е.З.**
О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТА
НАКАЗАНИЯ В ЦЕЛЯХ БОРЬБЫ
С РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ
- ЛИМАРЬ А.С., МИХАЙЛОВА И.А.**
ПРОФИЛАКТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
- КУЗНЕЦОВ Д.Ю.**
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ БЕСПОМОЩНОГО
СОСТОЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ
- МЕЛЬНИКОВ Е.А.**
ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЙ ДОНОС:
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЕКТА
И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

- 45 TAMBOVTSEV A.I., PAVLICHENKO N.V.**
THE USE OF SPECIAL MEANS
OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES
AS A BASIS FOR THE CLASSIFICATION
OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES
- 55 DROZDOV D.E., SIDOROVA E.Z.**
ON IMPROVING THE INSTITUTION
OF PUNISHMENT IN ORDER TO COMBAT
RECIDIVISM
- 61 LIMAR A.S., MIKHAILOVA I.A.**
PREVENTING THE INVOLVEMENT OF MINORS
IN CRIMINAL ACTIVITIES
- 68 KUZNETSOV D.Y.**
FUNDAMENTAL PROBLEMS OF INTERPRETATION
OF THE STATE OF HELPLESSNESS
IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA
- 73 MELNIKOV E.A.**
KNOWINGLY FALSE DENUNCIATION:
CONTROVERSIAL ISSUES OF OBJECT
CHARACTERISTICS AND THE OBJECTIVE SIDE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СОКОЛОВА О.В.	81	SOKOLOVA O.V.	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СУДЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ		USE OF DIGITALIZATION IN COURT: POSSIBILITIES AND LIMITS OF APPLICATION	
АЛАФЬЕВ М.М.	90	ALAFIEV M.M.	
ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБОСНОВАННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ЗА МЕЛКОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО		OPTIONAL PRINCIPLES OF THE REASONABILITY OF ESTABLISHING CRIMINAL-LEGAL REMEDIES FOR PETROLEUM BRIBERY	
ЕЛЬЦОВА А.О.	97	ELTSOVA A.O.	
ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ		EDUCATIONAL IMPACT IN THE CONTEXT OF THE CORRECTION OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT: LEGAL ASPECTS	
ЛУКЬЯНЧИКОВА В.В.	101	LUKYANCHIKOVA V.V.	
ДЕЙСТВИЕ МЕР УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПОСЛЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ СРОКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ		THE EFFECT OF MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION AFTER SUSPENSION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION PERIOD ANALYSIS	
НАДЕЖИНА И.В.	106	NADEZHINA I.V.	
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИЧНОГО СЫСКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ		CURRENT ISSUES OF THE USE OF PERSONAL INVESTIGATION IN THE ACTIVITIES OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS IN MODERN CONDITIONS	
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ		INTERNATIONAL EXPERIENCE	
ВЫСОЦКАЯ П.Н.	112	VYSOTSKAYA P.N.	
ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОТКРЫТОГО ТИПА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ		DETERMINANTS OF REPEAT CRIMES IN OPEN CORRECTIONAL FACILITIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS	
ЕНИКЕЕВА Э.Р., МОРОЗОВА И.В.	118	YENIKEYEVA E.R., MOROZOVA I.V.	
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ И РИСКИ ДЛЯ БИЗНЕСА		THE CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: LEGAL BASIS, PRACTICE OF APPLICATION, AND RISKS FOR BUSINESS	
ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО		TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST	
СЕЧКОВА Л.М.	127	SECHKOVA L.M.	
ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ НА ПРАВО ПОЛУЧЕНИЯ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НЕНАДЛЕЖАЩИЕ УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ		IMPACT OF CUSTODY CONDITIONS ON THE RIGHT TO RECEIVE COMPENSATION FOR INADEQUATE CUSTODY CONDITIONS IN CRIMINAL EXECUTION SYSTEM INSTITUTIONS	
СИЦСКАЯ А.Р.	134	SITSKAYA A.R.	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧЕЙ И ОБОРОТОМ ЯНТАРЯ		SOME ASPECTS OF IDENTIFYING AND DOCUMENTING CRIMINAL ACTIVITIES RELATED TO THE ILLEGAL EXTRACTION AND TRAFFICKING OF AMBER	
ШАЛАГИНА З.А.	141	SHALAGINA Z.A.	
БЕСПЛАТНАЯ КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ КАК ГАРАНТИЯ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ ДЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ		FREE QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE AS A GUARANTEE OF ACCESS TO JUSTICE FOR VICTIMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS	

**Основополагающие принципы правового
регулирования климатической миграции****Fundamental principles of legal regulation of climate
migration**

УДК 342.721.6

В.И. Евтушенко,

доктор юридических наук
(Управление по делам архивов
Белгородской области;
Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
77712@live.ru

О.А. Дизер,

кандидат юридических наук
(Омская академия
МВД России, Россия, Омск)
oadizer-24@mail.ru

Vladimir I. Evtushenko,

Doctor of Law
(Belgorod Region Archives Department;
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Olga A. Dizer,

Candidate of Law
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: климатическая миграция как вынужденное переселение людей по причине изменения климатических, природных и погодных условий, глобального потепления и вызываемых им засух, неурожая и, как следствие, дефицита продуктов, нищеты и голода получает все большую распространенность в мире. Это ставит перед международным сообществом и органами государственной власти отдельных государств, в том числе перед Российской Федерацией, задачу по созданию механизма правового регулирования как самого процесса климатической миграции, так и комплексного механизма защиты прав и свобод климатических мигрантов, включая регламентацию помощи данной категории вынужденных переселенцев в обустройстве и адаптации на новом месте жительства. Процесс формирования правового механизма для регулирования нового социального явления или процесса не может быть стихийным. Для этого необходимо опираться на предварительно разработанные ключевые концепции его возникновения и эволюции, которые отражают сущность правовых норм. Такого рода базисные начала формирования и становления правового механизма имеют общепризнанное название «принципы правового регулирования». В результате проведенного в статье анализа автором сформулированы основные принципы правового регулирования миграционных процессов применительно к климатической миграции и созданию комплексного механизма защиты прав и свобод климатических мигрантов.

Ключевые слова: миграция; мигрант; вынужденная миграция; изменение климата; климатическая миграция; климатический мигрант; принципы правового регулирования; право на благоприятную окружающую среду; система принципов правового регулирования климатической миграции

Для цитирования: Евтушенко В.И., Дизер О.А. Основополагающие принципы правового регулирования климатической миграции // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 4–8.

Abstract: climate migration – the forced displacement of people due to changing climatic, natural, and weather conditions, as well as global warming and the resulting droughts, crop failures, and resulting food shortages, poverty, and hunger – is becoming increasingly common worldwide. This poses the challenge for the international community and governments of individual states, including the Russian Federation, of creating a legal mechanism to regulate both the process of climate migration itself and a comprehensive mechanism to protect the rights and freedoms of climate migrants, including regulating assistance to this category of forced migrants in settling and adapting to their new place of residence. The process of creating a legal mechanism for regulating a new social phenomenon or process should not proceed spontaneously, but rather requires reliance on pre-structured fundamental principles for its formation and development, expressing the essence of law. Such fundamental principles for the formation and development of a legal mechanism are generally recognized as «principles of legal regulation.» As a result of the analysis conducted in the article, the author formulated the basic principles of legal regulation of migration processes in relation to climate migration and the creation of a comprehensive mechanism for protecting the rights and freedoms of climate migrants.

Keywords: migration; migrant; forced migration; climate change; climate migration; climate migrant; principles of legal regulation; right to a favorable environment; system of principles of legal regulation of climate migration

For citation: Evtushenko V.I., Dizer O.A. Fundamental principles of legal regulation of climate migration // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 4–8.

Введение. Климатическая миграция – вынужденное переселение людей по причине изменения климатических, природных и погодных условий. Новый вид вынужденной миграции становится все более масштабным и нуждается в создании на международном и внутригосударственном уровне для отдельных, наиболее охваченных данным социальным явлением стран механизма правового регулирования как самого процесса вынужденного переселения, так и формирования правового статуса климатического мигранта. Процедура создания механизма правового регулирования нового социального явления или процесса не должна идти спонтанно: она нуждается в опоре на предварительно структурированные основополагающие идеи его становления и развития, выражающие сущность права [1, с. 87]. Такого рода базисные начала формирования и становления правового механизма имеют общепризнанное название «принципы правового регулирования».

Основным предназначением принципов является обеспечение эффективности при применении созданного на их основе механизма правового регулирования и гарантирование справедливого рассмотрения спорных ситуаций в данной области правовой регламентации [2]. Несмотря на то что проблема правового регулирования климатической миграции и защиты прав климатических мигрантов неоднократно рассматривалась в трудах правоведов различных стран [3; 4; 5; 6, 7, 8], четкого осознания понятия «климатическая миграция»,

«климатический мигрант» и путей регулирования и защиты прав и свобод климатических мигрантов пока нет. Выработка основных принципов правового регулирования данного социального явления позволит определить фундаментальные направления создания механизма правового регулирования самого процесса климатической миграции и защиты данной категории вынужденных переселенцев.

Климатическая миграция как новое социальное явление. Вынужденная миграция – это перемещение людей, вызванное прежде всего психологическим, моральным или физическим давлением как со стороны властей или других групп населения, так и по причине произошедших природных катаклизмов, техногенных аварий и их последствий, угрожающих жизни и здоровью людей [9]. В силу, как правило, скоропалительного, а порой и панического бегства вынужденные мигранты – одна из наименее защищенных категорий человеческого общества [10, с. 101]. Это касается также вынужденных переселенцев, покинувших места своего постоянного места жительства или временного пребывания из-за нарастания негативных для жизни и здоровья человека природных событий и их последствий в связи с изменением климатических условий на определенной территории, в первую очередь связанных с процессом всеобщего глобального потепления.

В основе большинства миграционных процессов лежит переплетение нескольких мотивов их совершения: как правило, причиной переселения конкретного человека является совокуп-

ность всевозможных поводов – от политических и экономических факторов до экологических и климатических [11, с. 27], однако официально признанной статистики по количеству климатических мигрантов нет. Но на уровне международных организаций¹ и отдельных экспертов признается масштабность данной проблемы. Оценивая возможное количество климатических мигрантов на настоящее время и анализируя возможный прогноз развития данного социального явления, специалисты отмечают, что опубликованное в отдельных средствах массовой информации и в интернете утверждение о 1,5 млрд климатических беженцев к 2050 году² не подтверждается ни мониторингом ситуации в области климатической миграции, ни аналитическими прогнозами [12, с. 129].

Тем не менее большинство исследователей в данной сфере сходятся во мнении, что масштаб социального явления имеет явную тенденцию к возрастанию и количество климатических мигрантов все более увеличивается. Такое положение ставит перед мировым сообществом и отдельными государствами вопрос о необходимости создания механизма правового регулирования климатической миграции и защиты прав и свобод климатических мигрантов. Данного рода деятельность должна начинаться с формулирования структурированных основополагающих идей его становления и развития [11].

Любое социальное явление или процесс не возникает из ниоткуда, а обязательно имеет свою предысторию. Климатическая миграция не исключение, особенно если учитывать постоянное изменение климата на протяжении всего существования планеты Земля. Собственно говоря, вызванное регулярно наступавшим в истории Земли периодом общего похолодания, получившим название «ледниковый период», массовое перемещение населявших Землю в то время живых существ тоже можно считать своего рода квазиклиматической миграцией. В истории Земли зафиксировано несколько ледниковых периодов – именно они обусловили маятниковый характер миграционных процессов: сначала миграцию вызывало наступление более холодных времен, затем наступление меж-

ледниковья обращало миграцию живых существ вспять. С учетом того что, по оценкам экспертов, которые изучают последствия данных явлений, последний ледниковый период закончился 11 тысяч лет назад, то здесь вполне корректно говорить и о климатической миграции немногочисленных племен первобытных людей.

Рассматривая более близкие к современности периоды, к климатической миграции можно отнести миграции населения в результате продолжительных засух, которые могут продолжаться годами, и других длительных изменений климата. Мировой практике известны случаи, когда именно отсутствие официальной процедуры признания климатических беженцев вынужденными переселенцами приводило к необходимости их признания беженцами по другим основаниям. Так, продолжительная засуха в Мозамбике и вызванные ею массовый голод и социальная нестабильность в 1992 году привели к тому, что тысячи людей, искавших убежище в соседней Замбии, были признаны беженцами не как климатические мигранты, а по политическим мотивам [12].

Система принципов правового регулирования климатической миграции. В рамках выстраивания системы принципов правового регулирования климатической миграции как концепции руководящих и определяющих идей становления и развития данного правового механизма, предполагающего в том числе учет уже существующей мировой и отечественной практики его правового регулирования, одной из основных составных частей должен стать принцип историко-правовой детерминированности климатической миграции.

Следующие два принципа правового регулирования климатической миграции неразрывно связаны с обоснованием права личности на климатическую миграцию. В первоначальной стадии миграционного процесса первопричиной его совершения является сочетание в различных соотношениях двух факторов – побудительного мотива, то есть стремления в силу тех или иных обстоятельств покинуть территорию своего постоянного проживания или временно-го пребывания, и притягательной мотивации как совокупности привлекательных оснований переселения именно в тот регион или ту страну, в которую мигрант планирует переехать.

В случае совершения вынужденной миграции, и как его составной части – климатической миграции, фактор побудительного мотива является преобладающим, так как первопричина связана в первую очередь с необходимостью защиты жизни и здоровья как самого мигранта, так и его близких, а также со стремлени-

¹ IOM. Environmental Migrationportal [Электронный ресурс]. – URL: <https://environmentalmigration.iom.int/platform-disaster-displacement/> (дата обращения: 06.03.2025).

² Climate Change Will Create 1.5 Billion Migrants by 2050 and We Have No Idea Where They'll Go [Электронный ресурс]. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d5ea2679-67c99259-0492a6cc-74722d776562/https/www.vice.com/en/article/climate-change-will-create-15-billion-migrants-by-2050-and-we-have-no-idea-where-theyll-go/ (дата обращения: 06.09.2025).

ем покинуть территории с неблагоприятными для человека условиями проживания. В связи с тем что права личности на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду являются естественными правами человека и гражданина, гарантированные Конституцией Российской Федерации, одной из основополагающих идей правового регулирования климатической миграции является принцип конституционно-правовой регламентации климатической миграции и защиты прав климатических мигрантов. Особенно наглядно данный принцип проявляется в случае проведения принудительной миграции (эвакуации, временного отселения жителей в безопасные районы, например), когда государство выступает инициатором и непосредственным гарантом защиты конституционных прав человека и гражданина.

При этом основополагающим фактором и непосредственной причиной совершения климатической миграции и необходимости оказания полномасштабной поддержки климатическим мигрантам со стороны государства является всеобъемлемость и неограниченность естественных конституционных прав человека и гражданина на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду, действие которых неизменно и не может быть поставлено в зависимость от развития любой ситуации, в том числе при негативном для человека изменении климатических условий как в целом на планете Земля, так и на отдельно взятой территории. Данный основополагающий стандарт механизма правового регулирования климатической миграции можно определить как принцип абсолютности естественных конституционных прав человека и гражданина на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду.

В развитие двух предыдущих принципов может быть сформулирован обобщенный стандарт правового регулирования климатической миграции, который определяет обязанность государства оказывать всестороннюю помощь вынужденным мигрантам, которые покинули свое постоянное место жительства или временного пребывания по причине изменения климатических, природных и погодных условий. Данный принцип правового регулирования можно сформулировать как гарантированность со стороны государства права человека и гражданина на климатическую миграцию.

Следующий принцип механизма правового регулирования климатической миграции непосредственно связан с необходимостью организации и координации органами государственной власти деятельности по защите прав и свобод климатических мигрантов. Такая

категория вынужденных мигрантов также нуждается в комплексной поддержке со стороны государственных органов и местного населения процесса их обустройства (обеспечения продуктами и товарами первой необходимости, жилищного обустройства, трудоустройства и адаптации на новом месте жительства и т. д.). Для решения такого рода задач приоритетным для органов государственной власти должен стать принцип преимущественности и первоочередности деятельности по защите прав и свобод вынужденных мигрантов, в том числе климатических мигрантов, и оказания им помощи в обустройстве и адаптации на новом месте жительства.

Кроме того, необходимо учитывать, что деятельность по оказанию помощи климатическим мигрантам как на стадии ее совершения, так и на каждом этапе обустройства и адаптации к новому месту жительства носит комплексный характер, и ее реализация требует слаженной работы всех органов государственной власти и органов местного самоуправления на всех ее уровнях. Необходимость решения данной многоаспектной задачи позволяет сформулировать принцип разделения предметов ведения и уровневой дифференциации полномочий между органами публичной власти и органами местного самоуправления.

Заключение. Рассмотрение основных направлений создания механизма правового регулирования климатической миграции и защиты прав и свобод климатических мигрантов позволило сформулировать основные принципы правового регулирования миграционных процессов применительно к климатической миграции:

- историко-правовая детерминированность климатической миграции;
- конституционно-правовая регламентация климатической миграции и защиты прав климатических мигрантов;
- абсолютность естественных конституционных прав человека и гражданина на жизнь, на здоровье и благоприятную окружающую среду;
- преимущественность и первоочередность деятельности по защите прав и свобод климатических мигрантов и оказанию им помощи в обустройстве и адаптации на новом месте жительства;
- гарантированность со стороны государства прав человека и гражданина на климатическую миграцию
- разделение предметов ведения и уровневой дифференциации полномочий между органами публичной власти и органами местного самоуправления.

Литература

1. **Червонюк В.И.** Принципы права в структуре правовых регуляторов: методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции // Государство и право. – 2021. – № 10. – С. 86–96.
2. **Домнина О.В.** Принципы как элемент метода механизма правового регулирования // Наука и современность. – 2011. – № 11. – С. 440–444.
3. **Praveen N.** Climate refugees: a comprehensive and legal analysis to understanding climate change-induced migration and displacement // Journal of law and emerging technologies. – 2022. – Vol. 2. – № 2. – P. 24–50. – DOI: 10.54873/jolets.v2i2.110.
4. **Bellizzi S., Popescu C.H., Panu Napodano C.M., Fiamma M., Cegolon L.** Global health, climate change and migration: the need for recognition of «climate refugees» // Journal of global health. – 2023. – Vol. – 13. – DOI: 10.7189/jogh.13.03011.
5. **Clements P.** International climate migrant policy and estimates of climate migration [Электронный ресурс] // Sustainability. – 2024. – Vol. 16. – № 23. – DOI: 10.3390/su162310287.
6. **Park K., Lee Ja.Y.** A critical reflection on climate-migration nexus: discourse of climate refugees, migration as an adaption strategy, and climate mobility // Journal of the Korean association of regional geographers. – 2023. – Vol. 29. – № 4. – P. 428–447. – DOI: 10.26863/jkarg.2023.11.29.4.428.
7. **Леденева В.Ю.** Климатическая миграция: тенденции и прогнозы. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2021. – Т. 11. – № 6. – С. 233–242.
8. **Губеладзе Д.В., Макарова М.В.** Климатическая миграция как одна из главных проблем современности // Экология урбанизированных территорий. – 2024. – № 1. – С. 31–36.
9. **Shpakovsky Y., Yevtushenko V.** The main directions of development of the international legal mechanism of regulation of ecological migration // SHS Web of Conferences. – 2019. – Т. 69. – DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900036>.
10. **Дизер О.А.** Правозащитный аспект вынужденной миграции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 1 (140). – С. 100–103.
11. **Хабриева Т.Я.** Миграционное право как структурное образование Российского права // Журнал российского права. – 2007. – № 11. – С. 26–29.
12. **Моисеева Е.М.** Методологические проблемы качественных оценок и прогнозов климатической миграции // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14. – № 5. – С. 128–141.
13. **Shpakovsky Y.G., Evtushenko V.I.** The Main Elements of Creating a Legal Mechanism for Regulating Environmental Migration. // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2020. – Vol. 447. – С. 129–132. – DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200723.025>.
14. **Смутьский И.И.** Новая астрономическая теория ледниковых периодов. – Рига: LAP LAMBERT, 2018. – 132 с.
15. **Захаров С.Г.** Ледниковый период и становление человека / Педагогическая археология: методические материалы. Выпуск 2. – Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2008. С. 142–149.
16. **Евтушенко В.И.** Экологическая миграция в Российской Федерации: конституционно-правозащитная теория: дис. ... д-ра юрид. наук. – Белгород, 2022. – 441 с.

References

1. **Chervonyuk V.I.** Principy prava v strukture pravovyh regulyatorov: metodologicheskie podhody k ponimaniyu principov prava v diskurse otechestvennoy yurisprudencii // Gosudarstvo i pravo. – 2021. – № 10. – S. 86–96.
2. **Domnina O.V.** Principy kak element metoda mekhanizma pravovogo regulirovaniya // Nauka i sovremennost'. – 2011. – № 11. – S. 440–444.
3. **Praveen N.** Climate refugees: a comprehensive and legal analysis to understanding climate change-induced migration and displacement // Journal of law and emerging technologies. – 2022. – Vol. 2. – № 2. – R. 24–50. – DOI: 10.54873/jolets.v2i2.110.
4. **Bellizzi S., Popescu C.H., Panu Napodano C.M., Fiamma M., Cegolon L.** Global health, climate change and migration: the need for recognition of «climate refugees» // Journal of global health. – 2023. – Vol. – 13. – DOI: 10.7189/jogh.13.03011.
5. **Clements P.** International climate migrant policy and estimates of climate migration [Elektronnyy resurs] // Sustainability. – 2024. – Vol. 16. – № 23. – DOI: 10.3390/su162310287.
6. **Park K., Lee Ja.Y.** A critical reflection on climate-migration nexus: discourse of climate refugees, migration as an adaption strategy, and climate mobility // Journal of the Korean association of regional geographers. – 2023. – Vol. 29. – № 4. – R. 428–447. – DOI: 10.26863/jkarg.2023.11.29.4.428.
7. **Ledeneva V.Yu.** Klimaticheskaya migratsiya: tendentsii i prognozy. // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment. – 2021. – T. 11. – № 6. – S. 233–242.
8. **Gubeladze D.V., Makarova M.V.** Klimaticheskaya migratsiya kak odna iz glavnih problem sovremennosti // Ekologiya urbanizirovannyh territorij. – 2024. – № 1. – S. 31–36.
9. **Shpakovsky Y., Yevtushenko V.** The main directions of development of the international legal mechanism of regulation of ecological migration // SHS Web of Conferences. – 2019. – T. 69. – DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900036>.
10. **Dizer O.A.** Pravozaashchitnyy aspekt vynuzhdennoy migratsii // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2022. – № 1 (140). – S. 100–103.
11. **Habrieva T.Ya.** Migratsionnoe pravo kak strukturnoe obrazovanie Rossijskogo prava // Zhurnal rossijskogo prava. – 2007. – № 11. – S. 26–29.
12. **Moiseeva E.M.** Metodologicheskie problemy kachestvennyh ocenok i prognozov klimaticheskoy migratsii // Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki. – 2021. – T. 14. – № 5. – S. 128–141.
13. **Shpakovsky Y.G., Evtushenko V.I.** The Main Elements of Creating a Legal Mechanism for Regulating Environmental Migration. // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2020. – Vol. 447. – S. 129–132. – DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200723.025>.
14. **Smul'skij I.I.** Novaya astronomicheskaya teoriya lednikovyh periodov. – Riga: LAP LAMBERT, 2018. – 132 s.
15. **Zaharov S.G.** Lednikovyy period i stanovlenie cheloveka / Pedagogicheskaya arheologiya: metodicheskie materialy. Vypusk 2. – Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skij gosudarstvennyj humanitarno-pedagogicheskij universitet, 2008. S. 142–149.
16. **Evtushenko V.I.** Ekologicheskaya migratsiya v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravozaashchitnaya teoriya: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Belgorod, 2022. – 441 s.

(статья сдана в редакцию 06.10.2025)

Смертная казнь как исключительная мера наказания: конституционно-правовой и нравственный аспекты

Capital punishment as an exceptional measure of punishment: constitutional, legal and moral aspects

УДК 342.7

М.Л. Воронкова,

кандидат юридических наук, доцент,
(Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,
Россия, Саратов)
marina.voronkova2012@yandex.ru

Marina L. Voronkova,

Candidat of Law, Associate Professor
(Stolypin Volga Region Institute – Branch
of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration Russia,
Saratov, Russia)

Аннотация: в настоящее время в Российской Федерации действует мораторий на применение смертной казни, и приговоры к высшей мере наказания заменяются на пожизненное лишение свободы. В связи с возросшей террористической активностью ученые и политики выступают с инициативой о пересмотре данного моратория и возможном восстановлении исключительной меры наказания. Дискуссии по этому вопросу продолжаются, поэтому представляется необходимым рассмотреть данную проблематику и проанализировать конституционно-правовой, нравственный и некоторые исторические аспекты. Цель исследования – провести комплексный анализ применения смертной казни как исключительной меры наказания. Объектом исследования выступили общественные отношения, возникающие в сфере конституционно-правового регулирования смертной казни как исключительной меры наказания. Нормы права, регулирующие высшую меру наказания, а также мнения ученых, криминалистов, философов послужили предметом исследования. Использовались такие методы исследования, как синтез, анализ, метод дедукции, а также сравнительно-правовой метод.

В статье рассматриваются аргументы за и против применения смертной казни. Автор приходит к выводу, что ее введение свидетельствует о глубоком кризисе в обществе, однако в исключительных обстоятельствах (высокий уровень организованной преступности, волна терроризма, угроза анархии или ведение военных действий) такая мера может быть оправдана.

В качестве возможных оснований для применения смертной казни рассматриваются терроризм и преступления против мира и человечности, педофилия, организация наркоторговли, крупная коррупция, государственная измена. При этом подчеркивается, что смертная казнь должна оставаться исключительной мерой, применяемой лишь в крайних случаях. Для минимизации риска судебных ошибок автор предлагает следующие гарантии: рассмотрение дел судом с участием присяжных заседателей и отсрочку исполнения приговора примерно на десять лет – срок, достаточный для выявления возможных следственных или судебных ошибок. Высказывается мнение, что с учетом текущего состояния правоохранительной системы России отменять мораторий на смертную казнь в настоящее время нецелесообразно. Однако в случае существенного роста числа террористических актов такая мера в перспективе может быть рассмотрена.

Ключевые слова: исключительная мера наказания; смертная казнь; пожизненное лишение свободы; сторонники смертной казни; мораторий

Для цитирования: Воронкова М.Л. Смертная казнь как исключительная мера наказания: конституционно-правовой и нравственный аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 9–14.

Abstract: currently, there is a moratorium on the use of the death penalty in the Russian Federation, and death sentences are commuted to life imprisonment. Due to the increased terrorist activity, scientists and politicians are taking the initiative to review this moratorium and possibly restore an exceptional measure of

punishment. Discussions on this issue are ongoing, therefore it seems necessary to consider this issue and analyze the constitutional, legal, moral and some historical aspects. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the use of the death penalty as an exceptional measure of punishment. The object of the study was the social relations arising in the field of constitutional and legal regulation of the death penalty as an exceptional measure of punishment. The legal norms governing the death penalty as an exceptional measure of punishment, as well as the opinions of scientists, criminologists, and philosophers served as the subject of research. Research methods such as synthesis, analysis, deduction, and comparative law were used.

The article analyzes the arguments for and against the use of the death penalty. The author concludes that its introduction indicates a deep crisis in society, but in exceptional circumstances (a high level of organized crime, a wave of terrorism, the threat of anarchy or the conduct of hostilities) such a measure may be justified.

The following are considered as possible grounds for the use of the death penalty: terrorism and crimes against peace and humanity, pedophilia, drug trafficking, major corruption, high treason. At the same time, it is emphasized that the death penalty should remain an exceptional measure, applied only in extreme cases. To minimize the risk of miscarriages of justice, the author offers the following guarantees: the trial of cases by a jury and the postponement of the execution of the sentence for about ten years – a period sufficient to identify possible investigative or judicial errors.

The author emphasizes that, given the current state of Russia's law enforcement system, it is currently impractical to lift the moratorium on the death penalty. However, in the event of a significant increase in the number of terrorist acts, such a measure may be considered in the future.

Keywords: exceptional punishment; death penalty; life imprisonment; supporters of the death penalty; moratorium

For citation: Voronkova M.L. Capital punishment as an exceptional measure of punishment: constitutional, legal and moral aspects // *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. – 2026. – № 1. – P. 9–14.

Вопрос применения смертной казни носит не только правовой, но и социальный, философский, религиозный и нравственный характер. Кроме того, запрет или применение смертной казни – вопрос проводимой государственной политики. Сегодня в России действует мораторий на смертную казнь: смертные приговоры заменяются на пожизненное лишение свободы. Однако сейчас в связи с происходящими событиями (в частности, участившимися террористическими актами) многие ученые и политики предлагают отменить мораторий и вернуть исключительную меру наказания. Дискуссии по этому вопросу продолжаются, потому представляется актуальным рассмотреть данную проблематику, проанализировать конституционно-правовой, нравственный и некоторые исторические аспекты.

Цель исследования – провести комплексный анализ применения смертной казни как исключительной меры наказания. В задачи исследования входят изучение исторического, конституционно-правового и нравственно-этического аспекта смертной казни, а также анализ аргументов за и против смертной казни.

Исследование проведено с помощью методов синтеза, анализа, метода дедукции, а также сравнительно-правового метода.

Данную проблематику изучали в дореволюционной России как выдающиеся криминалисты А.О. Кистяковский, Н.Д. Сергеевский, С.Е. Десницкий, И.Г. Айвазов, так и философы С.Н. Булгаков,

А. Кестлер, А. Камю, Н.А. Бердяев, Б.Н. Чичерин и др. В советский период этот вопрос был недостаточно исследован. После распада СССР интерес к теме возрос, и она стала объектом изучения для многих ученых. Среди них можно выделить С.С. Алексеева, С.Ф. Афанасьева, А.В. Малько, В.А. Терехина, А.В. Наумова, С.Ф. Милюкова, В.Н. Петрашева и других исследователей. В данной статье рассмотрим конституционно-правовой и нравственный аспекты смертной казни, обратимся к истории вопроса.

Основной автор конституции России 1993 года С.С. Алексеев, убежденный защитник прав человека, в том числе права на жизнь, в 1989 году писал: «...по-разному мы называем смертную казнь. Но быть может, стоит сорвать покров словесных идеологем? Ведь смертная казнь не что иное, как насильственное лишение обществом жизни своего члена. Скажем жестче: убийство, умерщвление обществом человека. Впрочем – и в этом различии есть немалый смысл – не столько обществом, сколько государством... Человеческая цивилизация на современном уровне ее развития призвана утвердить – и в торжественно декларативных формулах, и во всех своих практических проявлениях – абсолютную священность человеческой жизни и вытекающую отсюда – принципиальную недопустимость смертной казни» [1, с. 336]. В Конституции Российской Федерации в ч. 2 ст. 20 закреплено: «смертная казнь впредь до ее отмены может

устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей»¹.

В настоящее время в Российской Федерации действует мораторий на применение смертной казни. Последний смертный приговор был приведен в исполнение 2 августа 1996 года в отношении Сергея Головкина, признанного виновным в серийных убийствах и педофилии (доказано 11 случаев жестоких убийств, еще 13 эпизодов остались недоказанными). Мораторий был введен в связи с вхождением России в Совет Европы (в европейских странах, как известно, смертная казнь под запретом). России было предложено ввести запрет на применение смертной казни. В ответ на данное требование был установлен мораторий на данную меру наказания (приостановление исполнения всех смертных приговоров территории Российской Федерации, помилование в 1999 году Президентом всех 703 человек, осужденных к смертной казни). Российская Федерация подтвердила, таким образом, свое стремление к реализации норм международного права, так как подписала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (не ратифицировав его). С 2022 года Россия не является членом Совета Европы и не связана никакими обязательствами с этой организацией. Европейская конвенция по правам человека денонсирована, но мораторий на смертную казнь действует. Вопрос о возможной отмене моратория неоднократно поднимался, однако не привел к каким-либо результатам. Так, в мае 2015 г. Госдума отказалась восстановить смертную казнь как наказание за терроризм [2, с. 34].

Впервые мораторий на смертную казнь был фактически введен в Российской империи императрицей Елизаветой Петровной. 7 мая 1744 года был издан сенатский указ, предписывающий прекратить на территории России «экзекуции над осужденными к смертной казни, заменив эту меру другими видами наказания...». Из анализа данного документа следует, что при правлении императрицы Елизаветы Петровны смертная казнь не была отменена, однако ее применение было приостановлено «впредь до указа Сената» [1, с. 34]. Такой «мораторий» фактически продлился до 30 сентября 1754 года, до издания указа, отменившего смертную казнь.

Конституционный Суд Российской Федерации бессрочно продлил мораторий на смертную

казнь², несмотря на отсутствие действующего нормативного правового акта, который бы временно приостанавливал применение данной меры наказания. В Уголовном кодексе Российской Федерации пять статей предусматривают смертную казнь в качестве наказания. Однако на практике смертные приговоры не выносятся. Многие политики предлагают сегодня отменить мораторий на смертную казнь, но юридически эта процедура возможна только после принятия новой конституции, что фактически не выполнимо на данный момент (такое мнение высказывает председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин).

Если говорить об истории смертной казни в России, то можно сказать, что она существовала достаточно долго и отменялась на очень короткие сроки. Например, в феврале 1917 года Временное правительство отменило смертную казнь, но через три месяца восстановило ее. Советская власть также не раз отменяла смертную казнь, но через короткое время вновь возвращала ее применение [3, с. 661].

История России неразрывно связана с Русской православной церковью, что обуславливает значимость ее позиции по вопросу смертной казни. Согласно Основам социальной концепции Русской православной церкви церковь не выступает принципиально против смертной казни, признавая за государством право самостоятельно решать вопрос о ее введении или отмене. Такое решение, по мнению Русской православной церкви, должно определяться текущим состоянием общества, эффективностью правоохранительной системы и общим состоянием государства. При этом церковь заявляет о готовности поддерживать государство в случае отмены смертной казни.

В условиях обострения криминогенной обстановки, состояния анархии, вооруженных конфликтов или высокой террористической угрозы государство может рассматривать введение смертной казни в качестве крайней меры, направленной на восстановление правопорядка. Однако данный шаг должен сопровождаться комплексным решением социально-экономических и духовно-нравственных проблем общества, ведь смертная казнь представляет собой не первопричину терроризма или анархии, а является следствием глубинных проблем в обществе.

Так, князь Владимир, приняв христианство, отрицал смертную казнь, поскольку, по словам летописца, «боялся греха». Однако в результате увеличения числа разбоев епископы рекомендовали князю

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – № 237.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-о-п // Российская газета. – 2009. – № 31.

восстановить данное наказание в целях обеспечения общественного порядка в государстве. Князь принял во внимание их рекомендации и, с целью устрашения потенциальных правонарушителей, фактически возобновил применение смертной казни, что способствовало снижению уровня преступности. Хотя юридически смертная казнь была впервые закреплена в 1398 году в Двинской уставной грамоте, на практике она применялась и до этого времени. «Епископы, носители византийской правовой традиции, исходили в своем совете из многовекового опыта христианского государства, в котором нашла свое практическое разрешение коллизия евангельского учения о любви к врагам и естественного права общества на самозащиту, реализуемого через государство» [1, с. 368].

Рассмотрим позицию сторонников и противников смертной казни, проанализируем их аргументы. Ученые, философы, юристы конца XIX – начала XX века практически все выступали против смертной казни. Нужно отметить, что этот вопрос являлся в тот исторический период предметом широкого обсуждения. Против смертной казни выступали русский криминалист Н.С. Таганцев, философы В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов и др. Так, В.С. Соловьев с нравственной точки зрения осуждает смертную казнь, признавая ее нечестивой, бесчеловечной и постыдной. С.Н. Булгаков пишет: «Всякое убийство есть дело ненависти. Не может быть, чтобы человек убивал человека из любви к нему. Смертная казнь есть один из самых ужасных видов убийства, потому что она есть холодное, расчетливое, сознательное, принципиальное убийство, – убийство без всякого аффекта, без всякой цели; убийство ради убийства» [1, с. 210]. Такого мнения придерживались тогда многие, называя смертную казнь бесчеловечным убийством.

Аргументы противников применения смертной казни заключаются в следующем (далее будут рассмотрены контраргументы к данным положениям):

1. Смертная казнь не устрашает. Проведенные исследования говорят о том, что смертная казнь не уменьшает количество тяжких преступлений [4, с. 25]. Например, в США действует смертная казнь в ряде штатов, но количество тяжких преступлений не снижается. Вместе с тем Китай подтвердил эффективность применения смертной казни для чиновников за взяточничество, об этом говорят сторонники смертной казни.

2. Возможность судебных ошибок. Правоохранительная система ни одного государства не совершенна, и приведение в исполнение приговора о смертной казни влечет за собой невозможность исправления возможной судебной ошибки, поскольку жизнь невиновного уже не вернуть.

Отвечая на аргумент по поводу судебных ошибок, сторонники смертной казни предлагают назна-

чать отсрочку исполнения наказания на достаточно длительный период, примерно на 5–10 лет.

3. Назначение смертной казни исключает исправление преступника. Однако сторонники смертной казни возражают: а возможно ли исправление людей, приговоренных к смертной казни в принципе? можно ли исправиться, например, маньяку, педофилу, террористу, убившему множество людей? В исправительной колонии особого режима «Черный дельфин» такие преступники отбывают пожизненные сроки. Согласно заключениям специалистов в области психологии, ни один из осужденных не выразил раскаяния в совершенных преступлениях. Они продолжают проживать в памяти свои деяния и сохраняют надежду на освобождение для повторения своих преступлений.

4. Смертная казнь не влечет снижения уровня преступности. Действительно, смертная казнь не причина, а следствие болезненного состояния общества, ее вводят, когда другие меры уже более не применимы. Но для снижения уровня преступности необходимы как верные политические решения, так и большая духовно-нравственная работа, обеспечение состояния экономической защищенности.

К числу отечественных правоведов конца XIX – начала XX века, сторонников ограниченного применения смертной казни, относится Б.Н. Чичерин, который считал, что «справедливость, базирующаяся на принципе эквивалента – основного принципа наказания – влечет за собой требование смертной казни при убийстве...». «Чем выше ценится человеческая жизнь, – писал он, – тем выше должно быть и наказание за ее отнятие» [5, с. 27]. Вместе с тем в качестве основного аргумента против сохранения смертной казни в действующем законодательстве выступает тот факт, что данный вид уголовного наказания противоречит фундаментальному праву каждого человека на жизнь. [6, с. 63]. Так, существует мнение, что с позиций общечеловеческой общественной морали смертная казнь является шагом назад в эволюции общества [7, с. 89].

Аргументы сторонников применения смертной казни заключаются в следующем (далее будут рассмотрены контраргументы к данным положениям):

1. Справедливое наказание за умышленное убийство. Действительно, при умышленном убийстве государство справедливо отнимает жизнь у убийцы. В этом случае действует древний принцип талиона. Противники смертной казни считают, что использование данного принципа – откат общества назад, способствующий возрождению устаревших форм социального контроля, таких как кровная месть, например.

2. Превенция тяжких преступлений. Сторонники применения высшей меры наказания полагают, что

только такая мера обладает выраженным сдерживающим, даже устрашающим эффектом. Они утверждают, что потенциальные правонарушители могут воздержаться от совершения преступления, осознавая возможность понести смертную казнь в качестве наказания. Однако противники смертной казни возражают, что в странах, в которых есть смертная казнь, количество тяжких преступлений не сокращается.

3. Избавление общества от опасных преступных элементов. Сторонники смертной казни утверждают, что, только казнив преступника, можно быть уверенным, что он больше не совершит преступлений. Во времена правления Л.И. Брежнева в СССР существовал своего рода правовой парадокс: несмотря на наличие в законодательстве меры наказания в виде смертной казни, максимальный срок лишения свободы составлял 15 лет. Преступник мог выйти на свободу и продолжать совершать преступления. Сегодня действует пожизненное лишение свободы, но преступники имеют право на помилование, в том числе и пожизненно осужденные (после 20 лет отбывания наказания, что существенно уменьшает их шанс выйти на свободу).

4. Экономическая нецелесообразность пожизненного лишения свободы. На содержание пожизненно осужденного уходят деньги налогоплательщиков, среди которых, в частности, могут быть и родственники жертв преступлений. Этот аргумент защитников смертной казни осуждается ее противниками более всего. Действительно, в данном контексте рассматриваются две несопоставимые ценности – жизнь преступника и экономическая целесообразность его содержания.

Парадокс нынешнего времени заключается в том, что в ряде государств наблюдается противоречие в регулировании вопросов лишения жизни. С одной стороны, законодательство многих стран допускает проведение абортов, разрешая убийство в детей в утробе, с другой – предусматривает полный запрет на применение смертной казни как меры уголовного наказания, спасая от смерти убийц. Кроме того, в странах Западной Европы разрешена активная эвтаназия не только для неизлечимо больных людей, но и для психически больных (Бельгия), детей (Бельгия, Нидерланды), людей, просто уставших от жизни (Швейцария).

При оценке «гуманности» правовой традиции Запада следует учитывать ее исторически неоднозначный характер. Несмотря на современный отказ Западной Европы от смертной казни, ее прошлое демонстрирует систематическое применение крайних форм репрессии, по масштабам зачастую превосходивших практики иных государств. Исторические данные подтверждают, что даже в

период правления Ивана Грозного Россия не лидировала по числу казней в Европе. Так, в Германии при Карле V было казнено около 100 тыс. человек – только судья фон Карпцов вынес порядка 20 тыс. смертных приговоров. В Англии при Генрихе VIII повешено около 70 тыс. «упрямых нищих» (при населении 4,5 млн человек). При Елизавете I казнены 19 тыс. человек. В Нидерландах герцог Альба (наместник Филиппа II) приказал казнить 18 тыс. человек [8, с. 22].

Подобные факты ставят под сомнение гуманность европейского уголовного права, как, впрочем, и отечественного. Сегодня законы защищают жизнь даже самых опасных преступников – садистов, террористов, педофилов. Но это приводит к огромным проблемам: население страны сокращается; растет число мигрантов, которых сложно контролировать; аборты, разрешенные законом, еще сильнее снижают рождаемость.

Следует подчеркнуть, что актуальной проблемой смертной казни в Российской Федерации остается отсутствие единой позиции по вопросу применения или неприменения данного вида наказания, поскольку законодательно предусмотрена возможность ее применения и, как указывают отдельные исследователи, в частности А.В. Малко, В.А. Терехин, С.Ф. Афанасьев, у судов нет юридических барьеров для ее неприменения [9, с. 185].

Таким образом, введение смертной казни свидетельствует о глубоком кризисе общественных институтов и может рассматриваться лишь как крайняя, вынужденная мера – например, в условиях высокой угрозы терроризма, организованной преступности, военных действий или угрозы анархии. Следует осознавать, что ее применение допустимо исключительно за наиболее тяжкие преступления (терроризм, педофилию, организацию наркоторговли, крупномасштабную коррупцию, государственную измену) при наличии неопровержимых доказательств вины [10]. При этом обязательно рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей и отсрочка исполнения приговора примерно на 10 лет для перепроверки доказательств и выявления возможных ошибок. Стоит подчеркнуть, что основной альтернативой смертной казни следует считать пожизненное лишение свободы, также очень серьезное наказание.

Считаем, что Россия, с учетом ее текущего состояния правоохранительной системы, не должна рассматривать вопрос об отмене моратория на смертную казнь, однако в случае увеличения частоты террористических актов в будущем такой сценарий не может быть исключен. В настоящее время в Российской Федерации вопрос о правовом статусе смертной казни остается открытым и требует дальнейшего рассмотрения.

Литература

1. Смертная казнь: за и против / под ред. С.Г. Келиной. – Москва: Юридическая литература, 1989. – 528 с.
2. **Хавалова Р.А.** Особенности законодательства о смертной казни в Российской Федерации // Закон и право. – 2024. – № 1. – С. 33–36.
3. **Рарог А.И.** Уголовно-правовые проблемы противодействия современной преступности // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 6. – С. 661–668.
4. **Милюков С.Ф.** Карательно-превентивный потенциал уголовного наказания далеко не исчерпан // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2 (45). – С. 23–28.
5. **Чичерин Б.Н.** Философия права. Избранные сочинения. – Москва: Юрайт, 2019. – 371 с.
6. **Коровин С.С., Романенко Е.А.** Смертная казнь в России: формирование и ее место в карательной политике // Гуманитарный научный вестник. – 2024. – № 1. – С. 38–41.
7. **Таганцев Н.С.** Смертная казнь. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1913. – 124 с.
8. **Чучаев А.И.** Смертная казнь как вид наказания (оценки М.Н. Гернета) // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 88–100.
9. **Малько А.В., Терехин В.А. Афанасьев С.Ф.** Смертная казнь в современной России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 80–86.
10. **Журко А.В.** Актуальные проблемы смертной казни в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2021. – № 5 (347). – С. 182–185.

References

1. Smertnaya kazn': za i protiv / pod red. S.G. Kelinoj. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1989. – 528 s.
2. **Havalova R.A.** Osobennosti zakonodatel'stva o smertnoj kazni v Rossijskoj Federacii // Zakon i pravo. – 2024. – № 1. – S. 33–36.
3. **Rarog A.I.** Ugolovno-pravovye problemy protivodejstviya sovremennoj prestupnosti // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2022. – T. 16. – № 6. – S. 661–668.
4. **Milyukov S.F.** Karatel'no-preventivnyj potencial ugovalnogo nakazaniya daleko ne ischerpan // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2017. – № 2 (45). – S. 23–28.
5. **Chicherin B.N.** Filosofiya prava. Izbrannye sochineniya. – Moskva: Yurajt, 2019. – 371 s.
6. **Korovin S.S., Romanenko E.A.** Smertnaya kazn' v Rossii: formirovanie i ee mesto v karatel'noj politike // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. – 2024. – № 1. – S. 38–41.
7. **Tagancev N.S.** Smertnaya kazn'. – Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1913. – 124 s.
8. **Chuchaev A.I.** Smertnaya kazn' kak vid nakazaniya (ocenki M.N. Gerneta) // Zhurnal rossijskogo prava. – 2023. – № 2. – S. 88–100.
9. **Mal'ko A.V., Terekhin V.A. Afanas'ev S.F.** Smertnaya kazn' v sovremennoj Rossii // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2014. – № 2. – S. 80–86.
10. **Zhurko A.V.** Aktual'nye problemy smertnoj kazni v Rossijskoj Federacii // Molodoy uchenyj. – 2021. – № 5 (347). – S. 182–185.

(статья сдана в редакцию 29.09.2025)

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации о презумпции невиновности

Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the pre-sumption of innocence

УДК 340.131.5

Е.Е. Новопавловская,
кандидат юридических наук, доцент
(Самарский национальный исследовательский
университет имени С.П. Королева,
Россия, Самара)
novopavlovskaya@gmail.com

Elena E. Novopavlovskaya,
Candidate of Law, Associate Professor
(Samara National Research University,
Samara, Russia)

Аннотация: в статье исследуется содержание принципа презумпции невиновности, его регламентация в Конституции Российской Федерации и на уровне отраслевого законодательства. Анализируются ключевые правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, связанные с различными составляющими принципа презумпции невиновности и проблемами его применения в административном и уголовном судопроизводстве, в том числе в части распределения бремени доказывания, оценки доказательств, трактовки всех неустранимых сомнений в виновности лица в его пользу, установления гарантий прав обвиняемого, включая право на получение квалифицированной юридической помощи, а также запрета на публичное высказывание субъективного мнения о виновности лица до вступления в силу судебного решения. Сделан акцент на характеристике случаев нарушения презумпции невиновности, когда причинами таковых выступили правовые неопределенности, что впоследствии стало поводом для начала разбирательства в порядке конституционного судопроизводства. Отдельное внимание уделено взаимосвязи различных составляющих принципа презумпции невиновности с иными конституционными гарантиями. В частности, автор рассуждает о праве на молчание и недопустимости использования доказательств, которые были получены с нарушением требований законодательства.

Ключевые слова: гарантии; принцип; презумпция невиновности; правовая неопределенность; конституционный нормоконтроль; правовая позиция

Для цитирования: Новопавловская Е.Е. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации о презумпции невиновности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 15–20.

Abstract: this article examines the presumption of innocence and its regulation in the Constitution of the Russian Federation and at the level of sectoral legislation. It analyzes key legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation related to various components of the presumption of innocence and issues related to its application in administrative and criminal proceedings, including those related to the distribution of the burden of proof, the evaluation of evidence, the interpretation of all irreconcilable doubts regarding a person's guilt in their favor, the establishment of guarantees of the rights of the accused, including the right to qualified legal assistance, and the prohibition on publicly expressing a subjective opinion regarding a person's guilt before a court decision comes into force. The article emphasizes the characteristics of cases of violation of the presumption of innocence, where the causes were legal uncertainties, which subsequently became the basis for initiating proceedings under constitutional procedure. Special attention is given to the relationship between the various components of the presumption of innocence and other constitutional guarantees. In particular, the author discusses the right to silence and the inadmissibility of using evidence that was obtained in violation of legal requirements.

Keywords: guarantees; principle; presumption of innocence; legal uncertainty; constitutional normative review; legal position

For citation: Novopavlovskaya E.E. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the presumption of innocence // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 15–20.

Презумпция невиновности является одним из фундаментальных принципов правового государства. Он сформулирован в ст. 49 Конституции Российской Федерации и детализирован нормами отраслевого законодательства, что свидетельствует о его межотраслевом характере и подчеркивает значимость в системе иных принципов права. Этими обстоятельствами объясняется научный интерес ученых различной отраслевой принадлежности, исследующих разнообразные аспекты данного принципа. Примечательно, что авторы дискутируют не только о теоретических основах презумпции невиновности, но и о проблемах реализации данного принципа, а также о направлениях законодательного совершенствования его действия [1, с. 61–71; 2, с. 131–137; 3, с. 50–55; 4, с. 45–52; 5, с. 445–447; 6, с. 59–62; 7, с. 43–49; 8, с. 112–115; 9, с. 155–165; 10, с. 24–29; 11, с. 29–33; 12, с. 28–33].

Ученые не выработали единого мнения относительно вопроса о содержании (ядре) презумпции невиновности¹. Например, П.А. Астафичев включает в число ключевых компонентов исследуемого нами принципа а) бремя доказывания, подчеркивая необходимость обеспечения справедливости при его распределении; б) установление виновности, которое должно осуществляться только уполномоченными на то органами власти и на определенной стадии правоприменительного процесса; в) соблюдение процедурных правил доказывания фактов и установления обстоятельств, имеющих юридическое значение для данного дела [1, с. 61–62].

В контексте выделения авторами второго компонента вспомним положения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) о том, что принцип презумпции невиновности, включая правила о бремени доказывания, представляет собой общие требования государственного принуждения в области публичной ответственности. Речь идет о карательной функции, которая свойственна как уголовной, так и административной ответственности.

¹ Заметим, что дефиниция «ядро» применительно к характеристике принципа презумпции невиновности используется также в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Например, по справедливому мнению суда, принципы беспристрастности суда и презумпции невиновности входят в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту. См.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.05.2019 № 20-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 21. – Ст. 2657.

Полагаем, что в названный выше перечень необходимо также включить следующие характеристики презумпции невиновности:

– толкование неустрашимых сомнений в пользу обвиняемого: КС РФ неоднократно справедливо подчеркивал, что возникшие в ходе рассмотрения дела сомнения виновности лица, которые не были в итоге устранены, должны быть интерпретированы в его пользу (например, постановление КС РФ от 11.07.2024 № 37-П²);

– запрет на публичное высказывание субъективного мнения о виновности лица до вступления в силу решения суда, что направлено на защиту от преждевременного обвинения, а также защиту чести, достоинства и доброго имени человека;

– право на защиту, включая право на получение квалифицированной юридической помощи, изучение материалов дела, представление своих доводов и доказательств. При этом отказ от дачи показаний (так называемое право на молчание) не может считаться доказательством виновности. КС РФ не раз рассуждал о сущности и правовой основе права на молчание, акцентируя внимание на положения международных стандартов в области прав человека и решения Европейского Суда по правам человека. Приведем для примера постановление от 20.07.2016 № 17-П³, в котором КС РФ ссылается на положения подп. «g» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах⁴ о запрете в любой форме на принуждение обвиняемого по уголовному делу давать свидетельские показания против себя (право на молчание). Право на молчание, как отметил КС РФ, ссылаясь на решения Европейского Суда по правам человека⁵, всецело согласуется с принципом справедливой судебной защиты, гарантированного ст. 6 Конвенции о защите прав

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 30. – Ст. 4442.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 31. – Ст. 5088.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 976. – № 17. – Ст. 291.

⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 17.12.1996 «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

человека и основных свобод⁶ (постановление КС РФ от 25.04.2001 № 6-П⁷).

Мониторинг практики конституционного судопроизводства показывает, что систематически заявители оспаривают конституционность регламентации отдельных составляющих презумпции невиновности. При этом предметом рассмотрения выступают положения нормативных правовых актов различной отраслевой принадлежности:

– Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025)⁸ (постановление КС РФ от 18.01.2024 № 2-П⁹);

– Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.12.2025)¹⁰ (постановление КС РФ от 18.07.2024 № 39-П¹¹);

– Гражданского процессуального кодекса от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025)¹² (постановление КС РФ от 15.07.2020 № 36-П¹³);

– Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025)¹⁴ (постановление КС РФ от 11.07.2024 № 37-П¹⁵);

– Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и вне-

сении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁶ (например, постановление КС РФ от 08.11.2023 № 51-П¹⁷) и иных актов.

Ввиду признания в ряде случаев неконституционности положений перечисленных правовых актов в части регламентации ими отдельных элементов презумпции невиновности КС РФ вынужден выводить их из правового пространства и формулировать соответствующие правовые позиции, ключевыми из которых являются:

– установление виновности только судом в строго установленном процессуальном порядке: недопустимость указания на виновность лица до момента вступления в законную силу решения (приговора) суда (постановление КС РФ от 15.06.2021 № 28-П¹⁸). Суд обязан исследовать фактические обстоятельства дела, а не ограничиваться установлением формальных условий применения нормы права. Суд в процессе проверки процессуальных актов предварительного следствия не вправе предreshать вопросы, которые в дальнейшем могут составить предмет судебного рассмотрения (включая вопрос о виновности/невиновности лица). В противном случае будет иметь место нарушение конституционно провозглашенного принципа независимости суда и ущемление права на судебную защиту. В другом своем постановлении, вынесенном позднее, КС РФ указал, что, исходя из презумпции невиновности, суждения о противоправности действий (бездействий) лица, основанные исключительно на предположении, означают доказанность факта совершения этим лицом соответствующего преступного деяния (постановление КС РФ от 08.11.2023 № 51-П¹⁹);

– необходимость презумпции невиновности для принятия адекватных правосстановительных мер (постановление КС РФ от 17.12.2024²⁰);

– наличие доказанной вины, относящейся к числу общепризнанных принципов привлечения к уголовной ответственности и являющейся необходимым элементом субъективной стороны

⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163. (с 16 марта 2022 года названная Конвенция прекратила свое действие в отношении Российской Федерации. См.: Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 10. – Ст. 1566.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2408.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 5. – Ст. 763.

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 30. – Ст. 4444.

¹² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4999.

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 30. – Ст. 4442.

¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7020.

¹⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 47. – Ст. 8494.

¹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 26. – Ст. 5043.

¹⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 47. – Ст. 8494.

²⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 53 (ч. III). – Ст. 8891.

состава преступления (например, постановление КС РФ от 24.05.2021 № 21-П²¹ от 18.01.2024 № 2-П²²);

– трактовка всех неустранимых сомнений в виновности лица в его пользу: в этой связи вспомним резонансное дело, рассмотренное в КС РФ по запросу Ивановского областного суда, поставившего под сомнение конституционность п. 2 примечания к ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, в котором дается разъяснение того, какое лицо, управляющее транспортным средством, может быть признано находящимся в состоянии опьянения. Суть спорной ситуации состояла в том, что гражданин, управляющий транспортным средством, не был подвергнут медицинскому освидетельствованию в установленном законом порядке в целях установления факта нахождения его в состоянии опьянения. КС РФ признал нарушением прав непроведение подобного рода освидетельствования в силу территориальной удаленности медицинской организации, отсутствия специалиста, уполномоченного на проведение освидетельствования или экспертизы, и иных причин, резюмировав, что в контексте рассматриваемого дела нарушение принципа презумпции невиновности имеет место в том случае, если лицо привлекается к ответственности на основании предположений о его состоянии опьянения, а не на основании достоверных доказательств, получить которые не представлялось возможным. Вынося по данному делу постановление, КС РФ возложил на федерального законодателя обязанность по проведению соответствующих законодательных корректировок.

Ранее КС РФ неоднократно подчеркивал, что учет в пользу обвиняемого сомнений в его виновности создает условия для справедливого отправления правосудия и легитимности судебных решений (например, постановление КС РФ от 19.06.2023 № 33-П²³). Обратим внимание, что выводы подобного рода КС РФ делал не только в процессе рассмотрения дел о проверке конституционности норм уголовного и (или) уголовно-процессуального законодательства, но и административного. Примером тому может служить постановление КС РФ от 12.05.2021 № 17-П, предметом рассмотрения в котором выступали положения ст. 1.5, ч. 1 ст. 2.1, ч. 1 ст. 15.6, п. 1 ч. 1, ч. 3 ст. 28.1 КоАП РФ²⁴.

Рассуждая о сущности презумпции невиновности, КС РФ отметил, что в процессе привлечения к ответственности обязательно учет подлежат все обстоятельства дела, должны быть достаточными доказательства и отсутствовать неустранимые сомнения в виновности лица (постановление КС РФ от 12.05.2021 № 17-П²⁵). Баланс интересов КС РФ видел также в том, что меры административной ответственности должны быть соразмерны тяжести содеянного, учитывать степень вины и не допускать избыточного государственного принуждения. КС РФ акцентировал внимание на том, что привлечение к административной ответственности допустимо только в случае установления всех необходимых элементов юридического состава правонарушения и отсутствии противоречий в правоприменительной практике (постановление КС РФ от 15.10.2020 № 41-П²⁶);

– возложение обязанности по доказыванию обвинения и опровержению доводов защиты на сторону обвинения (бремя доказывания): обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Как уже отмечалось ранее, он имеет право на молчание.

В административном законодательстве предусмотрены положения схожего содержания, давая оценку конституционности которых в части регламентации распределения бремени доказывания в сфере дорожного движения в случае фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи, и соответствующими собственниками (владельцами) транспортных средств, КС РФ заметил, что в силу действия презумпции невиновности привлекаемое к административной ответственности лицо не обязано доказывать свою невиновность. При этом, по точному признанию КС РФ, такое распределение бремени доказывания не освобождает уполномоченные органы при рассмотрении и разрешении дел об административных правонарушениях от обязанности обеспечивать всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснения всех обстоятельств дела в целях его справедливого разрешения (постановление КС РФ от 13.12.2022 № 54-П²⁷);

²¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 22. – Ст. 3914.

²² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 5. – Ст. 763.

²³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 26. – Ст. 4846.

²⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. –

2021. – № 21. – Ст. 3672.

²⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 21. – Ст. 3672.

²⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 43. – Ст. 6883.

²⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 52. – Ст. 9756.

– запрет на наложение ограничений на обвиняемого до вступления в законную силу обвинительного приговора (постановление от 17.06.2021 № 29-П²⁸), поскольку в противном случае имеет место произвольное ограничение прав и свобод человека, которое, по верной констатации КС РФ, должно расцениваться как создание условий для дисбаланса прав и обязанностей, приводящих к подрыву авторитета власти и снижению уровня доверия к государству в целом (постановление КС РФ от 17.07.2023 № 42-П²⁹);

– тесная связь презумпции невиновности с иными процессуальными гарантиями, в том числе правом на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей. Это обусловлено тем фактом, что презумпция невиновности является одним из основных принципов правосудия, обеспечивающим защиту прав обвиняемого [9, с. 157]. Отмечая такую связь, КС РФ между тем проводит последовательное разграничение между основными правами и процессуальными гарантиями, справедливо отмечая, что право на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей не входит в ядро конституционного права на судебную защи-

ту, а выступает в качестве процессуальной гарантии, которая предоставляется законодателем. Это означает, что данное право может варьироваться в зависимости от дискреционных полномочий законодателя (постановление КС РФ от 24.11.2025 № 40-П³⁰) и др.

В заключение признаем, что в разные годы КС РФ сформулировал весьма значимые правовые позиции относительно содержания различных аспектов презумпции невиновности, в том числе бремени доказывания (включая право, а не обязанность доказывать свою невиновность, право на молчание), а также допускаемых нарушений исследуемого принципа (например, публичных заявлений должностных лиц о виновности лица до вынесения судебного решения или вступления его в законную силу). КС РФ в своих правовых позициях подчеркивал, что презумпция невиновности – это не просто формальный принцип, а гарантия справедливого правосудия, которая требует строгого соблюдения процессуальных требований на всех стадиях как уголовного, так и административного судопроизводства. Это включает недопустимость предвзятости, обеспечение права на защиту, требование доказанности вины и толкование сомнений в пользу обвиняемого.

²⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 26. – Ст. 5044.

²⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 30. – Ст. 5751.

³⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 48 (ч. IV). – Ст. 7475.

Литература

1. **Астафичев П.А.** К вопросу о презумпции невиновности в российском публичном праве: взгляд конституционалиста // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 2 (106). – С. 61–71.
2. **Вильская Н.В., Малахова В.Ю.** Презумпция невиновности: теория и актуальные аспекты современной судебной практики // Современное право. – 2025. – № 4. – С. 131–137.
3. **Виноградов В.А.** Распределение бремени доказывания в суде апелляционной инстанции: границы действия презумпции невиновности // Юрист. – 2025. – № 7. – С. 50–55.
4. **Власова Е.Л., Добров А.Н.** Проблемы реализации принципа презумпции невиновности на современном этапе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2024. – № 2 (109). – С. 45–52.
5. **Добров А.Н.** К вопросу о пределах действия принципа презумпции невиновности // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 445–447.
6. **Загорьян С.Г., Мисник И.В.** Презумпции невиновности как один из основных гарантов защиты личности в российском уголовном судопроизводстве // Российский научный вестник. – 2025. – № 5. – С. 59–62.
7. **Кисин В.Р., Попугаев М.Ю.** Проблемные аспекты реализации принципов вины и презумпции невиновности в нормах законодательства об административных правонарушениях // Административное право и процесс. – 2024. – № 2. – С. 43–49.
8. **Лелевкин Е.В.** Формирование принципа презумпции невиновности в российском уголовном процессе // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. – 2024. – № 18. – С. 112–115.
9. **Малина М.А.** Презумпция невиновности и суд с участием присяжных заседателей // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 10. – С. 155–165.
10. **Малина М.А.** Презумпция невиновности – одна из ключевых гарантий воплощения нравственных начал в российском уголовном процессе // Российский судья. – 2024. – № 4. – С. 24–29.
11. **Михайлова Ю.Н.** Реализация принципа презумпции невиновности при производстве предъявления для опознания // Российский судья. – 2021. – № 5. – С. 29–33.
12. **Мухомтова Ю.П.** Направления законодательного совершенствования действия принципа презумпции невиновности при применении альтернатив уголовному преследованию // Российский судья. – 2024. – № 5. – С. 28–33.

References

1. **Astafichev P.A.** K voprosu o prezumpcii nevinovnosti v rossijskom publicnom prave: vzglyad konstitucionalista // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2025. – № 2 (106). – S. 61–71.
2. **Vil'skaya N.V., Malahova V.Yu.** Prezumpciya nevinovnosti: teoriya i aktual'nye aspekty sovremennoj sudebnoj praktiki // Sovremennoe pravo. – 2025. – № 4. – S. 131–137.

3. **Vinogradov V.A.** Raspredelenie bremini dokazyvaniya v sude apellyacionnoj instancii: granicy dejstviya prezumpcii nevinovnosti // Yurist. – 2025. – № 7. – S. 50–55.
4. **Vlasova E.L., Dobrov A.N.** Problemy realizacii principa prezumpcii nevinovnosti na sovremennom etape // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2024. – № 2 (109). – S. 45–52.
5. **Dobrov A.N.** K voprosu o predelah dejstviya principa prezumpcii nevinovnosti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2025. – № 4. – S. 445–447.
6. **Zagor'yan S.G., Misnik I.V.** Prezumpcii nevinovnosti kak odin iz osnovnyh garantov zashchity lichnosti v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve // Rossijskij nauchnyj vestnik. – 2025. – № 5. – S. 59–62.
7. **Kisin V.R., Popugaev M.Yu.** Problemnye aspekty realizacii principov viny i prezumpcii nevinovnosti v normah zakonodatel'stva ob administrativnyh pravonarusheniyah // Administrativnoe pravo i process. – 2024. – № 2. – S. 43–49.
8. **Lelevkin E.V.** Formirovanie principa prezumpcii nevinovnosti v rossijskom ugovolnom processe // Vestnik Ryazanskogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2024. – № 18. – S. 112–115.
9. **Malina M.A.** Prezumpciya nevinovnosti i sud s uchastiem prisyazhnyh zasedatelej // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2023. – № 10. – S. 155–165.
10. **Malina M.A.** Prezumpciya nevinovnosti – odna iz klyuchevykh garantij voploshcheniya npravstvennykh nachal v rossijskom ugovolnom processe // Rossijskij sud'ya. – 2024. – № 4. – S. 24–29.
11. **Mihajlova Yu.N.** Realizaciya principa prezumpcii nevinovnosti pri proizvodstve pred»yavleniya dlya opoznaniya // Rossijskij sud'ya. – 2021. – № 5. – S. 29–33.
12. **Muhortova Yu.P.** Napravleniya zakonodatel'nogo sovershenstvovaniya dejstviya principa prezumpcii nevinovnosti pri primenenii al'ternativ ugovolnomu presledovaniyu // Rossijskij sud'ya. – 2024. – № 5. – S. 28–33.

(статья сдана в редакцию 23.11.2025)

Правовое регулирование процедур допуска лиц к управлению отдельными видами транспортных средств

Legal regulation of procedures for persons to drive certain types of vehicles

УДК 342.92

Т.С. Багрова,

кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
t7a6t5i4a3n2a1@yandex.ru

Tatyana S. Bagrova,

Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

А.В. Максименко,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
mav1202@yandex.ru

Alexander V. Maksimenko,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: специфика эксплуатации транспортных средств различных видов и связанные с этим риски обуславливают особенности законодательно установленных правил их использования. Наибольший интерес представляют правила допуска к управлению транспортными средствами отдельных категорий, поскольку именно их четкое соблюдение во многом обеспечивает и получае-мый эффект, и обеспечение транспортной безопасности. Несовершенства в указанных правилах могут привести к снижению уровня транспортной безопасности и повышению рисков причинения вреда жизни, здоровью и имуществу граждан. В целях решения задач обеспечения безопасности на транспорте авторами предложено рассматривать в качестве основных этапов юридического допуска к управлению транспортными средствами различных видов предварительный этап, этап прохождения проверки и этап выдачи документа, подтверждающего соответствующее право. Фак-тический допуск к управлению транспортными средствами состоит в систематическом повторении закрепленных законодательно процедур, перечень которых зависит от вида транспортного сред-ства. Такой допуск осуществляется работодателем непосредственно перед каждой эксплуатацией транспортного средства. Отдельно авторами предложены требования для допуска к управлению велосипедом, также являющимся транспортным средством. Эти требования следует закрепить на законодательном уровне для обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: допуск; управление; транспортное средство; понятие права; процедура; до-рожное движение

Для цитирования: Багрова Т.С., Максименко А.В. Правовое регулирование процедур допуска лиц к управлению отдельными видами транспортных средств // Вестник Белгородского юридическо-го института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 21–27.

Abstract: the specifics of the operation of various types of vehicles and the risks associated with such operation determine the specifics of the legally established rules for the use of vehicles of various types. The rules of admission to driving vehicles of various types are of the greatest interest, since it is their strict observance

that largely ensures both the effect obtained and ensuring transport safety. The imperfections observed in these rules can lead to a decrease in the level of transport safety and an increase in the risks of harm to the life, health and property of citizens. In order to solve the problems of ensuring safety in transport, the authors propose to consider the preliminary stage, the stage of passing an inspection and the stage of issuing a document confirming the relevant right as the main stages of legal access to driving vehicles of various types. The actual admission to driving consists in the systematic repetition of legally prescribed procedures, the list of which depends on the type of vehicle. Such admission is carried out by the employer immediately before each operation of the vehicle. The authors have also proposed requirements for the operation of a bicycle, which is also a vehicle. These requirements should be enshrined in legislation to ensure road safety.

Keywords: admission; management; vehicle; concept of law; procedure; traffic

For citation: Bagrova T.S., Maksimenko A.V. Legal regulation of procedures for persons to drive certain types of vehicles // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 21–27.

В современном обществе безопасность во всех ее проявлениях является одной из наивысших потребностей человека. Удовлетворение этой потребности находит свое отражение в том числе и в положениях действующего законодательства. Одним из проявлений стремления к созданию для человека безопасной среды существования в полной мере следует считать формирование правил, обеспечивающих безопасность на транспорте. Данное направление приобрело актуальность в связи с активным использованием различных видов транспортных средств в повседневной деятельности человека, а также конструктивными особенностями самих транспортных средств и сложностью их эксплуатации, потенциально создающими повышенную угрозу безопасности человека.

В рамках всего массива нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы обеспечения транспортной безопасности, наибольший интерес представляют положения, направленные на регламентацию допуска к управлению различными видами транспортных средств. Как уже было отмечено, процесс эксплуатации транспортных средств сопряжен с высоким риском причинения вреда жизни, здоровью и имуществу граждан, что предопределяет необходимость избирательного подхода к предоставлению лицам полномочий по управлению транспортными средствами.

Основу правовой регламентации процедуры юридического допуска лиц к управлению транспортными средствами автомобильного транспорта составляют положения статей 25 и 26 Федерального закона от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», а также приказа МВД России от 20 февраля 2021 года № 80 (далее – Административный регламент)¹. Особенностью регулирования юри-

дического допуска лиц к управлению транспортными средствами автомобильного транспорта следует считать достаточно подробную детализацию, которая касается всех действий (вплоть до указания конкретного времени), выполняемых лицом, желающим получить право на управление транспортным средством автомобильного транспорта [1]. Данная процедура включает в себя ряд последовательно проходимых претендентами этапов.

Так, на предварительном этапе следует обеспечить выполнение всех условий, необходимых для возникновения у лица права на обращение за выдачей ему водительского удостоверения в соответствии с требованиями законодателя: достижение возраста, с которого возможно предоставление права управления транспортными средствами автомобильного транспорта согласно определенным категориям; наличие необходимых и достаточных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе соответствующего профессионального обучения; соответствующий уровень здоровья, предполагающий отсутствие у лица каких-либо противопоказаний, препятствующих его допуску к управлению транспортными средствами соответствующей категории, подтверждаемый медицинским заключением.

На следующем этапе происходит обращения в орган государственной власти, уполномоченный принимать решение о выдаче водительских удостоверений. Претендент предоставляет свое заявление и необходимый пакет документов на получение водительского удостоверения – орган государственной власти проводит

¹ Приказ МВД России от 20 февраля 2021 г. № 80 «Об утверждении Административного регламента Министерства

внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>

проверку действительности предоставленных сведений и принимает решение о допуске или об отказе в допуске к экзаменам. Решение об отказе принимается при наличии прямо предусмотренных законом оснований, к которым относятся несоблюдение возрастных требований по категориям транспортных средств автомобильного транспорта, наличие сведений о лишении данного лица права управления транспортными средствами и т.п.

Дальнейшим этапом можно назвать проведение теоретического и практического экзаменов по соответствующей категории. Порядок проведения каждого из видов проводимых экзаменов достаточно подробно урегулирован положениями Административного регламента. После окончания экзаменов начинается заключительный этап процедуры юридического допуска лиц к управлению транспортными средствами автомобильного транспорта. В его рамках принимается решение о выдаче водительского удостоверения либо об отказе в выдаче. Основания для принятия решения об отказе в выдаче водительского удостоверения прямо предусмотрены положениями Административного регламента. При их отсутствии по итогам успешной сдачи теоретического и практического экзаменов принимается решение о выдаче водительского удостоверения. После принятия такого решения осуществляется оформление самого водительского удостоверения в соответствии с требованиями приказа МВД России от 13 мая 2009 г. № 365², в реестр выдачи водительских удостоверений вносятся соответствующие сведения, а само удостоверение выдается лицу.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о допуске к управлению таким транспортным средством, как велосипед, не включенным на настоящий момент ни в одну из существующих категорий и подкатегорий транспортных средств, на управление которыми требуется получение специального права [2]. Это следует из анализа положений статьи 25 Федерального закона от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения». Кроме того, в главе 24 постановления Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» устанавливаются дополнительные требования, определяющие возможность движения велосипедистов по обочинам дорог общего пользования. Таким правом они наделяются в случае, если одновременно совпадают два условия: управляю-

щий велосипедом субъект достиг 14-летнего возраста и отсутствуют специальные велосипедные или велопешеходные дорожки. Из всего изложенного выше можно сделать вывод, что юридический допуск к управлению велосипедом предполагает прохождение только одного единственного этапа – достижения возраста 14 лет. При этом законодателем не предусматривается необходимость прохождения других этапов допуска к управлению транспортным средством. То есть проверка профессиональных навыков и состояния здоровья лица, управляющего велосипедом, не являются обязательными. Велосипедисты также не обязаны иметь какой-либо документ, подтверждающий право на управление велосипедом, за исключением случаев, когда речь идет о велосипеде с электродвигателем (мощностью более 205 Вт). При выезде на дороги общего пользования в установленных законом случаях достаточно наличие паспорта и соблюдения правил дорожного движения.

На сегодняшний день научным сообществом и общественностью широко обсуждается вопрос о необходимости и возможности введения требования о получении велосипедистами прав на управление данным транспортным средством [3]. При этом высказываются диаметрально противоположные точки зрения – как полностью поддерживающие рассматриваемое требование (основываясь на опыте СССР, где выдавалось удостоверение на право управления велосипедом, и отдельных современных государств, например Израиля) [4], так и отрицательно относящиеся к данному предложению, поскольку это приведет к излишней бюрократии и, возможно, даже к коррупции³.

По нашему мнению, речь должна идти не о получении специального права, а о повышении грамотности и культуры лиц, управляющих велосипедами, в сфере правил дорожного движения. Поскольку потенциально любое лицо, достигшее возраста 14 лет, имеет право самостоятельно управлять рассматриваемым транспортным средством, то соответствующая подготовка должна охватывать абсолютное большинство лиц. Сделать это представляется возможным в рамках общего образования. На сегодняшний день изучение правил дорожного движения осуществляется в общеобразовательных школах в рамках учебной дисциплины «Основы безопасности жизнедеятельности» или внеклассной работы (дополнительные занятия, кружки, конкур-

² Приказ МВД России от 13 мая 2009 г. № 365 «О введении в действие водительского удостоверения» (ред. от 09.01.2024) // Российская газета. – 2009. – № 132.

³ ПДД для велосипедистов: правила и наказания [Электронный ресурс] // Официальный сайт ассоциации юристов России. – URL: <https://alrf.ru/articles/peredvizhenie-velosipedistov-pravila-i-nakazaniya-na-nesoblyudenie-pravil-dorozhnogo-dvizheniya/>

сы, встречи с сотрудниками Госавтоинспекции и прочее). Однако, несмотря на наличие этих мероприятий, их объем и содержание не всегда обеспечивают необходимый уровень подготовки учащихся. Считаем необходимым не просто включить изучение правил дорожного движения в перечень обязательных школьных дисциплин, но проводить для обучающихся 8-х классов итоговую проверку знаний по данной учебной работе в форме экзамена с приглашением сотрудников Госавтоинспекции. В таком случае после получения паспорта подростки, имеющие право на выезд на велосипеде на дороги общего пользования, будут подготовлены к участию в дорожном движении.

Применительно к транспортным средствам воздушного транспорта вопросы допуска лиц к их управлению регламентируются положениями статей 52–55 Воздушного кодекса Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ, а также подзаконными актами, принимаемыми во исполнение требований кодифицированного акта. Особенностью допуска лиц к управлению транспортными средствами воздушного транспорта следует назвать установление законодателем дополнительных запретов и ограничений для лиц, претендующих на получение такого допуска. Для лиц из числа авиационного персонала дополнительным требованием будет являться наличие гражданства Российской Федерации [5]. Кроме того, для лиц, претендующих на замещение должностей специалистов авиационного персонала, ограничением при трудоустройстве выступают требования об отсутствии непогашенной или неснятой судимости за совершение умышленного преступления. А в качестве меры, направленной на защиту прав и законных интересов граждан, обеспечение обороны страны и безопасности государства, будет рассматриваться запрет на забастовки или иное прекращение работы авиационным персоналом гражданской авиации, осуществляющим обслуживание (управление) воздушного движения. В положениях федеральных авиационных правил устанавливаются перечни требований, которым должны соответствовать, например, частный пилот воздушного судна, обладатель свидетельства коммерческого пилота, пилот многочленного экипажа самолета и др.⁴ При этом членам лет-

ного экипажа гражданского воздушного судна запрещается без назначения врача принимать лекарственные препараты, включенные в перечень лекарственных препаратов, влияющих на способность выполнять функции члена летного экипажа воздушного судна и диспетчера управления воздушным движением.

В рамках широкого подхода к пониманию допуска к управлению транспортными средствами воздушного транспорта можно обозначить установление законодателем и дополнительных оснований для расторжения трудового договора с лицом из числа специалистов авиационного персонала в статье 52 Воздушного кодекса Российской Федерации. К таким основаниям относятся привлечение лица к ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, или невыполнение лицом требования о прохождении в установленном порядке обязательного периодического медицинского осмотра, а в отношении членов летного экипажа гражданского воздушного судна – требования о прохождении в установленном порядке обязательного медицинского освидетельствования, медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) [6].

С точки зрения обеспечения безопасности на транспорте интерес представляет рассмотрение процедуры юридического допуска к управлению транспортными средствами воздушного транспорта гражданской авиации. Повышенные требования к безопасности на воздушном транспорте обуславливают детальную регламентацию законодателем не только процедуры выдачи свидетельства, подтверждающего право управления воздушным судном гражданской авиации, но и этапа подготовки соответствующих специалистов. В частности, в рамках подзаконных актов установлены требования к организациям как образовательным, так и осуществляющим обучение специалистов соответствующего уровня согласно перечням специалистов авиационного персонала⁵, требования

⁴ Приказ Минтранса России от 12 сентября 2008 г. № 147 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к членам экипажа воздушных судов, специалистам по техническому обслуживанию воздушных судов и сотрудникам по обеспечению полетов (полетным диспетчерам) гражданской авиации»» (ред. от 02.02.2024) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2008. – № 48.

⁵ Приказ Минтранса России от 29 сентября 2015 г. № 289 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к образовательным организациям и организациям, осуществляющим обучение специалистов соответствующего уровня согласно перечням специалистов авиационного персонала. Форма и порядок выдачи документа, подтверждающего соответствие образовательных организаций и организаций, осуществляющих обучение специалистов соответствующего уровня согласно перечням специалистов авиационного персонала, требованиям федеральных авиа-

к тренажерным устройствам имитации полета, применяемым в целях подготовки и контроля профессиональных навыков членов летных экипажей гражданских воздушных судов⁶, требования к подготовке и выполнению полетов гражданской авиации⁷ и др.

Сама процедура юридического допуска лиц к управлению транспортными средствами воздушного транспорта гражданской авиации регламентирована положениями статьи 53 Воздушного кодекса Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 193⁸. Проведение данной процедуры относится к компетенции Федерального агентства воздушного транспорта, которым формируются высшая квалификационная комиссия и территориальные квалификационные комиссии. Сама процедура включает несколько этапов, среди которых можно выделить: подачу обращения на проверку знаний, которая осуществляется организациями как образовательными, так и осуществившими в установленном воздушным законодательством Российской Федерации порядке обучение кандидатов на получение свидетельств кандидатами на получение свидетельств или их работодателями; проверку знаний; проверку соответствия навыков требо-

ваниям федеральных авиационных правил; подачу представления (заявления) на получение свидетельства, позволяющего выполнять соответствующие функции по управлению транспортными средствами воздушного транспорта гражданской авиации; выдачу свидетельства; внесение в базу данных свидетельств авиационного персонала гражданской авиации.

Законодателем достаточно подробно регламентированы требования к проведению проверок знаний и соответствия навыков требованиям федеральных авиационных правил. Первая проверка осуществляется в форме тестирования, вторая – в полете или на тренажерном устройстве в зависимости от функций, которые в дальнейшем намерено осуществлять лицо, получившее соответствующее свидетельство. По результатам таких проверок подготавливаются протокол проверки знаний и справка о результатах проверки соответствия навыков требованиям федеральных авиационных правил.

Свидетельство, позволяющее выполнять соответствующие функции по управлению транспортными средствами воздушного транспорта гражданской авиации, выдается Федеральным агентством воздушного транспорта на основании предоставления пакета документов, в который помимо названных выше протокола и справки также входят документы, подтверждающие другие значимые для получения свидетельства обстоятельства. К ним относятся, в частности, документ, удостоверяющий личность кандидата на получение свидетельства, а также документы, подтверждающие наличие у кандидата необходимой подготовки и опыта, соответствие его состояния здоровья предъявляемым требованиям. Для получения свидетельства предоставляются копии перечисленных выше документов. При этом отказ в выдаче рассматриваемого свидетельства допускается по прямо предусмотренным законом основаниям, к которым относятся как недостатки представляемых кандидатом документов, так и несоответствие самого кандидата на получение свидетельства. Например, отказ в выдаче свидетельства, позволяющего выполнять соответствующие функции по управлению транспортными средствами воздушного транспорта гражданской авиации, является правомерным в случае, когда кандидат на получение такого свидетельства предоставил необходимые документы не в полном объеме или без соблюдения установленных требований, а также предоставил недостоверные сведения. В случае, если перечисленные выше основания к отказу отсутствуют, принимается решение о выдаче свидетельства, а само его оформление и выдача заявителю должно быть осуществлено в срок, не превышающий один ра-

ционных правил» (ред. от 12.08.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁶ Приказ Минтранса России от 12 июля 2019 г. № 229 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к тренажерным устройствам имитации полета, применяемым в целях подготовки и контроля профессиональных навыков членов летных экипажей гражданских воздушных судов» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁷ Приказ Минтранса России от 31 июля 2009 г. № 128 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Подготовка и выполнение полетов в гражданской авиации Российской Федерации» (ред. от 29.05.2023) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2009. – № 43.

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 193 «Об утверждении Правил проведения проверки соответствия лиц, претендующих на получение свидетельств, позволяющих выполнять функции членов экипажа и функции специалистов по техническому обслуживанию гражданского воздушного судна, за исключением сверхлегкого пилотируемого гражданского воздушного судна с массой конструкции 115 килограммов и менее и беспилотной авиационной системы в составе с беспилотным гражданским воздушным судном с максимальной взлетной массой 30 килограммов и менее, функции сотрудников по обеспечению полетов гражданской авиации, диспетчерскому обслуживанию воздушного движения, а также выдачи, приостановления действия и аннулирования указанных свидетельств и об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (ред. от 04.05.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 9 (часть I). – Ст. 1314.

бочий день со дня принятия решения о выдаче. Кроме того, на Федеральное агентство воздушного транспорта возлагается обязанность по включению необходимых сведений в связи с выдачей свидетельства в базу данных свидетельств авиационного персонала гражданской авиации.

Фактический допуск лица к управлению транспортными средствами воздушного транспорта гражданской авиации осуществляется работодателем или владельцем воздушного судна. Данная процедура включает в себя как проведение аттестации, так и организацию и проведение предполетных и послеполетных медицинских осмотров, целью которых является выявление у членов экипажей гражданских воздушных судов признаков состояний и заболеваний, препятствующих выполнению трудовых обязанностей (в частности, алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и остаточных явлений такого опьянения) [7].

Порядок проведения указанных видов медицинских осмотров регламентирован действующим законодательством⁹. Предполетный (предсменный) медицинский осмотр предполагает совершение четкого перечня действий, в том числе проведение дополнительных исследований при наличии показаний. При проведении указанных видов медицинских осмотров допускается использование специальных программно-аппаратных комплексов, которые позволяют в реальном времени осуществить экспресс-анализ таких показателей жизнедеятельности человеческого организма, как частота сердечных сокращений, артериальное давление, тем-

пература тела, а также определить содержание алкоголя в выдыхаемом воздухе. Проведение предполетного и послеполетного медицинского осмотра направлено также на выявление у члена экипажа гражданского воздушного судна признаков состояний, препятствующих дальнейшему осуществлению им своих профессиональных обязанностей, например состояния опьянения, фактов употребления алкоголя, наличия в организме наркотических средств и т.п. В таком случае в целях обеспечения безопасности на транспорте работодателю необходимо отстранить лицо от выполнения работы и направить его на медицинское освидетельствование для подтверждения соответствующих состояний [8]. Такое подтверждение осуществляется в медицинских организациях либо их обособленных подразделениях, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности по медицинскому освидетельствованию на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) с соблюдением всех обязательных требований.

Таким образом, представляется возможным разделить всю процедуру допуска к управлению транспортными средствами, независимо от конкретного вида, на юридический и фактический допуск. В качестве основных этапов юридического допуска к управлению транспортными средствами различных видов следует выделять предварительный этап, этап прохождения проверки и этап выдачи документа, подтверждающего соответствующее право. Фактический допуск к управлению транспортными средствами состоит в систематическом повторении закрепленных законодательно процедур, перечень которых зависит от вида транспортного средства. Такой допуск осуществляется работодателем непосредственно перед каждой эксплуатацией транспортного средства.

⁹ Приказ Минтранса России от 10 декабря 2021 г. № 438 «Об утверждении Порядка проведения предполетного и послеполетного медицинских осмотров членов экипажа гражданского воздушного судна, а также предсменного и послесменного медицинских осмотров диспетчеров управления воздушным движением» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>

Литература

1. Мамедов Э.Х. Управление транспортным средством: вопросы административного регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4 (80). – С. 56–60.
2. Щербинина И.В., Кононенко И.С. Практический аспект признания деятельности, связанной с эксплуатацией велосипеда, источником повышенной опасности: pro et contra // Хозяйство и право. – 2022. – № 2. – С. 41–48.
3. Щербинина И.В. Особенности правового регулирования движения велосипедного транспорта по велосипедным дорожкам и велосипедным полосам движения // Транспортное право. – 2023. – № 2. – С. 24–27.
4. Марцогов Е.В. Разрешение отдельных правовых проблем допуска начинающих и молодых водителей к управлению транспортными средствами (с учетом зарубежного опыта) // Безопасность дорожного движения. – 2024. – № 4. – С. 12–17.
5. Трофимов С.В. Правовое регулирование использования воздушных судов гражданской авиации. – Иркутск: БГУ, 2018. – 210 с.
6. Баканов К.С., Бурцев А.А. Предупреждение фактов управления транспортным средством в состоянии опьянения на этапах получения, приостановления, прекращения и возобновления права на управление транспортным средством: монография. – Москва: ФКУ НЦ БДД МВД России, 2021. – 150 с.
7. Бурцев А.А. Проблемы комплексной превенции управления транспортным средством в состоянии опьянения: организационно-правовые, медицинские и социально-психологические аспекты. // Социальная психология и общество. – 2018. – № 9 (4). – С. 98–107.
8. Ляхов П.В. Проблемы административно-правового регулирования медицинского обеспечения допуска к управлению транспортными средствами // Безопасность дорожного движения. – 2024. – № 4. – С. 18–24.

9. **Зайкова С.Н.** Государственное регулирование в области транспортной безопасности на железнодорожном транспорте // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 3. – С. 14–18.
10. **Куянова А.В.** Актуальные проблемы административной ответственности за допуск к управлению транспортным средством водителя, находящегося в состоянии опьянения либо не имеющего права управления транспортным средством // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – № 4. – С. 76–80.

References

1. **Mamedov E.H.** Upravlenie transportnym sredstvom: voprosy administrativnogo regulirovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (80). – С. 56–60.
2. **Shcherbinina I.V., Kononenko I.S.** Prakticheskij aspekt priznaniya deyatel'nosti, svyazannoj s ekspluataciej velosipeda, istochnikom povyshennoj opasnosti: pro et contra // Hozyajstvo i pravo. – 2022. – № 2. – С. 41–48.
3. **Shcherbinina I.V.** Osobennosti pravovogo regulirovaniya dvizheniya velosipednogo transporta po velosipednym dorozhkam i velosipednym polosam dvizheniya // Transportnoe pravo. – 2023. – № 2. – С. 24–27.
4. **Marcoga E.V.** Razreshenie otdel'nyh pravovyh problem dopuska nachinayushchih i molodyh voditelej k upravleniyu transportnymi sredstvami (s uchetoм zarubezhnogo opyta) // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. – 2024. – № 4. – С. 12–17.
5. **Trofimov S.V.** Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya vozдушnyh sudov grazhdanskoj aviacii. – Irkutsk: BGU, 2018. – 210 s.
6. **Bakanov K.S., Burcev A.A.** Preduprezhdenie faktov upravleniya transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya na etapah polucheniya, priostanovleniya, prekrashcheniya i vozobnovleniya prava na upravlenie transportnym sredstvom: monografiya. – Moskva: FKU NC BDD MVD Rossii, 2021. – 150 s.
7. **Burcev A.A.** Problemy kompleksnoj prevencii upravleniya transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya: organizacionno-pravovye, medicinskie i social'no-psihologicheskie aspekty. // Social'naya psihologiya i obshchestvo. – 2018. – № 9 (4). – С. 98–107.
8. **Lyahov P.V.** Problemy administrativno-pravovogo regulirovaniya medicinskogo obespecheniya dopuska k upravleniyu transportnymi sredstvami // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. – 2024. – № 4. – С. 18–24.
9. **Zajkova S.N.** Gosudarstvennoe regulirovanie v oblasti transportnoj bezopasnosti na zheleznodorozhnom transporte // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2024. – № 3. – С. 14–18.
10. **Kuyanov A.V.** Aktual'nye problemy administrativnoj otvetstvennosti za dopusk k upravleniyu transportnym sredstvom voditelya, nahodyashchegosya v sostoyanii op'yaneniya libo ne imeyushchego prava upravleniya transportnym sredstvom // Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii. – 2017. – № 4. – С. 76–80.

(статья сдана в редакцию 25.10.2025)

К вопросу о концепции цифровой трансформации в правоохранительной сфере

On the issue of the concept of digital transformation in the law enforcement sphere

УДК 351.74

В.Л. Акапьев,

кандидат педагогических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
akapevvl@yandex.ru

Viktor L. Akapyev,

Candidate of Pedagogical Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Е.Г. Ковалева,

кандидат технических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
kovalevazchs@yandex.ru

Ekaterina G. Kovaleva,

Candidate of Technical Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: развитие не только науки и техники, но и прикладных областей деятельности человека сегодня все чаще опирается на использование информационных технологий, которые играют важную роль в жизни общества. Большинство общественных отношений переходит в информационную среду, информационные технологии и системы используются в экономике, политике, а также затрагивают социальную и духовную сферы. Указанная тенденция коснулась и правоохранительной деятельности, что обусловило радикальное изменение функционала сотрудников правоохранительных органов, рост требований, предъявляемых к комплексу их компетенций в области использования информационных технологий и информационных систем. Цель данного исследования – составить перечень основных инновационных технологий в сфере правоохранительной деятельности, обозначить трудности их практического применения и разработать рекомендации по преодолению выявленных проблем. В качестве гипотезы выступает предположение, что эффективность использования современных технологий в правоохранительных органах определяется необходимостью формирования концепции их применения. Сделан вывод о том, что эффективные механизмы использования инноваций в правоохранительной деятельности повысят результативность предупреждения преступности и позволят сотрудникам правоохранительных органов избегать конфликтов, связанных с нарушением прав граждан и защитой национальной безопасности. Установлено, что основными видами современных технологий, используемых в правоохранительной деятельности, являются беспилотные летательные аппараты, искусственный интеллект, робототехника, биотехнологии, аналитические и геоинформационные системы, локаторы взрывных устройств и чат-боты. Поскольку проблемы внедрения инновационных технологий в правоохранительную деятельность носят объективный и субъективный характер, в статье сформулированы правовые, информационные и организационные рекомендации по увеличению эффективности цифровых технологий деятельности органов внутренних дел, разработана концепция информатизации правоохранительных органов. Методологической основой статьи послужили теоретические и эмпирические методы исследования, а также сравнительный, структурно-логический, документальный и системный анализ.

Ключевые слова: информационные технологии; концепция применения цифровых технологий; правоохранительная деятельность; предиктивная деятельность

Для цитирования: Акапьев В.Л., Ковалева Е.Г. К вопросу о концепции цифровой трансформации в правоохранительной сфере // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 28–37.

Abstract: nowadays, the development of not only science and technology, but also applied fields of human activity is increasingly based on the use of information technologies, which play an important role in the life of society. More and more public relations are moving into the information environment, information technologies and systems are used in economics, politics, and also affect the social and spiritual spheres. This trend has not spared law enforcement activities, which has led to a radical change in the functionality of law enforcement officers, an increase in the requirements for their complex of competencies in the use of information technology and information systems. The purpose of the study was to identify a list of the main innovative technologies used in law enforcement, identify the problems of their application and formulate recommendations for overcoming them. The hypothesis of the study is the assumption that the effectiveness of the use of modern technologies in law enforcement agencies is determined by the need to form a concept of their application. It is concluded that effective mechanisms for using innovations in law enforcement will increase the effectiveness of crime prevention and allow law enforcement officials to avoid conflicts related to violations of citizens' rights and the protection of national security. It has been established that the main types of modern technologies used in law enforcement are unmanned aerial vehicles, artificial intelligence, robotics, biotechnologies, analytical and geoinformation systems, explosive device locators and chatbots. It was determined that the problems of introducing innovative technologies into law enforcement are objective and subjective in nature. Legal, informational and organizational recommendations have been formulated to increase the effectiveness of digital technologies in the activities of internal affairs bodies, and the concept of informatization of law enforcement agencies has been developed. The methodological basis of the article is theoretical and empirical research methods, as well as comparative, structural-logical, documentary and system analysis.

Keywords: information technology; the concept of using digital technologies; law enforcement; predictive activity

For citation: Akapiev V.L., Kovaleva E.G. On the issue of the concept of digital transformation in the law enforcement sphere // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 28–37.

Введение. Ежедневно сотрудники полиции по всей стране используют различные технологии при исполнении своих обязанностей. Одни из них применяются уже почти сто лет, а другие появились совсем недавно.

В условиях цифровизации общества современные технологии стали краеугольным камнем в работе правоохранительных органов, коренным образом изменив подход к обеспечению общественной безопасности и стратегии работы полиции [1]. Среди приоритетных целей деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) выделяется необходимость улучшения качества и доступности государственных услуг, оказываемых в электронном виде. Так, в период с 2024 по 2025 годы сотрудниками МВД России рассмотрено около 97 миллионов заявлений от физических лиц¹.

Актуальность данного направления деятельности ОВД не раз отмечал и Президент Российской Федерации В.В. Путин. На расширенном заседа-

нии коллегии МВД России в 2025 году он в очередной раз подчеркнул важность совершенствования деятельности подразделений МВД России в этой сфере, особенно с использованием информационных систем и сервисов². Передовые технологические инструменты не только расширяют возможности правоохранительных органов, но и ставят перед ними уникальные задачи, а также возлагают на них особую ответственность. Интеграция этих технологий изменила все аспекты работы полиции – от проведения оперативно-разыскных мероприятий до работы центрального аппарата МВД России.

Безусловно, важнейшей задачей правоохранительных органов является борьба с различными видами преступности. Переход общества в информационную фазу своего развития вызвал радикальную трансформацию криминогенной обстановки, так как сегодня многие преступления совершаются с использованием IT-технологий и так или иначе связаны с информацией.

¹ Сведения о результатах мониторингов предоставления государственных услуг [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/Dejatelnost/statistics/сведения-о-результатах-мониторингов> (дата обращения: 19.10.2025).

² Расширенное заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения 17.10.2025).

Согласно данным Главного информационно-аналитического центра (ГИАЦ) МВД России, за период с января по август 2025 года было зарегистрировано 473 389 преступлений в указанной сфере, а раскрыто лишь 327 392 преступления³. Ущерб, причиненный только кибермошенниками в течение прошедшего года, превышает 65 млрд рублей⁴, что указывает на необходимость технологического перевооружения подразделений МВД России.

Высокая доля преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий или направленных против информационных систем, обнаруживает недостатки в действующем законодательстве, недостаточное материально-техническое обеспечение ОВД и низкий уровень сформированности у сотрудников правоохранительных органов информационно-технологической компетентности [2]. В очередной раз в стране встает проблема необходимости освоения возможностей использования технологий в правоохранительной деятельности с учетом всех возможных факторов – от соответствующего материально-технического обеспечения, использования отечественных программных решений до формирования информационно-технологической компетентности сотрудников органов внутренних дел.

На Западе в основу необходимости технологического развития деятельности полицейских аппаратов положены идея Адама Кроуфорда о том, что работа полиции «является продуктом новых технологий» [3, р. 273–283], а также рефлексивный анализ Эндрю Барри технических практик и устройств как неотъемлемых элементов организации и управления «технологическим обществом» [4].

Эти идеи отражают взаимосвязь между требованиями и практикой работы полиции, а также разработкой, внедрением и управлением технологиями. Важным элементом понимания работы полиции и управления ею является изучение разработки, внедрения и контроля технологий, способствующих пониманию и прогнозированию изменений в практике и потребностях полиции.

В данном контексте необходимо рассмотреть три ключевых элемента:

- определить перечень цифровых информационных технологий в деятельности полиции;
- сформулировать проблемы использования информационных технологий в правоохранительных структурах;

– разработать концепцию использования информационных технологий в правоохранительной деятельности в виде структурированного документа.

Несмотря на то что традиционные методы правоприменения и общественный контроль по-прежнему важны, технологии стали незаменимым инструментом в системе охраны правопорядка XXI века, значительно повысив эффективность работы правоохранительных органов и трансформировав стратегии по предотвращению преступлений [5].

Таким образом, рассмотрение проблем, связанных с использованием достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем в деятельности полиции, а также разработка концепции их использования представляет научный и практический интерес.

Основные технологические инновации в правоохранительной сфере. В настоящее время правоохранительные органы активно используют современные технологические инструменты для выявления и предотвращения противоправных действий, а также для судебного преследования лиц, причастных к преступной деятельности. К ним относятся системы наблюдения и коммуникационные технологии, аналитика данных, технологии распознавания лиц и голосов, криминалистические методы, анализ отпечатков пальцев, датчики на теле и другие технологические инновации, которые способствуют быстрому и точному отправлению правосудия [6].

С помощью таких инструментов, как предиктивная аналитика и системы видеонаблюдения, правоохранительные органы могут выявлять потенциальную преступную деятельность до того, как она произойдет, и принимать превентивные меры. Более того, технологии распознавания лиц и автоматизированные системы считывания номеров знаков, например, значительно ускоряют отслеживание и задержание подозреваемых⁵.

Предиктивная деятельность подразумевает систематический сбор и анализ данных из различных источников для прогнозирования преступной активности, предотвращения правонарушений и повышения эффективности реагирования правоохранительных органов на потенциальные угрозы, используя большие данные и передовые алгоритмы для прогнозирования преступной активности на основе исторических данных о преступлениях и социально-экономических данных. Эти системы позволяют принимать решения в режиме реального времени, помогая правоохранительным

³ Состояние преступности [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/36479770/> (дата обращения: 17.10.2025).

⁴ Аферисты вынуждают жертв звонить сами, ущерб – 65 млрд рублей [Электронный ресурс]. – URL: <https://dzen.ru/a/aSaB71JLY2cM3ree> (дата обращения: 17.10.2025).

⁵ The role of technology in modern Law Enforcement [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.secureredact.ai/articles/role-of-technology-in-modern-law-enforcement> (дата обращения: 25.10.2025).

органам определять, где, когда и как эффективно использовать ресурсы [7].

Наблюдение остается краеугольным камнем современной правоохранительной деятельности, а технологические достижения значительно расширяют возможности проведения расследований и сбора оперативной информации. Современные инструменты наблюдения включают программное обеспечение для распознавания лиц, системы видеонаблюдения (CCTV)⁶, технологию автоматического распознавания номерных знаков и беспилотные летательные аппараты (дроны). Эти инновации позволяют в режиме реального времени контролировать общественные места, идентифицировать подозреваемых, отслеживать их местоположение и собирать улики. Полученные с их помощью данные повышают осведомленность о ситуации и помогают сотрудникам правоохранительных органов принимать более обоснованные решения [8].

Программное обеспечение для распознавания лиц использует алгоритмы на основе искусственного интеллекта для сравнения полученных изображений лиц с изображениями, хранящимися в базах данных правоохранительных органов. Оно широко применяется для проверки личности, предотвращения мошенничества, оформления задержаний и управления местами содержания под стражей. Эффективность и точность программных систем распознавания лиц продолжают расти благодаря постоянному совершенствованию технологий [9].

Первостепенное значение имеет безопасность сотрудников правоохранительных органов, и технологические достижения играют в этом ключевую роль. Нательные камеры и дроны предоставляют данные в режиме реального времени и обеспечивают ситуационную осведомленность, что помогает сотрудникам правоохранительных органов оставаться информированными и защищенными в потенциально опасных ситуациях. Эти инструменты не только повышают безопасность сотрудников правоохранительных органов, но и расширяют их возможности для быстрого принятия обоснованных решений [10]. Нательные камеры все чаще используются для записи взаимодействия между сотрудниками правоохранительных органов и гражданами. Их использование способствует прозрачности, повышает ответственность сотрудников правоохранительных органов и обеспечивает важную доказательную базу в судебных разбирательствах. Нательные камеры выполняют не только доказательную функцию, но и служат ценным технологическим инструментом для оценки ведомствами работы

сотрудников и совершенствования оперативных процедур [11].

Технологии мобильной идентификации теперь позволяют сотрудникам правоохранительных органов собирать биометрические данные, например отпечатки пальцев, за пределами традиционных мест содержания под стражей. Автоматизированные системы идентификации по отпечаткам пальцев сводят к минимуму необходимость в транспортировке подозреваемых, упрощают процедуры идентификации и ускоряют следственные процессы [12].

Расширяется возможность формирования доказательной базы на основе использования технологий фиксации цифровых следов и иных доказательств, представленных в цифровой форме. Программное обеспечение цифровой криминалистики используется для поиска, восстановления и сохранения цифровых доказательств, которые часто связаны с электронными преступлениями, такими как мошенничество с кредитными картами или распространение детской порнографии. Но многие преступления, не связанные с электронными технологиями, также оставляют цифровые следы, например данные банковских счетов, номера телефонов, электронные письма, текстовые сообщения и публикации в социальных сетях.

Программное обеспечение для цифровой криминалистической экспертизы обладает особыми возможностями, такими как поиск и восстановление скрытых (или удаленных) файлов, выполнение сложных поисковых запросов и определение содержимого файла по его расширению (.doc, .pdf и т.д.). Инструменты для восстановления данных позволяют следователям извлекать удаленные или скрытые цифровые доказательства с мобильных телефонов, компьютеров и других электронных устройств. Эта возможность особенно полезна в делах, связанных с киберпреступностью и мошенничеством [13].

Технологические инновации значительно упрощают организационные и управленческие процессы в правоохранительных органах. Автоматизированные системы отчетности, управления записями и отслеживания дел повышают эффективность работы, позволяя сотрудникам правоохранительных органов уделять больше времени оперативной деятельности, а не бумажной работе. Такая оптимизация процессов снижает количество ошибок, связанных с человеческим фактором, и повышает скорость реагирования на противоправную деятельность.

Надежная коммуникация – еще один важный фактор в работе правоохранительных органов. Современные технологии дают возможность сотрудникам разных подразделений и юрисдикций общаться и сотрудничать в режиме реального времени. Такие инструменты, как интегрирован-

⁶ CCTV (Closed Circuit Television) – система замкнутого телевидения (система видеонаблюдения, охранного телевидения).

ные системы связи и облачные операционные центры, позволяют мгновенно обмениваться информацией, что крайне важно в чрезвычайных ситуациях или при проведении крупномасштабных операций.

Мобильные устройства служат универсальным инструментом в руках сотрудников правоохранительных органов. С их помощью можно вести электронную документацию и отправлять отчеты, отслеживать местоположение в режиме реального времени, используя цифровые следы, проводить криминалистический анализ журналов вызовов, текстовых сообщений и данных приложений, мгновенно связываться с другими подразделениями или диспетчерскими центрами, а также использовать системы автоматизированной диспетчеризации. Системы автоматизированного проектирования, представляющие собой специализированное программное обеспечение для создания, редактирования, анализа и оптимизации проектов (САПР), обрабатывают поступающую информацию и помогают определять приоритетность экстренных вызовов, а также наиболее подходящих сотрудников служб реагирования и координировать действия различных ведомств. Эти системы повышают эффективность, сокращают время реагирования и улучшают взаимодействие между ведомствами.

Подходы, основанные на данных, изменяют стратегию работы правоохранительных органов. Например, предиктивная аналитика использует данные, статистические алгоритмы и методы машинного обучения для определения вероятности будущих событий на основе статистических данных и анализа криминогенной обстановки за прошедшие периоды. Эта методология позволяет правоохранительным органам более эффективно распределять ресурсы и принимать меры до совершения преступлений, тем самым активно повышая уровень общественной безопасности [7].

Технология анализа ДНК играет все более важную роль в обеспечении точности и справедливости в системе уголовного правосудия. Анализ ДНК может с максимальной точностью идентифицировать преступника, а при наличии биологических улик позволяет снять подозрения и оправдать лиц, ошибочно обвиненных или осужденных за преступления. Анализ ДНК играет ключевую роль в расследовании преступлений, обеспечивая высокий уровень точности при установлении связи между подозреваемыми и местом преступления или при оправдании невиновных. Последние достижения в этой области позволили ускорить тестирование и сократить количество человеческих ошибок, а искусственный интеллект (ИИ) все чаще используется для оптимизации процессов анализа ДНК [14].

Такие инновации, как цифровая криминалистика и баллистическая экспертиза, произвели

революцию в способах анализа и обработки улик. Эти инструменты не только повышают точность расследований, но и сокращают сроки раскрытия преступлений, что существенно влияет на исход дела. Технологии обнаружения выстрелов из огнестрельного оружия используют акустические датчики для обнаружения, определения местоположения и передачи информации о выстрелах из огнестрельного оружия в режиме реального времени. Данные, полученные с этих датчиков, могут быть интегрированы в более широкие платформы для составления карт криминогенной обстановки и прогнозирования действий полиции [15].

Увеличение спектра услуг, предоставляемых органами внутренних дел в электронном формате как физическим лицам, так и государственным структурам, а также различным организациям, способствует укреплению взаимодействия между правоохранительными органами и обществом. Это является ключевой составляющей современной деятельности полиции [16]. Технологические инструменты, такие как социальные сети и мобильные приложения, открыли новые возможности для взаимодействия с общественностью, позволяя правоохранительным органам напрямую общаться с населением, получать обратную связь и вести открытый диалог.

Платформы социальных сетей все чаще используются правоохранительными органами в качестве источников оперативной информации. Инструменты мониторинга позволяют наблюдать за цифровыми коммуникациями в режиме реального времени, оценивать отдельных лиц и группы на основе их поведения в сети, а также повышать ситуационную осведомленность во время чрезвычайных ситуаций. Разрешенное законом наблюдение может включать мониторинг личных сообщений и взаимодействия пользователей.

Технологии геолокации предоставляют правоохранительным органам расширенные возможности для поиска и наблюдения за подозреваемыми без необходимости прямого физического вмешательства. Эти инструменты могут ускорить проведение расследований и задержание преступников.

Продолжающееся развитие Интернета вещей (IoT) означает, что сейчас генерируется, собирается и анализируется больше данных, чем когда-либо. Многие из них могут быть невероятно ценными для правоохранительных органов, но процесс извлечения полезной информации из огромных массивов данных настолько трудоемкий, что его выполнение людьми не может быть эффективным. Именно здесь на помощь приходят искусственный интеллект (ИИ) и его подкатегория – машинное обучение.

Искусственный интеллект используется для поддержки многих других полицейских технологий, в том числе для распознавания образов,

биометрии, выполнения анализа данных, систематизации неструктурированных данных и др. Его также можно использовать для составления карт преступности – обработки данных, которые позволяют более эффективно выявлять районы с высоким уровнем преступности, чтобы полиция могла тщательнее их контролировать и направлять туда дополнительные ресурсы.

Искусственный интеллект также используется для прогнозирования преступлений с помощью так называемых алгоритмов глубокого обучения. Это позволяет правоохранительным органам правильно распределять ресурсы и повышает эффективность работы сотрудников [11].

Непреодолимую роль технологии играют в обучении, в профессиональной переподготовке и повышении квалификации сотрудников правоохранительных органов. Виртуальная реальность (VR), передовые иммерсивные и технологии моделирования создают реалистичную и захватывающую среду для обучения, которая помогает сотрудникам без риска для жизни формировать компетенции, необходимые в напряженных ситуациях несения службы. Они открывают новые возможности для реализации принципов андрагогики в профессиональном обучении сотрудников ОВД, позволяя реализовать преимущества геймификации образования [17].

Проблемы использования информационных технологий в правоохранительных структурах. Технологический прогресс как открывает перед правоохранительными органами новые возможности, так и ставит перед ними новые задачи, влияя на эффективность работы, правовую базу и общественное доверие. К проблемам относятся устаревшие системы, дорогостоящие обновления, а также сложные и неинтуитивно понятные системы, вызывающие недовольство пользователей.

В связи с быстрым развитием различных технологий перед руководителями правоохранительных органов стоит непростая задача: постоянно быть в курсе инновационных технологических инструментов, призванных повысить эффективность борьбы с преступностью. И здесь ключевую негативную роль играет неготовность руководящего состава к технологической трансформации правоохранительной деятельности. Можно отметить как психологическую лабильность, так и отсутствие информационно-технологической компетентности [2].

В то же время ученые, парламентарии и правозащитные организации, а также другие заинтересованные стороны выражают обеспокоенность тем, что технологии распознавания лиц в режиме реального времени, предиктивной полицейской деятельности и профилирования могут ограничивать гражданские свободы и нарушать неприкосновенность частной жизни [18].

Заинтересованные стороны утверждают, что эти технологии могут быть использованы для ограничения свободы слова и права на протест, а также что общественность может воспринять эти ограничения как нарушение своих прав и, как следствие, изменить свое поведение. Также высказывались опасения по поводу точности некоторых новых технологий и возможности их использования для дискриминации определенных групп. Примером может служить ситуация со штрафами, которые получают владельцы легковых автомобилей за нарушения, совершенные грузовым автотранспортом, и якобы отсутствие ОСАГО⁷.

Отдельными авторами утверждается, что отсутствие единых и прозрачных стандартов для алгоритмов в технологиях, используемых полицией, может повысить риск предвзятости при их применении, увеличить затраты и снизить эффективность, а также подорвать доверие общественности и снизить приемлемость таких технологий [19].

Государственные закупки часто отстают в плане внедрения передовых технологий от коммерческих и даже криминальных структур. Чтобы преодолеть этот разрыв, требуется масштабное финансирование, сотрудничество с лидерами отрасли и гибкость в работе правоохранительных органов и законодательной системы. Из-за финансовых ограничений можно решить только насущные проблемы, что приводит к поиску обходных путей на местном уровне и влияет на дальнейшее развитие. Совместные инициативы с отечественными технологическими компаниями позволяют расширить возможности правоохранительных органов, обеспечить разработку общенациональных решений и обеспечение единообразия по всей стране.

Развитие технологий значительно расширило возможности правоохранительных органов в оказании помощи пострадавшим и в предотвращении преступлений. Эти инновации способствуют более эффективному проведению расследований, сокращению времени реагирования и внедрению стратегий упреждающего предотвращения преступлений, однако растущая сложность и взаимосвязанность современных технологий одновременно открывают новые возможности для злоупотреблений, включая несанкционированный доступ, утечку данных и другие формы кибервмешательства. Этот двойной эффект подчеркивает необходимость высокого уровня технологической грамотности среди заинтересованных сторон и внедрения эффективных мер безопасности для снижения рисков, связанных с неправильным использованием цифровых инструментов.

⁷ Легковой грузовик: почему владельцы легковушек могут получить штраф из-за грузовика? [Электронный ресурс] – URL: https://dzen.ru/a/aRRUeJmXjxm4_w (дата обращения: 18.10.2025).

Стремительные изменения в криминальной среде, такие как рост числа преступлений в цифровом пространстве [20], также требуют от сотрудников правоохранительных органов новых навыков и специальной подготовки как при обучении в профильном вузе, так и при профессиональной переподготовке и повышении квалификации. Немаловажным является вопрос о нравственном воспитании сотрудников, обеспечивающем неразглашение персональных данных о лицах, ставших известными в результате раскрытия и расследования преступлений в цифровом пространстве [21]. Вместе с тем в последние годы в системе МВД России актуализировалась проблема кадрового обеспечения. При высоком темпе развития информационных технологий наблюдается недостаточный уровень подготовленности правоохранительных органов к противодействию преступлениям в сфере компьютерной информации. Это обусловлено недостатками как в действующем законодательстве, аппаратном и программном обеспечении рабочих мест, так и в подготовке сотрудников, включая общий уровень их знаний и умений.

Серьезной проблемой является необходимость сохранения целостности данных, т.е. их согласованности, точности и полноты на протяжении всего жизненного цикла, включая такие процессы, как извлечение, передача, хранение и обработка данных в системе. Поддержание целостности данных важно по нескольким причинам. Во-первых, это обеспечивает возможность восстановления и отслеживания информации, что крайне важно для подотчетности и аудита. Во-вторых, интеллектуальные системы в значительной степени зависят от качества данных, на основе которых они разрабатываются, поддерживаются и функционируют. Следовательно, надежность и точность таких систем неразрывно связаны с целостностью базовых данных.

Сохраняются опасения по поводу возможного злоупотребления базами данных ДНК и последствий хранения генетической информации для конфиденциальности, поэтому необходимы меры по сохранению общественного доверия при внедрении технологий [22].

По мере расширения масштабов внедрения технологий растет и финансовая нагрузка на правоохранительные органы. Как первоначальные инвестиции, так и обслуживание новых технологий требуют существенных затрат. Ограниченность финансовых и ресурсных возможностей в государственном секторе в сочетании с трудностями при закупках (длительные контракты с поставщиками и правила закупок) могут отрицательно повлиять на успешное внедрение новых технологий, что требует расстановки приоритетов, эффективного распределения ресурсов и поиска доступных решений. Даже такие, казалось бы, простые технологии, как

нательные камеры, включают в себя множество составляющих: отдельные устройства для каждого сотрудника, облачные платформы, терминалы для просмотра видео, станции мониторинга и запасные части (аккумуляторы, аксессуары и др.).

Затраты и адаптация к местным условиям не должны превалировать над основными целями, обеспечивая эффективность и поддержку со стороны непосредственных исполнителей, ИТ-специалистов, общественности и консультативных групп. Тем не менее многие заинтересованные стороны утверждают, что долгосрочные преимущества – повышение подотчетности, эффективности расследований и общественного доверия – могут оправдать первоначальные и текущие расходы [23].

Реализация концептуального подхода. Работа полиции сопряжена с преодолением технических, социальных, политических, правовых и экономических сложностей. Интеграция новых систем требует соблюдения баланса между различными потребностями и нормативной правовой базой, а также гибкости и оперативности, чтобы соответствовать меняющимся потребностям и избегать несогласованности. Для решения этих проблем необходим комплексный подход, позволяющий создать концепцию использования информационных технологий в правоохранительной деятельности.

Сформулируем эту концепцию в виде структурированного документа:

1. Введение. Современная преступность характеризуется высокой степенью организованности, транснациональностью, активным использованием цифровых технологий и большими объемами данных. В этих условиях традиционные методы работы правоохранительных органов недостаточны. Настоящая концепция определяет парадигму перехода к «умному правопорядку» (Smart Policing)⁸, где решения основываются на данных, а информационные технологии являются ключевым инструментом предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

2. Основная цель. Повышение уровня общественной безопасности за счет создания единого информационно-аналитического пространства правоохранительной деятельности, обеспечивающего оперативность принятия решений; эффективность раскрытия и расследования преступлений; проактивность в их предупреждении; прозрачность и законность деятельности.

3. Ключевые принципы:

- верховенство права и защита прав граждан: все используемые технологии должны строго соответствовать законодательству, обеспечивать за-

⁸ Smart Policing – это стратегический подход к управлению полицией, основанный на использовании технологий и данных.

щиту персональных данных, неприкосновенность частной жизни и не допускать дискриминации;

- системность и интеграция: создание единого информационного пространства, обеспечивающего межведомственную совместимость информационных систем, исключая «цифровые разрозненности» (data silos)⁹;

- сквозная аналитика: от сбора данных до принятия решений на основе продвинутой аналитики (Big Data, ИИ);

- безопасность и надежность: обеспечение кибербезопасности, целостности, доступности и конфиденциальности информации;

- открытость и взаимодействие: легитимный обмен данными между различными ведомствами (другие силовые структуры, госорганы, муниципалитеты) и международное сотрудничество.

4. Основные направления и технологические компоненты.

Направление 1: оперативно-разыскная и следственная деятельность.

Системы анализа больших данных (Big Data):

- крауд-технологии: анализ массивов данных из открытых источников (соцсети, форумы) и закрытых баз;

- прогнозная аналитика: построение математических моделей для прогнозирования вероятности совершения преступлений в определенном месте и времени.

Искусственный интеллект и машинное обучение:

- распознавание образов: автоматическое распознавание лиц, автомобильных номеров, голоса в видео- и аудиопотоке.

- анализ поведенческих паттернов: выявление аномалий в финансовых операциях, телефонных переговорах, перемещениях.

- когнитивный анализ текстов: обработка судебных решений, протоколов, рапортов для выявления связей и противоречий.

Криминалистические технологии (цифровая криминалистика):

- расследование киберпреступлений: инструменты для анализа жестких дисков, мобильных устройств, извлечения цифровых улик;

- 3D-моделирование места происшествия: создание точных цифровых копий для повторного осмотра и экспертизы;

- базы данных цифровых отпечатков и ДНК: быстрое сравнение биометрических данных.

Направление 2: управление ресурсами и поддержка принятия решений.

Геоинформационные системы (ГИС):

- визуализация оперативной обстановки на электронных картах;

- оптимизация маршрутов патрулирования и времени прибытия на место происшествия.

Ситуационные центры:

- консолидация данных из всех источников в режиме реального времени для управления силами и средствами в кризисных ситуациях.

Системы управления деятельностью:

- анализ ключевых показателей эффективности (KPI) подразделений и сотрудников.

Направление 3: взаимодействие с обществом и прозрачность.

Электронные сервисы для граждан:

- подача заявлений о преступлениях онлайн;

- информирование о ходе расследования;

- системы экстренного оповещения.

Публичные порталы открытых данных:

- публикация статистики преступности (с обезличенными данными) для повышения доверия и проведения научных исследований.

Цифровые платформы для обратной связи: «народное картографирование» опасных мест, сбор сигналов от населения.

Направление 4: межведомственное и международное сотрудничество.

Национальные и межгосударственные информационные системы:

- базы данных разыскиваемых лиц, угнанных автомобилей, утерянных документов;

- системы быстрого обмена информацией в рамках СНГ и (после окончания СВО), возможно, Интерпола, Европола и т.д.

Технологии безопасного обмена данными: использование блокчейна для обеспечения неизменности и отслеживаемости передаваемых улик.

5. Ключевые вызовы и риски:

- юридические: несовершенство законодательной базы, регулирующей использование ИИ, биометрии и больших данных;

- этические: риск алгоритмической предвзятости (bias)¹⁰ и дискриминации отдельных социальных групп;

- технические: угрозы кибербезопасности, утечки конфиденциальных данных, зависимость от вендоров.

- кадровые: нехватка квалифицированных специалистов (цифровых криминалистов, аналитиков данных) и недостаточный уровень сформированности информационно-технологической компетентности как у руководящего состава МВД России, так и у рядовых сотрудников ОВД.

- общественные: риск роста недоверия со стороны общества из-за тотальной слежки и «цифрового профилирования».

⁹ Data silos – это изолированные хранилища данных внутри организации, которые не взаимодействуют друг с другом.

¹⁰ Bias — это систематическая тенденция, когда методы сбора данных и оценки статистики выборки искажают реальность.

6. Вывод. Концепция предполагает эволюцию правоохранительной системы – от реагирующей модели к интеллектуальной, проактивной и ориентированной на данные. Успешная реализация этой концепции требует не только технологических инвестиций, но и глубоких организационных изменений, модернизации законодательства, а также постоянного публичного диалога для обеспечения баланса между безопасностью и свободой граждан.

Заключение. В современной правоохранительной среде внедрение новых технологий представляет собой не просто модернизацию системы, а сложный процесс, который требует синхронизации профессиональной подготовки правоохранителей, технологий, политики и более широкого государственного регулирования, причем все это должно происходить в постоянной динамике.

Привлечение всех заинтересованных сторон, общественное мнение и контроль имеют решающее значение при внедрении цифровых технологий в работу правоохранительных органов.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что концепция использования информационных

технологий в правоохранительной деятельности – это стратегический подход, определяющий цели, принципы, направления и механизмы интеграции технологий для повышения эффективности, законности и оперативности работы правоохранительных органов. Концепция выступает фундаментом создания «единой нервной системы правопорядка», где данные из всех источников стекаются, анализируются с помощью ИИ и превращаются в полезную информацию для сотрудника на улице, следователя в кабинете и министра, принимающего стратегические решения.

Концепция служит фундаментом для формирования «единой нервной системы правопорядка», где данные из всевозможных источников собираются воедино, анализируются с помощью искусственного интеллекта и трансформируются в ценную информацию. Эта информация становится незаменимым помощником для сотрудника на улице, следователя в его кабинете и министра, принимающего важнейшие стратегические решения. Так создается неразрывная связь между всеми уровнями правопорядка, где каждый элемент системы работает слаженно, обеспечивая безопасность и эффективность.

Литература

1. **Введенская О.Ю.** Современные it-технологии в правоохранительной практике: тенденции и перспективы // Вестник удмуртского университета. 2025. – № 2. – С. 298–304.
2. **Акапьев В.Л.** Формирование информационно-технологической компетентности сотрудников ОВД: монография. – Белгород: Бел ЮИ МВД России, 2015. – 132 с.
3. **Patriarca G.** Policing research and engagement: Interview with Adam Crawford // – 2024. – № 36 (2). – P. 273–283. – DOI:10.11606/0103-2070.ts.2024.223436.
4. **Barry A.** Material Politics: Disputes Along the Pipeline (RGS-IBG Book Series [Электронный ресурс]. – London: Wiley-Blackwell, 2013. – 264 p.
5. **Аплёнова К.Д.** Инновации в правоохранительной деятельности: монография. – Санкт-Петербург: Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2025. – 84 с.
6. **Фадеева И.В.** Цифровые технологии в деятельности полиции: этический аспект внедрения и цифровое доверие / Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2021. С. 452–456.
7. **Батоев В.Б.** О картировании преступности и предиктивной аналитике в оперативно-розыскной деятельности // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 2 (37). – С. 134–139.
8. **Роре К.** Top 10 Challenges Facing Technology Adoption in Frontline Policing [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bmt.org/insights/top-10-challenges-facing-technology-adoption-in-frontline-policing/> (дата обращения: 10.11.2025).
9. **Лысенко Д.А.** Роль цифровых технологий в оперативно-розыскной деятельности по раскрытию коррупционных преступлений // Молодой ученый. – 2025. – № 20 (571). – С. 484–486.
10. **Гагиева Н.Р., Мустафаев Э.Т.** Перспективы развития цифровых технологий в юридической деятельности / Правовая культура как основа становления гражданского общества: сборник статей международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2025. С. 43–45.
11. **Фадеева И.В.** Цифровая трансформация деятельности правоохранительных органов / LEGALTECH: научные решения для профессиональной юридической деятельности: сборник докладов IX Московского юридического форума: в 4 ч. – Москва, 2022. С. 88–91.
12. **Синютин Ю.В., Дудникова Е.В.** Обзор мобильных биометрических терминалов для использования в деятельности правоохранительных органов // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2020. – № 3 (55). – С. 78–84.
13. **Кокорев Р.А.** Криминалистика в цифровую эпоху: цифровые доказательства / Криминалистика: наука, практика, опыт: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции к 85-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации профессора А.Ф. Волынского. – Москва, 2024. С. 160–163.
14. **Кириленко В.С., Хомутова Е.А.** Проблемы и перспективы применения ДНК в системе уголовного правосудия // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 11-1. – С. 123–128.
15. **Яковец Е.Н., Журавленко Н.И., Даукаев И.М.** Основные меры противодействия террористической опасности в Российской Федерации: монография. – Симферополь: Ариал, 2025. – 410 с.
16. **Папичева О.Е.** От цифровизации к цифровой трансформации предоставления государственных услуг гражданам в системе МВД России [Электронный ресурс] // Актуальные исследования. – 2023. – № 4 (134). – URL: <https://apni.ru/article/5477-ot-tsifrovizatsii-k-tsifrovoy-transformatsii>
17. **Акапьев В.Л., Савотченко С.Е.** Геймификация в электронном образовании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2025. – № 3. – С. 19–23.
18. **Харитонова Ю.С., Савина В.С.** Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования: монография. – Москва: Юридический дом «Юстицинформ», 2025. – 332 с.

19. **Харитонов С.А.** Использование инновационных технологий в расследовании преступлений по «горячим следам» // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 7 (182). – С. 372–374.
20. **Дизер О.А.** Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (89). – С. 63–70. – EDN TNIVHD.
21. **Бучакова М.А., Дизер О.А.** Духовное и нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 3 (74). – С. 34–37. – DOI 10.24411/1999-6241-2018-13006. – EDN YAJVOX.
22. **Ермакова А.А.** Цифровые технологии в деятельности правоохранительных органов / Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сборник трудов IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. – Кострома, 2025. С. 389–394.
23. **Ручкин В.А., Бобовкин М.В., Соловьева Н.А.** Актуальные вопросы повышения эффективности экспертно-криминалистического обеспечения расследования преступлений / Судебная экспертиза: российский и международный опыт: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. – Волгоград, 2024. С. 186–189.

References

1. **Vvedenskaya O. Yu.** Sovremennye it-tehnologii v pravooxranitel'noj praktike: tendencii i perspektivy // Vestnik udmurtskogo universiteta. 2025. – № 2. – С. 298–304.
2. **Akap'ev V.L.** Formirovanie informacionno-tehnologicheskoy kompetentnosti sotrudnikov OVD: monografiya. – Belgorod: Bel Yul MVD Rossii, 2015. – 132 s.
3. **Patriarca G.** Policing research and engagement: Interview with Adam Crawford // – 2024. – № 36 (2). – P. 273–283. – DOI:10.11606/0103-2070.ts.2024.223436.
4. **Barry A.** Material Politics: Disputes Along the Pipeline (RGS-IBG Book Series [Elektronnyj resurs]). – London: Wiley-Blackwell, 2013. – 264 p.
5. **Allenova K.D.** Innovacii v pravooxranitel'noj deyatel'nosti: monografiya. – Sankt-Peterburg: Gumanitarnyj nacional'nyj issledovatel'skij institut «NACRAZVITIE», 2025. – 84 s.
6. **Fadeeva I.V.** Cifrovye tekhnologii v deyatel'nosti policii: eticheskij aspekt vnedreniya i cifrovoe doverie / Administrativno-pravovoe regulirovanie pravooxranitel'noj deyatel'nosti: teoriya i praktika: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Krasnodar, 2021. С. 452–456.
7. **Batoev V.B.** O kartirovanii prestupnosti i prediktivnoj analitike v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2023. – № 2 (37). – С. 134–139.
8. **Pope K.** Top 10 Challenges Facing Technology Adoption in Frontline Policing [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.bmt.org/insights/top-10-challenges-facing-technology-adoption-in-frontline-policing/> (data obrashcheniya: 10.11.2025).
9. **Lysenko D.A.** Rol' cifrovyyh tekhnologij v operativno-rozysknoj deyatel'nosti po raskrytiyu korruptcionnyh prestuplenij // Molodoj uchenyj. – 2025. – № 20 (571). – С. 484–486.
10. **Gagieva N.R., Mustafae E.T.** Perspektivy razvitiya cifrovyyh tekhnologij v yuridicheskoy deyatel'nosti / Pravovaya kul'tura kak osnova stanovleniya grazhdanskogo obshchestva: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Sankt-Peterburg, 2025. С. 43–45.
11. **Fadeeva I.V.** Cifrovaya transformaciya deyatel'nosti pravooxranitel'nyh organov / LEGALTECH: nauchnye resheniya dlya professional'noj yuridicheskoy deyatel'nosti: sbornik dokladov IX Moskovskogo yuridicheskogo foruma: v 4 ch. – Moskva, 2022. С. 88–91.
12. **Sinyutin Yu.V., Dudnikova E.V.** Obzor mobil'nyh biometricheskikh terminalov dlya ispol'zovaniya v deyatel'nosti pravooxranitel'nyh organov // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. – 2020. – № 3 (55). – С. 78–84.
13. **Kokorev R.A.** Kriminalistika v cifrovuyu epohu: cifrovye dokazatel'stva / Kriminalistika: nauka, praktika, opyt: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii k 85-letiyu zaslužennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii, zaslužennogo yurista Rossijskoj Federacii professora A.F. Volynskogo. – Moskva, 2024. С. 160–163.
14. **Kirilenko V.S., Homutova E.A.** Problemy i perspektivy primeneniya DNK v sisteme ugolovnogo pravosudiya // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. – 2021. – № 11-1. – С. 123–128.
15. **Yakovec E.N., Zhuravlenko N.I., Daukaev I.M.** Osnovnye mery protivodejstviya terroristicheskoy opasnosti v Rossijskoj Federacii: monografiya. – Simferopol': Arial, 2025. – 410 s.
16. **Papicheva O.E.** Ot cifrovizacii k cifrovoj transformacii predostavleniya gosudarstvennyh uslug grazhdanam v sisteme MVD Rossii [Elektronnyj resurs] // Aktual'nye issledovaniya. – 2023. – № 4 (134). – URL: <https://apni.ru/article/5477-ot-tsifrovizatsii-k-tsifrovoj-transformatsii>
17. **Akap'ev V.L., Savotchenko S.E.** Gejmifikaciya v elektronnom obrazovanii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya. – 2025. – № 3. – С. 19–23.
18. **Haritonova Yu.S., Savina V.S.** Iskusstvennyj intellekt: civilisticheskaya koncepciya regulirovaniya: monografiya. – Moskva: Yuridicheskij dom «Yusticinfor», 2025. – 332 s.
19. **Haritonov S.A.** Ispol'zovanie innovacionnyh tekhnologij v rassledovanii prestuplenij po «goryachim sledam» // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2023. – № 7 (182). – С. 372–374.
20. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovaya oxrana obshhestvennogo poryadka i obshhestvennoj bezopasnosti v usloviyax formirovaniya cifrovogo prostranstva // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (89). – С. 63–70. – EDN TNIVHD.
21. **Buchakova M.A., Dizer O.A.** Duxovnoe i нравstvennoe vospitanie sotrudnikov organov vnutrennix del // Psixopedagogika v pravooxranitel'ny'x organax. – 2018. – № 3 (74). – С. 34–37. – DOI 10.24411/1999-6241-2018-13006. – EDN YAJVOX.
22. **Ermakova A.A.** Cifrovye tekhnologii v deyatel'nosti pravooxranitel'nyh organov / Problemy pravooxranitel'noj deyatel'nosti na sovremennom etape: sbornik trudov IV Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferencii. – Kostroma, 2025. С. 389–394.
23. **Ruchkin V.A., Bobovkin M.V., Solov'eva N.A.** Aktual'nye voprosy povysheniya effektivnosti ekspertno-kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestuplenij / Sudebnaya ekspertiza: Rossijskij i mezhdunarodnyj opyt: sbornik materialov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Volgograd, 2024. С. 186–189.

Электронное правительство как способ повышения качества и доступности предоставления государственных услуг в системе МВД России

Electronic government as a way to improve the quality and accessibility of public services in the Russian Ministry of Internal Affairs System

УДК 342.9

М.А. Крупина,
кандидат юридических наук
(Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
krupina78@yandex.ru

Marina A. Krupina,
Candidate of Law
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg Russia)

Аннотация: статья посвящена анализу проблем и перспектив развития электронного правительства в системе МВД России. Цель исследования – разработать научно обоснованные рекомендации по оптимизации предоставления государственных услуг МВД России в электронной форме на основе выявления системных проблем. Объектом исследования является система предоставления государственных услуг органами внутренних дел Российской Федерации. Предмет исследования – административно-правовые и организационно-технические отношения, складывающиеся в процессе цифровизации предоставления государственных услуг в системе МВД России. Гипотеза исследования заключается в том, что эффективность электронного правительства в системе МВД России ограничена не только техническими факторами, но и недостатками правового регулирования и низкой адаптивностью организационных процедур.

В основу исследования положены сравнительно-правовой анализ административных регламентов МВД России, контент-анализ отзывов пользователей на портале «Ваш контроль» и форумах, а также анализ статистических данных из открытых отчетов Минцифры России и МВД России о количестве обращений и уровне удовлетворенности.

В результате выявлены ключевые барьеры, снижающие качество и доступность государственных услуг в электронном виде. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию административно-правового регулирования и цифровой инфраструктуры.

Ключевые слова: электронное правительство; государственные услуги; мониторинг качества и доступность предоставления государственных услуг; административный регламент; органы внутренних дел

Для цитирования: Крупина М.А. Электронное правительство как способ повышения качества и доступности предоставления государственных услуг в системе МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 38–44.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the problems and prospects of e-government development in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The purpose of the study is to develop scientifically based recommendations for optimizing the provision of public services to the Ministry of Internal Affairs of Russia in electronic form based on the identification of systemic problems. The object of the study is the system of provision of public services by the internal affairs bodies of the Russian Federation. The subject of the study is administrative, legal, organizational and technical relations that develop in the process of digitalization of public services provision in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The hypothesis of the study is that the effectiveness of e-government in the system of

the Ministry of Internal Affairs of Russia is limited not only by technical factors, but also by shortcomings in legal regulation and low adaptability of organizational procedures.

The study is based on a comparative legal analysis of the administrative regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, a content analysis of user reviews on the portal «Your Control» and forums, as well as an analysis of statistical data from open reports of the Ministry of Finance of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia on the number of requests and the level of satisfaction.

As a result, key barriers that reduce the quality and accessibility of public services in electronic form have been identified. Specific proposals have been formulated to improve administrative and legal regulation and digital infrastructure.

Keywords: electronic government; public services; quality monitoring and accessibility of public services; administrative regulations; internal affairs bodies

For citation: Krupina M.A. Electronic government as a way to improve the quality and accessibility of public services in the Russian Ministry of Internal Affairs System // Vestnik of Putlin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 38–44.

Цифровая трансформация государственного управления является стратегическим приоритетом Российской Федерации. Деятельность МВД России как одного из ключевых поставщиков социально значимых услуг требует особого внимания в этом процессе. Несмотря на заявленные преимущества, внедрение электронного правительства в системе МВД России сталкивается с системными проблемами, что подтверждается многочисленными жалобами пользователей и данными мониторинга. Существующие научные работы носят общий характер и не предлагают комплексных решений для правоохранительной сферы.

Задачи настоящего исследования:

1. Проанализировать динамику ключевых показателей предоставления госуслуг МВД России через электронные каналы Единого портала государственных услуг (далее – ЕПГУ) за последние годы.
2. Выявить на основе контент-анализа отзывов граждан наиболее частые осложнения, возникающие при получении услуг.
3. Разработать классификацию выявленных проблем и предложить адресные рекомендации по их устранению.

Концепция электронного правительства, сформировавшаяся в конце 90-х годов, определяется как система технологических решений и организационных инициатив, опирающихся на правовые основы [1]. Заданное Правительством Российской Федерации в 2021 году стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления¹ предусматривает в том числе создание единой системы предоставления госуслуг. В настоящее время активно реализуется

Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 годы, согласно которой достижение целей цифровизации должно осуществляться с соблюдением таких основных принципов, как предоставление цифровых услуг по умолчанию; использование платформ, наличие мобильных приложений; ориентация на потребителя услуг; предоставление цифровых услуг «от начала до конца» [2]. Оптимизация функций управления на всех уровнях власти прежде всего акцентирована на учет потребностей граждан, распределение функций между уровнями власти, а также «переход на так называемое управление, ориентированное на результат» [3, с. 326].

К основным инструментам электронного правительства относятся «порталы, цифровые идентификационные системы, электронный документооборот, онлайн-платформы, большие данные, Интернет вещей, мобильные приложения, СМС-сервисы и др.» [4, с. 32]. Предоставление государственных услуг и информации гражданам и организациям в электронном виде способствует повышению качества жизни населения, сокращая транзакционные издержки за счет минимизации необходимости личного посещения государственных учреждений.

Наиболее востребованными элементами, входящими в состав электронного правительства, на сегодняшний день являются:

- Единый портал государственных услуг;
- Информационно-аналитическая система мониторинга качества государственных услуг (далее – ИАС МКГУ);
- Система межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ)².

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 октября 2021 г. № 2998-р. «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Система межведомственного электронного взаимодействия – это федеральная государственная информационная система, включающая в себя информационные базы данных, содержащие сведения об используемых органами и организациями программных и технических средствах, обеспечивающих возможность доступа через систему взаи-

Широкое распространение термина «государственные услуги» в России началось в ходе административной реформы 2003–2005 годов³. Одной из главных задач реформы явилось улучшение взаимодействия между гражданами и государственными организациями.

Органы внутренних дел (далее – ОВД), безусловно, вовлечены в процесс цифровизации, а оценка качества и доступности государственных услуг, предоставляемых ОВД, стала одним из ведущих направлений деятельности. На сегодняшний день в системе МВД России оказывают более 30 видов государственных услуг [5]. Переход услуг в электронный вид позволяет гражданину решить ряд административных вопросов без личного визита, что повышает эффективность взаимодействия [6].

Период с 2020 по 2025 годы стал этапом интенсивной консолидации цифровых сервисов в системе государственного управления Российской Федерации. Ключевым элементом этой трансформации выступил ЕПГУ, который по данным на 1 октября 2025 года преодолел отметку в 170 миллионов зарегистрированных пользователей⁴. Данный показатель не только подтверждает полный охват совершеннолетнего населения страны, но и демонстрирует переход к этапу повседневно и массового использования цифровых каналов взаимодействия.

В контексте услуг МВД России эта тенденция выражена особенно ярко. Согласно данным официальной статистики, доля услуг, оказанных в полностью электронной форме без необходимости очного визита, по таким высоковостребованным процедурам, как регистрация транспортного средства и получение водительского удостоверения, превысила 85% по итогам первого полугодия 2025 года⁵. Это подтверждает ги-

модействия к их информационным системам и электронным сервисам, а также сведения об истории движения в системе взаимодействия электронных сообщений при предоставлении государственных и муниципальных услуг и исполнении государственных и муниципальных функций в электронном виде. См.: постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Отчет Минцифры России «Итоги развития цифрового государства за 9 месяцев 2025 года» [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/itogi-9-mes-2025.pdf> (дата обращения: 19.10.2025).

⁵ Статистика предоставления государственных услуг в электронной форме за I полугодие 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕПГУ. – URL: <https://www.gosuslugi.ru/>

потезу о том, что граждане массово выбирают цифровой формат для решения административных значимых задач.

Качественные показатели предоставления услуг также демонстрируют положительную динамику. По результатам мониторинга, проводимого в рамках ИАС МКГУ, уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг МВД России в электронной форме сохранился на высоком уровне, составив 4,9 балла из 5 возможных по итогам 2024 года и I полугодия 2025 года⁶. Столь высокий индекс лояльности указывает на успешную оптимизацию не только технологических, но и пользовательских аспектов сервисов.

Положительная динамика продолжилась и в 2025 году. Данные за первое полугодие указывают на рост количества обращений за услугами МВД России через ЕПГУ на 15% в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года⁷. Этот рост обусловлен не только увеличением пользовательской базы, но и расширением функциональности портала. Так, в апреле 2025 года была запущена в промышленную эксплуатацию новая услуга – интеллектуальный помощник на основе технологий искусственного интеллекта, алгоритмы которого помогают пользователям в заполнении заявлений на получение услуг МВД России. По экспертным оценкам Минцифры России, данное нововведение позволило сократить среднее время заполнения электронных форм на 20% и на 25% снизить количество ошибок, допускаемых заявителями на этапе подачи данных⁸.

Таким образом, анализ статистических данных за последние годы позволяет констатировать, что процесс цифровизации в системе МВД России перешел в зрелую стадию, характеризующуюся массовым внедрением, высоким уровнем удовлетворенности пользователей и постоянной интеграцией прорывных технологий, таких как искусственный интеллект, для дальнейшего повышения эффективности и доступности государственных сервисов.

help/news/2025_07_15_mvd_services_stats (дата обращения: 18.10.2025).

⁶ Сводный отчет по мониторингу качества государственных услуг за I полугодие 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://mvd.pf/uploaded/files/svodny-otchet-mkgu-h1-2025.pdf> (дата обращения: 17.10.2025).

⁷ Пресс-релиз Минцифры России «О росте популярности цифровых госуслуг в первом полугодии 2025 года» [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/press/events/rost-populyarnosti-i-uslug-h1-2025> (дата обращения: 19.10.2025).

⁸ Новость о запуске интеллектуального помощника на ЕПГУ [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/press/events/zapusk-ai-pomoshchnika-gosuslugi> (дата обращения: 16.10.2025).

Органы внутренних дел в части оказания государственных услуг и государственных функций осуществляют свою деятельность на основе административных регламентов. На сегодняшний день единый подход и стандартизация в этой сфере обеспечивается Правилами разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг⁹. Административные регламенты отличаются от других нормативных правовых актов особенностями структуры [7]. Обязательными элементами регламентов является общая информация об услуге: функции, стандарты, сроки, последовательность оказания, форма предоставления, организация контроля, мониторинг удовлетворенности качеством оказания и другие. Они «не устанавливают новых полномочий должностных лиц, а лишь на основе уже имеющихся, установленных законом, регламентируют детально процедуры реализации данных полномочий, сводя тем самым коррупционные риски к минимуму» [8, с. 9]. Однако проведенный сравнительно-правовой анализ выявил наличие действительных коллизий и пробелов в регламентах, которые снижают эффективность предоставления государственных услуг и повышают коррупционные риски. Приведем несколько конкретных примеров и предлагаемых путей их решения, основанных на логике действующих нормативных правовых актов, в частности Правил разработки и утверждения административных регламентов.

В административном регламенте предоставления государственной услуги по выдаче справки о наличии (отсутствии) судимости может быть установлен общий срок оказания услуги – 30 дней. Однако внутри самого регламента, в разделе, описывающем порядок межведомственного информационного взаимодействия, указан срок для получения необходимых сведений от другого государственного органа, который составляет 10 рабочих дней. Если запрос направляется в несколько органов, совокупный срок ожидания ответов может превысить установленный общий срок предоставления услуги. Это создает правовую коллизию: обязан ли орган внутренних дел уложиться в 30 дней, даже если ответы от других ведомств приходят с задержкой, или срок приостанавливается?

Многие административные регламенты, разработанные несколько лет назад, детально описывают процедуру подачи заявления и по-

лучения результата при личном обращении в подразделение МВД России. Однако в разделе, касающемся предоставления услуги в электронной форме через Единый портал государственных услуг, может содержаться лишь отсылочная норма: предоставление услуги в электронной форме осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации. Это создает правовой пробел: не определены в деталях действия должностного лица при поступлении заявления в электронной форме, сроки его регистрации, порядок исправления ошибок, допущенных заявителем при заполнении электронной формы, если это не предусмотрено техническими регламентами портала.

Органами внутренних дел государственные услуги осуществляются¹⁰ по линии обеспечения безопасности дорожного движения; контроля за оборотом наркотиков; информационно-справочной работы; в сфере миграции; экспертно-криминалистической деятельности, проведения добровольной государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации. Гражданин имеет возможность выбора наиболее удобного для него способа обращения. Набирает все большую популярность обращение посредством портала «Госуслуги»¹¹ – данный вид обеспечивает высокую скорость реализации и является наиболее бюджетным вариантом. Также можно обратиться в МФЦ¹² по предварительной записи или без нее. В многофункциональных центрах работают квалифицированные специалисты, которые оказывают необходимую помощь при возникновении затруднений и вопросов. Предусмотрена возможность обращения непосредственно в соответствующие подразделения системы МВД России.

При выборе электронного способа оказания услуги механизм, как правило, сводится к вы-

¹⁰ Определен новый порядок мониторинга качества и доступности оказания госуслуг в системе МВД. С момента публикации отчета за I квартал 2021 г. вводится новая форма 1-ГМУ «Отчет о предоставлении органами внутренних дел Российской Федерации государственных услуг». См.: приказ МВД России от 28 декабря 2020 № 910 «Об организации и проведении мониторинга качества и доступности предоставления государственных услуг в системе МВД России» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Единый портал государственных и муниципальных услуг не обрабатывает заявления самостоятельно, а только принимает информацию и затем передает ее на обработку в нужное ведомство или организацию.

¹² Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг позволяет организовать оказание услуг по принципу «одного окна»: заявитель подает заявление в МФЦ, а сотрудники центра самостоятельно формируют необходимый пакет документов и отправляют в соответствующий орган на рассмотрение.

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 20 июля 2021 г. № 1228 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

бору услуги на сайте, заполнению электронного заявления, оплаты пошлины в случаях, если это предусмотрено, ожидания информации о статусе обращения и стадиях исполнения обращения в личном кабинете. В случае возникновения затруднений при подаче и процессе оказания услуги круглосуточно работают горячие линии.

Очевидные преимущества не исключают затруднения разного характера при обращении в электронном формате. Имеют место технические сложности, сбои, зависания, нестабильная, медленная работа порталов при одновременном обращении большого числа пользователей. Фиксируются факты некорректного функционирования личных кабинетов, сложности с авторизацией и загрузкой документов. Многие сталкиваются с затруднениями при поиске нужной информации на сайте, интерфейс не всегда доступен для восприятия, требования к заполнению форм неоднозначны, инструкции и подсказки не дают исчерпывающих ответов. Ряд услуг невозможно получить полностью онлайн: требуется либо личный визит и предоставление оригиналов документов, либо получение квалифицированной электронной подписи¹³.

Несмотря на позитивную статистику, системный анализ выявляет сохраняющиеся барьеры. Судить о результативности деятельности можно посредством оценки отклика, полученного от потребителей услуги. Концепция формирования электронного правительства охватывает в том числе получение информации о деятельности государственных органов (качество, мониторинг, определение рейтинга) [9]. Постоянно растет доля граждан, использующих механизм получения государственных услуг в электронной форме. На постоянной основе формируется оценка качества государственных услуг и целевого показателя уровня удовлетворенности граждан¹⁴. Цель системы – формирование механизма обратной связи при обращении граждан. Наибольшее внимание уделяется срокам оказания услуги в целом, содержанию отзывов и жалоб заявителей.

Официальная статистика отражает общие тренды, в то время как глубинные проблемы выявляются через качественный анализ жалоб.

В представленном исследовании осуществлен контент-анализ репрезентативной выборки негативных пользовательских отзывов, касаю-

щихся цифровых сервисов МВД России. Целью работы являлось выявление и классификация ключевых барьеров на пути получения государственных услуг в цифровом формате с учетом данных, накопленных к началу 2025 года.

Проведенный анализ позволил количественно оценить структуру пользовательских претензий, выделив четыре устойчивые категории, основанные на проблематике, отраженной в последних доступных официальных отчетах.

1. Техническая инфраструктура и интеграция (35%). Анализ пользовательских жалоб показывает, что, несмотря на планы по цифровизации, на практике сохраняются системные проблемы. Данные Счетной палаты Российской Федерации за 2024 год, остающиеся наиболее полным аудитом на текущий момент, продолжают коррелировать с жалобами на сбои в СМЭВ и проблемы интеграции с Государственной информационной системой о государственных и муниципальных платежах (далее – ГИС ГМП), ведущие к рассинхронизации данных об оплате¹⁵. Исследования в области мобильного использования также подтверждают сохраняющиеся проблемы доступности¹⁶.

2. Процессуальные и нормативные коллизии (35%). Наиболее значимым барьером, согласно данным исследования, становятся организационно-правовые противоречия. Пользователи указывают на несоответствие регламентов между ведомствами (МВД России, ГИБДД, МФЦ). Эта проблема напрямую соотносится с выводами первого этапа реализации Стратегии цифровой трансформации государственного управления до 2030 года, где преодоление ведомственной разобщенности было признано ключевой, но не решенной в полной мере задачей¹⁷.

3. Эргономика и пользовательский опыт (20%). Респонденты отмечают затрудненную навигацию на Едином портале госуслуг и неэффективность интерактивных помощников. Эти пользовательские проблемы подтверждаются выводами последнего на данный момент профильного исследования Ассоциации электронных коммуникаций

¹⁵ Отчет Счетной палаты Российской Федерации «Аудиторская проверка реализации проектов в сфере цифровой трансформации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/86c/Report-SMEV-GMP-2023.pdf>

¹⁶ Аналитический обзор «Мобильный гражданин 2024» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hse.ru/data/2024/06/12/2154533212/Mobile-Citizen-2024.pdf> (дата обращения: 19.10.2025).

¹⁷ Стратегия цифровой трансформации государственного управления до 2030 года, утв. правительством Российской Федерации 2 октября 2024 г. № 2761-р. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202410020001> (дата обращения: 19.10.2025).

¹³ Вид электронной подписи, который обладает юридической силой и приравнивается к собственноручной, выдается в аккредитованном удостоверяющем центре.

¹⁴ Посредством ИАС МКГУ на специализированном сайте «Ваш контроль» в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

(РАЭК) за 2024 год, которое зафиксировало аналогичные проблемы доступности¹⁸.

4. Цифровая инклюзивность (10%). Исследование выявило сохраняющуюся проблему цифрового неравенства. Официальная статистика Росстата за 2024 год продолжает демонстрировать значительный разрыв в использовании цифровых услуг среди лиц старшего поколения¹⁹, что подтверждает актуальность этой категории проблем.

Проведенный контент-анализ демонстрирует, что к концу 2025 года фокус пользовательской критики сместился с базовой технической нестабильности на более системные вызовы: процессуальную разобщенность ведомств и недостаточную ориентированность сервисов на пользователя. Выявление проблемы – это первый шаг к ее решению. Важно соблюдать равновесие и обеспечить общие подходы, обозначить границы допустимости в целях защиты и охраны конституционных прав граждан, создания и поддержания баланса личных интересов, интересов общества и государства [10].

На основе проведенного анализа возникает комплекс предложений по оптимизации электронного предоставления услуг МВД России, структурированных по ключевым направлениям:

1. В правовой сфере целесообразно инициировать внесение корректировок в действующие административные регламенты предоставления государственных услуг МВД России. Целесообразна конкретизация раздела «Сроки предоставления услуги», в который необходимо включить четкую норму, регламентирующую приостановление течения общего срока на период осуществления межведомственного запроса, а также дополнить специальным разделом или подразделом «Особенности предоставления услуги в электронной форме». Такая детализация, основанная на нормах Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и постановления Правительства Российской Федерации от 24 октября 2011 г. № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме

государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)», не расширит полномочия сотрудников, а формализует и сделает прозрачной уже существующую процедуру, что способствует единообразному применению регламентов и снижению количества жалоб от граждан.

2. В организационно-технической сфере представляется эффективной реализация на ЕПГУ унифицированного интерактивного конструктора форм заявлений. Конструктор должен быть оснащен функционалом автоматической проверки полноты и корректности вводимых данных, обладать глубокой интеграцией с СМЭВ и обеспечивать минимизацию операций, требующих ручного ввода информации со стороны заявителя. Для преодоления ведомственных коллизий необходимо внедрить в СМЭВ единые семантические ядра данных для услуг МВД России, ГИБДД и МФЦ, что исключит расхождения в интерпретации запрашиваемой информации

3. В контрольной сфере рекомендуется расширить функциональные возможности ИАС МКГУ. Современный подход к оценке качества государственных услуг требует смещения фокуса с отслеживания формальных параметров (например, соблюдение сроков) на анализ удобства и простоты использования сервисов для граждан. Для этого предлагается интегрировать в систему мониторинга следующие группы инновационных метрик: индекс прилагаемых усилий – опрос после завершения услуги «насколько легко вам было решить ваш вопрос?» по шкале от «очень сложно» до «очень легко»; коэффициент цифрового завершения, который бы показывал, в какой степени система реально реализует принцип «одного окна» и снижает административную нагрузку; карту точек затруднений, способную дать точный ориентир для улучшения интерфейса и упрощения сложных полей; эффективность интеллектуального помощника, то есть способность помощника решать проблемы без перевода пользователя на живого оператора.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что ключевые барьеры для повышения качества и доступности услуг МВД России в электронной форме носят не только технический, но и системный административно-правовой характер. Предложенная классификация проблем и конкретизированные рекомендации по изменению нормативной базы и внедрению новых метрик качества могут быть полезны для дальнейшего совершенствования процессов цифровизации в правоохранительной сфере.

¹⁸ Исследование пользовательского опыта (UX) порталов государственных услуг 2024 / Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК) [Электронный ресурс]. – URL: <https://raec.ru/upload/iblock/aa9/RAEC-UX-Gov-Services-2024.pdf> (дата обращения: 19.10.2025).

¹⁹ Использование населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14478/doc/2024> (дата обращения: 19.10.2025).

Литература

1. **Гусейнова Л.Н.** Электронное правительство: как цифровизация меняет взаимодействие граждан и власти / Актуальные проблемы национального и международного права: материалы VII Научно-теоретической конференции студентов магистратуры, Санкт-Петербург, 11 октября 2024 г. – Санкт-Петербург: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. С. 79–85.
2. **Полуэктов М.С.** Система государственного управления в условиях цифровизации общества / Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 25 января 2024 г. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2024. С. 285–287.
3. **Робец Д.С., Кудревич В.В., Кубеков Т.Э.** Электронное правительство как инструмент цифровой трансформации государственного управления / Южный урбанистический форум: наука и практика: сборник научных трудов, Севастополь, 22–24 апреля 2024 г. – Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2024. С. 325–328.
4. **Алгазина В.А.** Электронное правительство: мировой опыт / Образование. Наука. Производство: сборник докладов XV Международного молодежного форума, Белгород, 23–24 октября 2023 г. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2023. С. 30–34.
5. **Горбачев О.А.** Некоторые аспекты предоставления государственных услуг органами внутренних дел // Общество и право. – 2024. – № 1(87). – С. 62–65.
6. **Белова О.А.** Взаимодействие органов внутренних дел и МФЦ при предоставлении государственных и муниципальных услуг // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 6 (157). – С. 128–130.
7. **Могилева Е.И.** Предоставление государственных услуг населению органами внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://lyubinskijr52.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/46/469/uslugi_OMVD.pdf
8. **Захарова М.Г.** Государственные услуги предоставляемы органами внутренних дел России: особенности правового регулирования, проблемы, тенденции развития // Всероссийский научный журнал «Вопросы права». – 2023. – № 2. – С. 27–31.
9. **Кошкин А.Ю., Калмыкова С.В., Леонтьев Д.Н.** Электронное правительство: эволюция развития, основные компоненты // Наука и бизнес: пути развития. – 2024. – № 11 (161). – С. 154–156.
10. **Сморчкова Л.Н.** Цифровое правительство как перспектива государственного управления в России: информационно-правовые аспекты // Правовая информатика. – 2022. – № 2. – С. 25–33.

References

1. **Guseynova L.N.** Elektronnoe pravitel'stvo: kak cifrovizaciya menyaet vzaimodejstvie grazhdan i vlasti / Aktual'nye problemy nacional'nogo i mezhdunarodnogo prava: materialy VII Nauchno-teoreticheskoy konferencii studentov magistratury, Sankt-Peterburg, 11 oktyabrya 2024 g. – Sankt-Peterburg: Vserossiyskij gosudarstvennyj universitet yusticii, 2024. S. 79–85.
2. **Poluektov M.S.** Sistema gosudarstvennogo upravleniya v usloviyah cifrovizacii obshchestva / Strategii ustojchivogo razvitiya: social'nye, ekonomicheskie i yuridicheskie aspekty: materialy III Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Cheboksary, 25 yanvarya 2024 g. – Cheboksary: ООО «Izdatel'skij dom «Sreda», 2024. S. 285–287.
3. **Robec D.S., Kudrevich V.V., Kubekov T.E.** Elektronnoe pravitel'stvo kak instrument cifrovoy transformacii gosudarstvennogo upravleniya / Yuzhnyj urbanisticheskij forum: nauka i praktika: sbornik nauchnyh trudov, Sevastopol', 22–24 aprelya 2024 g. – Sevastopol': Sevastopol'skij gosudarstvennyj universitet, 2024. S. 325–328.
4. **Algazina V.A.** Elektronnoe pravitel'stvo: mirovoj opyt / Obrazovanie. Nauka. Proizvodstvo: sbornik dokladov XV Mezhdunarodnogo molodezhnogo foruma, Belgorod, 23–24 oktyabrya 2023 g. – Belgorod: Belgorodskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet im. V.G. Shuhova, 2023. S. 30–34.
5. **Gorbacevich O.A.** Nekotorye aspekty predostavleniya gosudarstvennyh uslug organami vnutrennih del // Obshchestvo i pravo. – 2024. – № 1(87). – С. 62–65.
6. **Belova O.A.** Vzaimodejstvie organov vnutrennih del i MFC pri predostavlenii gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2021. – № 6 (157). – С. 128–130.
7. **Mogileva E.I.** Predostavlenie gosudarstvennyh uslug naseleniyu organami vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. – URL: https://lyubinskijr52.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/46/469/uslugi_OMVD.pdf
8. **Zaharova M.G.** Gosudarstvennye uslugi predstavlyaemy organami vnutrennih del Rossii: osobennosti pravovogo regulirovaniya, problemy, tendencii razvitiya // Vserossiyskij nauchnyj zhurnal «Voprosy prava». – 2023. – № 2. – С. 27–31.
9. **Koshkin A.Yu., Kalmykova S.V., Leont'ev D.N.** Elektronnoe pravitel'stvo: evolyuciya razvitiya, osnovnye komponenty // Nauka i biznes: puti razvitiya. – 2024. – № 11 (161). – С. 154–156.
10. **Smorchkova L.N.** Cifrovoe pravitel'stvo kak perspektiva gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: informacionno-pravovye aspekty // Pravovaya informatika. – 2022. – № 2. – С. 25–33.

(статья сдана в редакцию 23.10.2025)

Использование специальных средств оперативно-розыскной деятельности, как основание для классификации оперативно-розыскных мероприятий***The use of special means of operational search activities as a basis for the classification of operational search activities**

УДК 343

А.И. Тамбовцев,

доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
bestcopat@mail.ru

Andrey I. Tambovtsev,

Doctor in Law, Associate Professor,
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Н.В. Павличенко,

доктор юридических наук, профессор
(Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказания
Российской Федерации,
Россия, Москва)
pavlichenko.pro@mail.ru

Nikolay V.Pavlichenko,

Doctor of Law, Professor
(Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: статья посвящена исследованию оснований для классификаций оперативно-розыскных мероприятий, обусловленному произошедшими в обществе социально-правовыми, технологическими, криминогенными и прочими изменениями. Авторы, рассматривая применение специальных средств оперативно-розыскной деятельности как одно из многих оснований для классификации оперативно-розыскных мероприятий, предлагают собственную классификацию в зависимости от факта и интенсивности использования в процессе их проведения специальных технических средств, в том числе специальных химических веществ и служебно-розыскных собак, а также иных (отдельных) средств оперативно-розыскной деятельности. В первую группу входят оперативно-розыскные мероприятия, основанные на использовании специальных технических средств (электро-, радио-, видео-, телекоммуникационных и компьютерно-цифровых технических устройств) в качестве основного инструмента обнаружения, контроля, фиксации и получения (изъятия) информации, имеющей технический или цифровой характер. Во вторую группу отнесены оперативно-розыскные мероприятия, в которых используют специальные средства оперативно-розыскной деятельности, не являющиеся техническими устройствами предыдущей группы. В третью группу включены оперативно-розыскные мероприятия, где применяются специальные химические вещества. В четвертую

* Авторская орфография сохранена в отдельных словах в соответствии с исходным текстом ранее опубликованных работ.

группу вошли оперативно-розыскные мероприятия, основанные на использовании служебно-розыскных собак. И, наконец, в пятую группу – оперативно-розыскные мероприятия, в которых средства оперативно-розыскной деятельности используются в качестве предмета преступления (предмета или объекта для предполагаемого покушения преступников) или для обеспечения легенды.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; специальная техника; служебные собаки; специальные химические вещества; классификация; специальные средства оперативно-розыскной деятельности

Для цитирования: Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Использование специальных средств оперативно-розыскной деятельности, как основание для классификации оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 45–54.

Abstract: the article is devoted to the study of the basis for the classification of operational investigative measures, conditioned by the socio-legal, technological, criminogenic and other changes that have occurred in society. The authors, considering the use of special means of operational investigative measures as one of the many bases for the classification of operational investigative measures, propose their own classification depending on the fact and intensity of the use of special technical means during their implementation, including special chemical substances and service dogs, as well as other (separate) means of operational investigative measures. The first group includes operational investigative measures based on the use of special technical means (electrical, radio, video, telecommunications and computer-digital technical devices) as the main tool for detection, control, recording and obtaining (seizing) information of a technical or digital nature. The second group - operational investigative measures based on the use of special means of operational investigative measures, which are not technical devices of the previous one. The third group includes operational investigative measures based on the use of special chemical substances. The fourth group includes operational investigative measures based on the use of service dogs. And finally, the fifth group includes operational investigative measures in which the means of operational investigative activities are used as a subject of a crime (an object or item for a suspected criminal attempt) or to provide a cover story.

Keywords: operational investigative activities; operational investigative measures; special equipment; service dogs; special chemical substances; classification; special means of operational investigative activities

For citation: Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. The use of special means of operational search activities as a basis for the classification of operational search activities // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 45–54.

Среди множества классификаций оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) большинство ученых выделяют классификацию, в основу которой положено применение специальных технических средств (далее СТС). В то же время разные исследователи допускают достаточно серьезные различия в своем субъективном понимании содержания используемого «технического» оперативно-розыскного потенциала.

Так, целый ряд уважаемых и авторитетных авторов и научных коллективов допускает разделение всех ОРМ по «интенсивности использования технических средств» на те, «которые лишь допускают возможность использования специальных технических средств», и те, «для которых их использование является обязательным условием», или же в несколько иной вариации – на «оперативно-технические

и не имеющие преобладающего или исключительно технического содержания их проведения» [1, с. 55; 2, с. 227–229; 3, с. 129–130], что в целом следует признать равнозначным и правильным.

Важнейшей особенностью, на наш взгляд, является акцент на том, что некоторые оперативно-розыскные мероприятия лишь ситуативно допускают использование технических средств во вспомогательных целях – для облегчения поиска материальных объектов или следов (металлов, наркотиков, взрывчатых веществ, биологических материалов и пр.), а также для фото-, видео и аудиофиксации, в том числе негласной и пр. При этом неиспользование указанных специальных технических средств не делает само ОРМ невозможным или ущербным. Иные же ОРМ сущностно основаны именно на применении технических

устройств в качестве основного инструмента и способа получения искомой (технической же в своей природе) информации. Без таких специальных технических средств подобные оперативно-розыскные мероприятия просто невозможны. Казалось бы, что такое деление вполне универсально и безупречно. Однако и здесь есть некоторые аспекты, нарушающие логику данного подхода, о чем будет сказано далее.

Другая группа ученых классифицирует ОРМ «в зависимости от применяемых сил и средств: с участием конфиденентов и с применением оперативно-технических средств, иные» [4. с. 121–122]. Очевидно, что этот взгляд намного шире предыдущего и включает в себя не только и не столько сугубо специальные технические средства оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), такие как электро-, теле-, радио-, аудио-, видео- и радиационные и прочие приборы и устройства, но и многое иное, входящее в понятие «оперативно-розыскные средства» и даже «оперативно-розыскные силы», например лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскным органам.

Эти позиции, во-первых, принципиально различны между собой, а во-вторых, весьма неопределенны каждая в своем собственном содержании и субъективном толковании. Понимание того, что именно вложено нашими предшественниками в содержание используемого в ходе проведения ОРМ специального оперативно-розыскного инструментария, по нашему мнению, и позволит нам определить бесспорные основания для разделения всех ОРМ по степени использования специального оперативно-технического и/или оперативно-розыскного инструментария и предложить собственный вариант некой градации и соотношения оперативно-розыскных мероприятий по данному (или аналогичному) основаниям.

Анализируя аутентичные воззрения наших предшественников в контексте данной статьи, можно заметить, что ими в собственных классификациях ОРМ за основу были взяты разные в своем объеме и содержании взгляды на понятие «используемых при проведении ОРМ средств». Условно все изученные нами научные позиции ученых можно разделить на две группы по их оценкам специальных оперативно-розыскных средств, используемых при проведении ОРМ:

1. Оперативно-розыскные средства в узком смысле (специальные технические средства).

2. Оперативно-розыскные средства в широком смысле (весь оперативно-розыскной инструментарий).

Каждая из этих групп, безусловно, имеет свою вполне убедительную аутентичную аргументацию со стороны их авторов и приверженцев (а потому – право на существование, как минимум в теории). По нашему мнению, обе концепции в их нынешнем виде не могут считаться абсолютно безупречными. Однако это не свидетельствует об их слабости или неполноценности. Подобная «незавершенность» естественна для научных воззрений, особенно в динамично развивающихся областях. В нашем случае на теорию оперативно-розыскной деятельности влияют социально-правовые, экономические и технические изменения, что неизбежно затрагивает и существующие научные концепции.

Рассматривая первую группу, а именно специальные технические средства, мы безоговорочно согласны со всеми авторами, указывающими на наличие оперативно-розыскных мероприятий, когнитивный характер которых основан именно и исключительно на использовании специальных технических средств. Без них получение искомой информации (то есть решение непосредственных задач данных ОРМ) было бы просто невозможно. К подобным мероприятиям следует отнести такие ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации. Исходя из указанных особенностей перечисленных ОРМ (также их обычно проводят подразделения специальных технических мероприятий), их еще называют оперативно-техническими мероприятиями (далее – ОТМ) [5, с. 20–25; 6. с. 10–111; 7. с. 7–10] и специально-техническими мероприятиями (далее – СТМ) [8. с. 103–105; 9. с. 198–201], что точно отражает их особый характер и специальную-техническую сущность.

Но в то же время с определенной долей условности, учитывая отдельные варианты проведения некоторых ОРМ с применением специальной техники, таковыми можно считать разновидность ОРМ «опрос» – «опрос с использованием полиграфа», электронные разновидности ОРМ «наблюдение», технико-инструментальные виды ОРМ «исследование предметов и документов», ОРМ «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» в части негласного вскрытия и контроля (перлюстрации) корреспонденции, а также ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», связанное с негласным проникновением в жилище. В «обычном» варианте перечисленные ОРМ никак не детерминированы обязательным использованием

специальных технических средств. Но именно в вышеперечисленных форматах эти ОРМ основываются на прямом и непосредственном (а не опосредованном и вспомогательном) характере использования СТС. Сущностной особенностью в данном случае будет выступать полная объективная невозможность осуществления данного ОРМ (или особой разновидности какого-то конкретного ОРМ) без определенных специальных технических средств. То есть классификация оперативно-розыскных мероприятий тут напрямую зависит от содержания понятия «специальные технические средства», которые используются при проведении ОРМ.

Обобщая многочисленные классификации видов специальных технических средств [10, с. 191–225; 11; 12], их с некоторой долей условности можно разделить следующим образом: технические средства связи; технические средства поиска; технические средства и системы визуального контроля; технические средства оперативного наблюдения; технические средства фиксации (документирования); технические средства и системы аудиального контроля; средства создания условий получения информации (специальные химические вещества); технические средства контроля психофизиологического состояния человека (полиграфные устройства).

Очевидно, что не все из данных видов специальных технических средств лежат в основе соответствующих ОРМ. Скорее, это разновидности оперативной техники как таковой. К тому же очевидно, что многое из перечисленного может быть практически постоянно и весьма результативно, но при этом вспомогательно использоваться при проведении если не всех без исключения, то многих самых разнообразных ОРМ.

Более конкретно и определенно список интересных нам специальных технических средств представлен в Перечне видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 770¹. Но и тут представляется очевидным, что дан-

ный перечень содержит обобщенные виды средств для негласного получения различных видов чувственной, коммуникативной, технической, материальной и цифровой информации, то есть средств, фактически пригодных для применения в самых разнообразных ОРМ в качестве основных и тем более дополнительных. Полагаем, что в данном случае вывод (решение) об отнесении конкретного ОРМ к той или иной группе будет зависеть от того, что именно понимается исследователем под тем или иным видом специальных технических средств и какое именно ОРМ рассматривается.

К тому же, на наш взгляд, полемичной и труднорешаемой в теории проблемой является определение функционально-правового статуса таких средств ОРД, как специальные химические вещества (далее – СХВ) и служебно-розыскные собаки (далее – СРС), а также оперативно-розыскных мероприятий (или следственных действий)² с их использованием.

Дело в том, что специальные химические вещества, априори не являясь техническими устройствами (приборами), тем не менее практически всеми исследователями справедливо относятся к специальным техническим средствам, а именно к средствам создания условий получения информации или средствам, обеспечения процесса следообразования [13; 14; 15]. Ввиду этой специфики СХВ такие оперативно-розыскные мероприятия, как проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, а в некоторых случаях и сбор образцов для сравнительного исследования, проводятся исключительно с их (СХВ) использованием, что отражается в целом ряде оперативно-служебных документов и в дальнейшем становится одним из основных доказательств.

К сожалению, в исследованных нами авторских классификациях и комментариях к ним данный вопрос никак не раскрывается, хотя, несомненно, это было бы интересным для исследователей и полезным для науки в целом.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 770 «Об утверждении Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 28. – Ст. 3382.

² На протяжении длительного времени среди правоведов продолжается дискуссия о том, чем именно (оперативно-розыскным мероприятием или следственным действием) является использование служебно-розыскных собак в процессе осмотров места происшествия, преследования преступников, запаховой выборке (отождествлении) и пр. Мы придерживаемся позиции того, что использование служебно-розыскной собаки не может считаться самостоятельным следственным действием (экспертизой или осмотром), о чем ранее писали в своих работах. См., например: Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Оперативно-розыскной инструментарий: – Москва: Проспект, 2024. – 304 с.

Кроме того, использование особых СХВ (криминалистического назначения) в химических и/или биологических методах при проведении судебно-экспертных (криминалистических), а в нашем случае сравнительных исследований таких объектов, как наркотические средства и прекурсоры, сильнодействующие препараты и яды, взрывчатые вещества и многое другое, как самостоятельного ОРМ является обязательным элементом, без которого само исследование (или экспертиза как следственное действие) будет просто невозможно. Такие методы предусмотрены ст. 9 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» Федерального закона Российской Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»³ и основываются именно на существенных химических свойствах указанных СХВ, отсутствие которых делает само ОРМ (исследование) невозможным.

Также следует указать на активное и повсеместное использование специальных химических веществ при проведении таких оперативно-розыскных мероприятий поисковой направленности, как, например, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, сбор образцов для сравнительного исследования. И хотя сами указанные ОРМ предполагают лишь ситуативное (по необходимости) применение СХВ, нам представляется, что это применение является определенным гарантом обнаружения, фиксации и изъятия искомых объектов (например, невидимых следов пальцев рук, биологических объектов, крови, других СХВ и т.п.), а по большому счету – решения основной задачи конкретного оперативно-розыскного мероприятия. То есть в рассмотренных выше случаях СХВ, не будучи техническим устройством, лежат в основе конкретных ОРМ, что позволяет относить их к соответствующей группе (классу) оперативно-розыскных мероприятий, использование СТМ в проведении которых является обязательным и существенным условием.

Аналогичная ситуация складывается и при использовании служебно-розыскных собак при проведении отдельных ОРМ. Как мы отмечали ранее, «Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержит в перечне ОРМ мероприятий, основанных именно на опера-

тивно-розыском (не конвойном, не охранным и т. п.) использовании служебно-розыскной собаки, хотя некоторые из них несомненно допускают (и даже требуют) такого применения СРС. К таковым оперативно-розыскным мероприятиям, на наш взгляд, допустимо с некоторой долей условности отнести следующие: сбор образцов для сравнительного исследования; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; контролируемая поставка; оперативный эксперимент» [16].

И оперативно-розыскная практика, и научные исследования [17; 18. с. 51–53; 19. с. 78–82] свидетельствуют о том, что помимо осуществления караульных и патрульных функций, имеющих к ОРД весьма отдаленное отношение, служебные собаки в основном используются при проведении таких ОРМ, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и отождествление личности по запаховым следам. При этом использование СРС в ходе обследования обусловлено задачами ОРМ и носит явно вспомогательный характер наряду с иными (чувственным, инструментальным) способами поиска информации, в то время как при проведении ОРМ отождествление личности с помощью СРС использование служебной собаки является основой самого ОРМ и определяет его сущность.

В оперативно-розыскной деятельности данное ОРМ, заключающееся в выборке лица по запаху его следа или вещи с помощью служебно-розыскной собаки, еще называют «отождествление личности с использованием служебно-розыскной собаки» [20, с. 339; 21, с. 100], или же «опосредованное отождествление (идентификация)» [22. с. 48]. Именно такая разновидность ОРМ, как отождествление личности, по нашему убеждению, полностью основана на использовании служебно-розыскной собаки и без нее просто невозможна. С учетом статуса СРС как средства ОРД такое оперативно-розыскное мероприятие должно быть признано мероприятием, при котором использование оперативно-розыскного (но не технического) средства является обязательным.

И здесь автоматически возникает дилемма: можно ли относить такие ОРМ (связанные с использованием специальных химических веществ или служебно-розыскных собак) к мероприятиям первой группы (оперативно-техническим) или это ОРМ другой группы? С одной стороны, перечисленные ОРМ невозможны без применения СХВ или СРС, то есть использова-

³ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001 г. – № 23. – Ст. 2291.

ние этих оперативно-розыскных средств в процессе ОРМ является обязательным (причем не в правовом, а в сущностно-познавательном аспекте) элементом. Но, с другой стороны, указанные оперативно-розыскные средства (СХВ и СРС) объективно не являются специальными техническими средствами (приборами и устройствами), что ставит под сомнение возможность считать ОРМ с их использованием оперативно-техническими или специально-техническими. Полагаем, что в данном случае в основу классификации первой группы (ОРМ с обязательным использованием специальных технических средств) должен быть положен все-таки именно технический характер специального средства – устройства или прибора для обнаружения, фиксации, передачи, записи и т.п. информации технического / цифрового характера (природы).

Переходя к рассмотрению следующей группы (класса) ОРМ в зависимости от применяемых сил и средств (с участием конфиденентов и с применением оперативно-технических средств, иных) следует напомнить, что основой этой классификации являются оперативно-розыскные средства в широком смысле (весь оперативно-розыскной инструментарий).

Полагаем, что в предложенной формулировке такая классификация является слишком широкой (всеобъемлющей) и потому весьма неоднозначной, без строгих границ и критериев, что обуславливает определенное смешение элементов (самих ОРМ).

Во-первых, на основании общепризнанного содержания понятия «силы ОРД» [23. с. 37] предложенный критерий деления всех ОРМ «в зависимости от применяемых сил» представляется полностью идентичным классификации «по субъектам», которая, по нашему мнению, уже является вполне логичной и завершённой и охватывает собой в том числе участие конфиденентов. К тому же терминологическая конструкция «применяемые в процессе ОРМ силы» предполагает наличие кого-то (некоего субъекта), применяющего эти силы. Но, учитывая, что силы ОРД и являются ее субъектами (с разной степенью вовлеченности и разным функционалом), следует беспристрастно признать определенную тавтологичность рассматриваемой конструкции. Объективно оперативно-розыскные мероприятия (как структурный элемент ОРД и в то же время как самостоятельный оперативно-розыскной инструментарий) не могут осуществляться сами по себе. Их осуществляет только определенный субъект, что ярко и категорично отражено в научной позиции профессора Н.С. Железняк: «...ни средства, ни мето-

ды без сил применяться не могут...» [24, с. 44], с чем мы полностью согласны.

Во-вторых, используемое сторонниками подобной классификации понятие «оперативно-розыскные средства» в условиях нынешнего плюрализма и широты воззрений ученых на него представляется нам чрезмерно широким и неоднородным (а потому нерациональным) для использования в классификации, требующей более-менее строгого разделения на группы (классы).

Проведенный нами сравнительный и содержательный анализ нескольких десятков авторских научных точек зрения на определение и содержание понятий оперативно-розыскных средств и оперативной техники как составной и неотъемлемой части средств ОРД (а также их многочисленных интерпретаций и аналогов) [25, с. 144–147; 26. с. 262–266; 27, с. 171–181] наглядно свидетельствует о значительной разнице подходов исследователей к этому вопросу. Будучи ограниченными форматом и объемом настоящей работы, мы приведем лишь наиболее общие официальные (фигурирующие в нормативных правовых актах уровня федеральных законов и кодексов), а также самые распространенные и часто встречающиеся авторские терминологические конструкции, касающиеся средств оперативно-розыскной (как разновидности правоохранной) деятельности. Таковыми являются средства оперативно-розыскной деятельности; специальные средства; технические средства; оперативно-технические средства; специальные технические средства; специальная техника; оперативная техника; криминалистическая техника.

Очевидно, что содержания представленных терминологических конструкций не идентичны между собой и предполагают достаточно серьезные различия как в их наполнении, так и в объемах и в соотношении друг с другом. Учитывая, что в самом общем виде понятие «средства ОРД» может включать в себя такие разнообразные объекты, как средства связи (коммуникации), поисковые средства, специальные транспортные средства, средства контроля, наблюдения и фиксации, компьютерные системы и программные комплексы различного назначения, оперативные гардеробы, средства маскировки внешности, документы прикрытия, легендированные объекты и многое другое⁴, нам представляется невозможным и

⁴ В данном случае мы не пытаемся максимально полно и терминологически правильно перечислить все виды многочисленных средств ОРД, а лишь указываем на их вариативность и очевидные функциональные различия.

нецелесообразным ставить в основу классификации такой чрезмерно общий критерий, как использование средств ОРД, по крайней мере без дополнительной детализации, каких именно средств. В противном случае все без исключения оперативно-розыскные мероприятия могут быть оценены как осуществляемые с использованием средств ОРД. Исключение, возможно, составляют самые простые (скорее даже, функционально примитивные) формы опроса, наведения справок, наблюдения, которые могут осуществляться без какого-либо технического сопровождения.

В то же время необходимо понимать, что многие оперативно-розыскные мероприятия (особенно легендированные, комплексные и/или являющиеся элементами оперативных комбинаций) объективно нуждаются в использовании самого разнообразного сочетания оперативно-розыскных средств, обеспечивающих решение основных задач и вспомогательных — конспирации (негласности), безопасности, взаимодействия и пр. Теоретически предопределить их перечень невозможно или допустимо очень условно.

Продолжая осмысление оперативно-розыскных мероприятий и оснований их возможных классификаций, мы считаем необходимым рассмотреть ОРМ, при проведении которых в качестве сущностного элемента предполагается использование каких-то конкретных объектов из числа средств ОРД. Например, наркотических средств и прекурсоров; оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ; денежных средств, в том числе иностранной валюты; автотранспортных средств (далее — АМТ), а также некоторых иных предметов свободного, ограниченного и запрещенного оборота, что всецело соответствует современной оперативной практике, и о чем заявляет профессор Н.С. Железняк [28. с. 53–58]. Причем использование всего вышеизложенного должно носить не вспомогательный характер (например, использование оперативного транспорта и средств связи при наружном наблюдении за объектом, финансовое обеспечение отдельных ОРМ и т.п.), а выступать «лейтмотивом» легенды или основой самого мероприятия, иметь фундаментальное для решения задач ОРМ (а также ОРД и всего судопроизводства) значение. Таковыми, на наш взгляд, являются некоторые разновидности ОРМ:

– проверочная закупка, при которой используются значительные количества денежных средств, в том числе в иностранной валюте для оплаты товара. Вероятно, отдельного рассмотрения и даже самостоятельного исследования требуют вопросы осуществления в

рамках данного ОРМ оплаты купли-продажи любых незаконных товаров или услуг посредством безналичных расчетов, с использованием криптовалюты и т.п.;

– оперативный эксперимент по факту кражи (ст. 158 УК РФ), грабежа (ст. 161 УК РФ), разбоя (ст. 162 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ), получения взятки (ст. 290 УК РФ) и др. преступлений, при которых указанные денежные средства выступают в качестве предмета преступления. Кроме того, в качестве предмета таких преступлений, как кража (ст. 158 УК РФ), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ), могут выступать «машины-ловушки». Объектом преступного интереса и целого ряда связанных с этим преступлений могут выступать легендированные объекты, в том числе «фирмы-ловушки» и «квартиры-ловушки». Это предусмотрено п. 5 ч. 1 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» Федерального закона от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — закон об ОРД) и заключается в праве органов, осуществляющих ОРД, «создавать в установленном законодательством Российской Федерации порядке предприятия, учреждения, организации и подразделения, необходимые для решения задач, предусмотренных настоящим Федеральным законом»;

– оперативное внедрение, при котором наркотики/прекурсоры, оружие или денежные средства выступают знаковыми средствами (сигналами, критериями), лежащими в основе легенды внедрения, способствующими созданию необходимого имиджа внедряемого лица или антуража (необходимых условий) в определенных ситуациях и обеспечивающими достижение главной цели ОРМ — внедрение лица на объект, представляющий оперативный интерес. В данном случае наркотики и оружие, не будучи специальными средствами ОРД, тем не менее являются объектами (предметами и вещами) ограниченного или запрещенного гражданского оборота, которые в соответствии с законом об ОРД, а также в соответствии с Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»⁵ и Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»⁶ официально допущены к безлицензионному ис-

⁵ Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 51. — Ст. 5681.

⁶ Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 2. — Ст. 219.

пользованию органами, осуществляющими ОРД, в процессе решения поставленных задач.

Резюмируя все сказанное, считаем возможным предложить следующую классификацию оперативно-розыскных мероприятий в зависимости от использования в процессе их проведения специальных технических средств (в том числе специальных химических веществ и служебно-розыскных собак), а также иных (отдельных) средств ОРД:

1. Оперативно-розыскные мероприятия, основанные на использовании специальных технических средств (электро-, радио-, видео-, телекоммуникационных и компьютерно-цифровых технических устройств) в качестве основного инструмента обнаружения, контроля, фиксации и получения (изъятия) информации, имеющей технический или цифровой характер; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; получение компьютерной информации.

2. Оперативно-розыскные мероприятия, основанные на использовании специальных средств ОРД, не являющихся техническими устройствами предыдущей группы: опрос с использованием полиграфа; сбор образцов для сравнительного исследования при помощи специальных технических средств, исследование предметов и документов с использованием инструментально-технических методов; наблюдение в комплексных и электронных вариантах; обследование помещений, зданий

сооружений, участков местности и транспортных средств, связанное с негласным проникновением в жилище; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, предусматривающий перлюстрацию.

3. Оперативно-розыскные мероприятия, основанные на использовании специальных химических веществ: сбор образцов для сравнительного исследования, связанный с использованием СХВ для выявления, фиксации и изъятия следов (объектов); исследование предметов и документов при помощи химических и биологических методов; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, связанное с поиском (выявлением) и изъятием объектов.

4. Оперативно-розыскные мероприятия, основанные на использовании служебно-розыскных собак: отождествление личности по запаху; исследование предметов и документов (по аналогии с запаховыми / ольфакторными экспертизами); обследование помещений, зданий сооружений, участков местности и транспортных средств.

5. Оперативно-розыскные мероприятия, в которых средства ОРД используются в качестве предмета преступления (предмета или объекта для предполагаемого покушения преступников) или для обеспечения легенды: проверочная закупка; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент.

Литература

1. **Захарцев С.И.** Оперативно-розыскные мероприятия: общие положения: монография. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 257 с.
2. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2016. – 795 с.
3. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебник / под ред. З.Л. Шагапсоева и Н.П. Голяндина. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – 303 с.
4. **Назаров С.В.** Основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. – Санкт-Петербург: АНО ВО «СЮА», 2018. – 272 с.
5. **Игнащенков Ю.Ю.** Об истории научного осмысления оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий в XX веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4 (28). – С. 20–25
6. **Кокурин Г.А.** Правовая регламентация оперативно-технических мероприятий // Российский юридический журнал. – 2015. – № 5 (104). – С. 108–111.
7. **Горяинов К.К., Сивиркин Ф.Д.** Оперативно-технические мероприятия, ограничивающие право на тайну телефонных переговоров в отношении лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 1. – С. 7–10.
8. **Дубинин А.С., Шаламов Г.В.** Общие формы взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел при проведении специальных технических мероприятий / Оперативно-розыскное противодействие организованной преступности (посвящается памяти профессора Д.В. Ривмана): материалы региональной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. – 2015. С. 103–105.
9. **Гусаченко М.А.** Взаимодействие подразделений МВД России по раскрытию преступлений террористической направленности с применением специальных технических мероприятий // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 6. – С. 198–201.
10. **Шаталов А.С.** Использование в сыске специальных технических средств: правовые и организационные вопросы / Практика уголовного сыска: научно-практический сборник. – Москва: Лига Разум, 1999. С. 191–225.
11. **Кошелева О.В.** Административно-правовое регулирование оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2009. – 206 с.
12. **Гирийчук В.В., Зубенко Е.В., Ленцов А.Б.** Актуальные проблемы применения специальных технических средств в оперативно-розыскной деятельности и уголовном судопроизводстве: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 168 с.
13. **Баумтрос В.Э.** Специальная техника органов внутренних дел в вопросах и ответах: учебное пособие. – Барнаул: Барнаулский юридический институт МВД России, 2018. – 122 с.

14. **Черных А.А., Безгачев Ф.В.** Специальные окрашивающие и маркирующие средства: учебное пособие. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – 76 с.
15. **Архипов А.Ю.** Использование специальных химических веществ и химических ловушек в деятельности оперативных подразделений: отчет о НИР. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021. – 21 с.
16. **Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В.** Оперативно-розыскной инструментарий. – Москва: Проспект, 2024. – 286 с.
17. **Сильников А.М.** Виды специальных средств, состоящих на вооружении ОВД, и их классификация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 3. – С. 66–70.
18. **Ильина М.Г., Данилова Р.В.** Правовые основания применения служебных собак сотрудниками полиции / Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – Владивосток: Дальневосточный юридический институт МВД России, Владивостокский филиал, 2019. С. 51–53.
19. **Острикова Э.Е., Белокобыльская О.И., Вычужанин А.А.** О направлениях использования служебных собак в оперативно-розыскной деятельности и динамике пороговой чувствительности их обонятельного анализатора // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (59). – С. 78–82.
20. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К.К. Горяинова [и др.]. – Москва: ИНФРА-М, 2004. – 848 с.
21. **Овчинский В.С., Вагин О.А., Гаврилов Б.Я.** Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / вступ. ст. В.Д. Зорькина. – Москва: Норма, 2006. – 576 с.
22. Оперативно-розыскная деятельность: учебное пособие в схемах и определениях / под ред. проф. Е.С. Дубоносова. – Москва: Юрайт, 2009. – 442 с.
23. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – Москва: ИНФРА-М, 2006. – 795 с.
24. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография / Н.С. Железняк. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 332 с.
25. **Жук О.Д.** К понятию средств оперативно-розыскной деятельности и их классификации // Закон и право. – 2014. – № 12. – С. 144–147.
26. **Першин А.Н.** Категория «специальное техническое средство» в оперативно-розыскной деятельности: современный взгляд // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 1 (36). – С. 262–266.
27. **Павличенко Н.В., Тамбовцев А.И.** Средства оперативно-розыскной деятельности как структурная составляющая ее инструментария: материалы XV Научно-образовательного форума Сочинского филиала РУДН им П. Лумумбы. – Москва: РУДН им. П. Лумумбы, 2023. С. 171–178.
28. **Железняк Н.С.** О некоторых нестандартных средствах оперативно-розыскной деятельности в противодействии организованной преступности // Общество и право. – 2025. – № 2 (92). – С. 53–58.

References

1. **Zaharcev S.I.** Operativno-rozysknye meropriyatiya: obshchie polozheniya: monografiya. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr Press, 2004. – 257 s.
2. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: uchebnik / pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: INFRA-M, 2016. – 795 s.
3. Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: uchebnik / pod red. Z.L. Shkhagapsoeva i N.P. Golyandina. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2016. – 303 s.
4. **Nazarov S.V.** Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti: uchebnoe posobie. – Sankt-Peterburg: ANO VO «SYuA», 2018. – 272 s.
5. **Ignashchenkov Yu.Yu.** Ob istorii nauchnogo osmysleniya operativno-rozysknykh i operativno-tekhnicheskikh meropriyatij v HH veke // Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2005. – № 4 (28). – С. 20–25
6. **Kokurin G.A.** Pravovaya reglamentaciya operativno-tekhnicheskikh meropriyatij // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2015. – № 5 (104). – С. 108–111.
7. **Goryainov K.K., Sivirkin F.D.** Operativno-tekhnicheskie meropriyatiya, ogranichivayushchie pravo na tajnu telefonnykh peregovorov v otnoshenii lic, otbyvayushchih nakazanie v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. – 2018. – № 1. – С. 7–10.
8. **Dubin A.S., Shalamov G.V.** Obshchie formy vzaimodeystviya operativnykh podrazdelenij organov vnutrennih del pri provedenii special'nykh tekhnicheskikh meropriyatij / Operativno-rozysknoe protivodeystvie organizovannoj prestupnosti (posvyashchaetsya pamyati professora D.V. Rivmana): materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii: Sankt-Peterburg. – Sankt-Petersburgskij universitet MVD Rossii. – 2015. S. 103–105.
9. **Gusachenko M.A.** Vzaimodeystvie podrazdelenij MVD Rossii po raskrytiyu prestuplenij terroristicheskoy napravlenosti s primeneniem special'nykh tekhnicheskikh meropriyatij // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2020. – № 6. – С. 198–201.
10. **Shatalov A.S.** Ispolzovanie v syske special'nykh tekhnicheskikh sredstv: pravovye i organizacionnye voprosy / Praktika ugovnogo syska: nauchno-prakticheskij sbornik. – Moskva: Liga Razum, 1999. S. 191–225.
11. **Kosheleva O.V.** Administrativno-pravovoe regulirovanie oborota special'nykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya neglasnogo polucheniya informacii: dis. ... kand. yurid. nauk. – Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo, 2009. – 206 s.
12. **Girijchuk V.V., Zubenko E.V., Lencov A.B.** Aktual'nye problemy primeneniya special'nykh tekhnicheskikh sredstv v operativno-rozysknoj deyatel'nosti i ugovnom sudoproizvodstve: monografiya. – Moskva: YurLitinform, 2017. – 168 s.
13. **Baumtrog V.E.** Special'naya tekhnika organov vnutrennih del v voprosah i otvetah: uchebnoe posobie. – Barnaul: Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2018. – 122 s.
14. **Chernyh A.A., Bezgachev F.V.** Special'nye okrashivayushchie i markiruyushchie sredstva: uchebnoe posobie. – Krasnoyarsk: Sibirskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2020. – 76 s.
15. **Arhipov A.Yu.** Ispolzovanie special'nykh himicheskikh veshchestv i himicheskikh lovushek v deyatel'nosti operativnykh podrazdelenij: otchet o NIR. – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2021. – 21 s.
16. **Tambovcev A.I., Pavlichenko N.V.** Operativno-rozysknoj instrumentarij. – Moskva: Prospekt, 2024. – 286 s.
17. **Sil'nikov A.M.** Vidy special'nykh sredstv, sostoyashchih na vooruzhenii OVD, i ih klassifikaciya // Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2011. – № 3. – С. 66–70.
18. **Il'ina M.G., Danilova R.V.** Pravovye osnovaniya primeneniya sluzhebnykh sobak sotrudnikami policii / Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: materialy XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 ch. – Vladivostok: Dal'nevostochnyj yuridicheskij institut MVD Rossii, Vladivostokskij filial, 2019. S. 51–53.

19. **Ostrikova E.E., Belokobyl'skaya O.I., Vychuzhanin A.A.** O napravleniyah ispol'zovaniya sluzhebnyh sobak v operativno-rozysknoy deyatel'nosti i dinamike porogovoy chuvstvitel'nosti ih obonyatel'nogo analizatora // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 1 (59). – S. 78–82.
20. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebnik / pod red. K.K. Goryainova [i dr.]. – Moskva: INFRA-M, 2004. – 848 s.
21. **Ovchinskij V.S., Vagin O.A., Gavrilov B.Ya.** Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti». S prilozheniem reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii i Evropejskogo Suda po pravam cheloveka / vstup. st. V.D. Zor'kina. – Moskva: Norma, 2006. – 576 s.
22. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebnoe posobie v skhemah i opredeleniyah / pod red. prof. E.S. Dubonosova. – Moskva: Yurajt, 2009. – 442 s.
23. Teoriya operativno-rozysknoy deyatel'nosti: uchebnik / pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova. – Moskva: INFRA-M, 2006. – 795 s.
24. Voprosy aktualizacii Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti»: monografiya / N.S. Zheleznyak. – Krasnoyarsk: SibYul MVD Rossii, 2019. – 332 s.
25. **Zhuk O.D.** K ponyatiyu sredstv operativno-rozysknoy deyatel'nosti i ih klassifikacii // Zakon i pravo. – 2014. – № 12. – S. 144–147.
26. **Pershin A.N.** Kategoriya «special'noe tekhnicheskoe sredstvo» v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: sovremennyy vzglyad // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. – 2018. – № 1 (36). – S. 262–266.
27. **Pavlichenko N.V., Tambovcev A.I.** Sredstva operativno-rozysknoy deyatel'nosti kak strukturnaya sosavlyayushchaya ee instrumentariya: materialy XV Nauchno-obrazovatel'nogo foruma Sochinskogo filiala RUDN im P. Lumumby. – Moskva: RUDN im. P. Lumumby, 2023. S. 171–178.
28. **Zheleznyak N.S.** O nekotoryh nestandardnyh sredstvah operativno-rozysknoy deyatel'nosti v protivodejstvii organizovannoj prestupnosti // Obshchestvo i pravo. – 2025. – № 2 (92). – S. 53–58.

(статья сдана в редакцию 19.09.2025)

О совершенствовании института наказания в целях борьбы с рецидивной преступностью

On improving the institution of punishment in order to combat recidivism

УДК 343.8

Д.Е. Дроздов,

кандидат юридических наук, доцент
(Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского,
Россия, Калуга)
хааб@mail.ru

Denis E. Drozdov,

Candidate of Law, Associate Professor
(Kaluga State University
named after K.E. Tsiolkovsky,
Kaluga, Russia)

Е.З. Сидорова,

кандидат юридических наук, доцент
(Восточно-Сибирский институт МВД России,
Россия, Иркутск)
ketrik6@mail.ru

Ekaterina Z. Sidorova,

Candidate of Law, Associate Professor
(East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk, Russia)

Аннотация: предупреждение преступности остается приоритетным направлением деятельности правового государства. Наметившиеся в последнее время признаки кризиса эффективности и гуманности отдельных видов наказания свидетельствуют о необходимости поиска разработки новых механизмов контроля над преступностью, в том числе рецидивной. Ссылаясь на нормы Конституции Российской Федерации и практику Конституционного Суда Российской Федерации, авторы особое внимание уделяют приоритету защиты прав потерпевших перед правами осужденных. Доказывается, что предлагаемые меры, сохраняя конституционную соразмерность, создадут дополнительные барьеры для рецидива и будут способствовать достижению цели исправления осужденных. Анализ проблемы кризиса эффективности отдельных видов уголовного наказания, проявляющегося в первую очередь в рецидивной преступности, и характеристика официальных статистических данных о количестве лиц, вновь привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступления, за период с 2020 по 2024 гг., а также историко-правовой анализ отдельных положений, закрепленных в уголовном законодательстве 1903 г. и Уголовных кодексах РСФСР, позволил авторам обосновать необходимость пересмотра превентивных мер, применяемых для борьбы с рецидивной преступностью. На основе исследования отечественного законодательства в исторической ретроспективе сформулировано предложение о целесообразности ограничения прав осужденных в выборе места жительства как меры превентивного характера. С учетом зарубежного опыта предлагается дополнение действующего уголовного законодательства нормой о применении наказания в виде пожизненного лишения свободы к лицам, трижды совершающим умышленные преступления.

Ключевые слова: наказание; предупреждение преступности; место жительства; лишение свободы; осужденный; административный надзор; потерпевший

Для цитирования: Дроздов Д.Е., Сидорова Е.З. О совершенствовании института наказания в целях борьбы с рецидивной преступностью // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 55–60.

Abstract: crime prevention remains a priority area of the rule of law State. Recent signs of a crisis in the effectiveness and humanity of certain types of punishment indicate the need to find and develop new mechanisms for controlling crime, including recidivism. Referring to the norms of the Constitution of the Russian Federation and the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, the authors pay special attention to the priority of protecting the rights of victims over the rights of convicts. It is proved that the proposed measures, while maintaining constitutional proportionality, will create additional barriers to recidivism and will contribute to achieving the goal of correcting convicts. Analysis of the problem of the crisis in the effectiveness of certain types of criminal punishment, manifested primarily in recidivism, and characterization of official statistics on the number of persons newly prosecuted for committing crimes for the period from 2020 to 2024, as well as historical and legal analysis of certain provisions enshrined in the criminal Code of 1903. and the Criminal Codes of the RSFSR, allowed the authors to justify the need to review the preventive measures used to combat recidivism. Based on a study of domestic legislation in historical retrospect, a proposal has been formulated on the expediency of restricting convicts in choosing a place of residence as a preventive measure. Using foreign experience, it is proposed to supplement the current criminal legislation with a norm on the application of punishment in the form of life imprisonment to persons who commit intentional crimes three times.

Keywords: punishment; crime prevention; place of residence; imprisonment; convicted person; administrative supervision; victim

For citation: Drozdov D.E., Sidorova E.Z. On improving the institution of punishment in order to combat recidivism // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 55–60.

Многовековой отечественный и зарубежный опыт противодействия преступности показывает, что на каждом историческом этапе развития в обществе существует определенная группа лиц, совершающих преступления, которые не только не воспринимают проводимую с ними профилактическую работу, но и не учитывают вероятность повторного привлечения к уголовной ответственности, что приводит к совершению ими новых преступлений. В ряде случаев только деятельность правоохранительных органов в рамках расследования уголовных дел и применение к названной категории граждан наказаний, связанных с изоляцией от общества, ограждают социум от таких лиц, лишая последних физической возможности совершить большинство преступлений (за исключением некоторых, например против порядка управления или правосудия).

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за последние пять лет число осужденных, относящихся к категории ранее судимых (имеющих неснятую и непогашенную судимость), варьировалось от 212 051 человека в 2020 году до 186 094 человек в 2024 году (см. табл. 1)¹.

Сокращение осужденных в 2024 году, и в том числе относящихся к числу рецидивистов, отчасти связано с проведением Россией специальной

военной операции и участием в ней осужденных. У лиц, принявших участие в СВО, появляется возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания, однако это происходит в несколько этапов и не распространяется на все преступления, окончательное освобождение наступает при выполнении определенных условий. Вместе с тем на протяжении четырех лет доля рецидивистов в общей массе осужденных составляла около 40%. Это свидетельствует, с одной стороны, о кризисе эффективности и гуманности отдельных видов наказания, поскольку оно не достигает своих целей, а именно: осужденные массово не исправляются и продолжают вести преступную деятельность, совершая новые преступления; а с другой – о стоящей перед государством задаче поиска оптимальных путей предупреждения преступности, в том числе путем использования новых видов наказаний за совершение преступлений либо иных механизмов превентивного воздействия.

Отчасти можно согласиться с мнением В.Ф. Лапшина о том, что тюремное заключение уступает по своей эффективности в достижении превентивных целей комплексной социальной работе с осужденными [1, с. 194]. Однако практическая реализация предложенного подхода, устраняющего неблагоприятные последствия для осужденного, не только является криминальной, но и с большой долей вероятности ведет к росту рецидивной преступности. Теоретические домыслы о социальной реабилитации осужденных, систематически совершающих умыш-

¹ Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения 01.08.2025).

Таблица 1. Количество осужденных за период 2020–2024 гг. в Российской Федерации

Год	2020	2021	2022	2023	2024
Количество осужденных, чел.	530 998	565 523	578 774	555 742	512 845
Темп прироста, %	-	+6,5	+2,3	–4,0	–7,7
Количество ранее судимых лиц (имеющих неснятую или непогашенную судимость), чел.	212 051	220 858	222 978	216 521	186 094
Доля в общем числе, %	39,9	39,1	38,5	39,0	36,3
Темп прироста, %	-	+4,2	+1,0	–2,9	–14,1

ленные преступления, выбравших преступный образ жизни, придерживающихся субкультурных норм, не столько утопичны, сколько, по нашему мнению, вредны для общественного прогресса, поддержания общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Речь не идет об ужесточении уголовного наказания в целом, хотя фрагментарное применение к определенным категориям лиц (за совершение наиболее общественно опасных преступлений) максимально строгих уголовно-правовых мер воспринимается обществом позитивно, о чем говорят современные научные исследования [2, с. 53]. В частности, за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, диверсии, государственную измену и другие наиболее общественно опасные уголовно наказуемые деяния действующим законодательством предусмотрено применение сурового вида наказания в виде пожизненного лишения свободы. К лицам, ранее судимым, назначение такого вида наказания является обоснованным, однако к имеющимся в арсенале судов и используемым сегодня превентивным методам можно также отнести лишение свободы на определенный срок. Современное наказание кроме репрессивного элемента в виде лишения или ограничения прав и свобод лица, привлекаемого к ответственности, должно создавать серьезные фактические преграды на пути возможного будущего преступного поведения. Правоведы обоснованно подчеркивают, что уголовное наказание должно выполнять помимо прочего превентивную функцию, в том числе пу-

тем создания преград для повторного совершения лицом уголовно наказуемого деяния [3, с. 68].

Одной из таких преград будет являться ограничение права определенных категорий ранее судимых лиц (например, лиц, которые ранее совершили более трех умышленных преступлений) на выбор своего места жительства. Обосновывая применение указанной меры именно после совершения трех преступлений и более, следует отметить, что совершение одного или даже двух умышленных уголовно наказуемых деяний может быть следствием стечения обстоятельств. Однако, когда речь идет о четвертом и более умышленном деянии, это с высокой долей вероятности указывает не на случайность, а на устойчивую антиобщественную ориентацию личности. При этом многократное совершение преступлений свидетельствует о том, что человек не просто нарушил закон, а что криминальное поведение стало для него привычным, и в некоторых случаях даже основным способом решения жизненных проблем или получения дохода. Это признак формирования криминальной привычки. В этой связи показатель «три совершенных умышленных преступления» является не абсолютной, а оценочной категорией. Такой количественный критерий позволит законодателю установить определенный порог, за которым рецидив перестает быть просто «повторностью» и становится свидетельством систематичности поведения человека. Три умышленных преступления – это уже система, а четвертое подтверждает ее устойчивость.

Кроме того, ограничение для таких осужденных права выбора своего места жительства также не противоречит конституционному праву человека свободно передвигаться и выбирать место пребывания или жительства, поскольку в системе действующего правового регулирования оно не может трактоваться как абсолютное.

Предпосылки для расширения такого способа воздействия на злостных рецидивистов заложены в Федеральном законе от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», в статье 4 которого закреплены административные ограничения, а именно: запреты на пребывание в определенных местах; на посещение места проведения массовых и иных мероприятий; на нахождение вне жилого или иного помещения в определенное время суток и выезд за пределы территории².

Ретроспективный обзор отечественного законодательства показывает, что оно сохранило преемственность между дореволюционным и советским периодами в вопросах применения наказания, связанного с ограничением места жительства осужденных. В уголовном уложении 1903 г. было предусмотрено, что преступники после отбытия каторги переводятся на поселение в предназначенные на то местности, а ссылка и поселение назначаются без срока, то есть осужденные после отбытия наказания поселялись в специально определенных местах жительства [4, с. 126]. Пунктом 49 Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР) 1922 г. определялось, что социально опасные лица по приговору суда могут быть лишены права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет [5, с. 81]. УК РСФСР 1926 г. среди мер социальной защиты (современное наказание) закреплял удаление за пределы РСФСР или отдельной местности и обязательное поселение в других местностях или запрещение проживания в отдельных местностях осужденных лиц [6, с. 3]. Статьями 25 и 26 УК РСФСР 1960 г. регламентировалось наказание в виде ссылки и высылки [7, с. 198]. Таким образом, в отечественной практике реализовывались меры, связанные с контролем за местом проживания некоторых категорий осужденных, что имело положительный профилактический эффект.

Другими словами, дальнейшая трансформация уголовной политики обосновывается не

только значительным историческим опытом правоприменительной деятельности, но и действующим законодательством.

Следует также обратить внимание на то, что применение института наказания ориентировано не только на исправление осужденного, но и на восстановление социальной справедливости. Это означает, что институт наказания применяется в том числе для защиты прав потерпевшего: наказывая одного, защищает другого. В подобной ситуации возникает вопрос приоритета: чьи права и интересы важнее, осужденного или потерпевшего? Интересы потерпевшего, достигаемые соблюдением права на доступ к правосудию, судебную защиту и компенсацию причиненного ему ущерба, приоритетны по отношению к правам лица, совершившего преступление, что вытекает из смысла Конституции Российской Федерации³ и Уголовно-процессуального кодекса России⁴, в том числе потому, что назначение уголовного судопроизводства – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. На приоритет прав потерпевшего указывает профессор В.Н. Борков, полагая необходимым формирование в обществе положительного отношения к назначению и исполнению наказания [8, с. 112]. Защита потерпевших особенно необходима в ситуациях длительного негативного воздействия со стороны преступника, в том числе после отбытия наказания, например в случаях stalking – навязчивого преследования, в ходе которого к потерпевшему на систематической основе применяется психическое насилие, либо когда ему или близким родственникам приходится в повседневной жизни сталкиваться с преступником по причине проживания по соседству или в одном жилище. Многочисленные примеры длительного навязчивого преследования освещены в средствах массовой информации⁵.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 г.

⁴ Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 23 июля 2025 г. № 216-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

⁵ См., например: Четыре истории stalking, от которых не по себе. Полиция неохотно принимает заявления от жертв преследований [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/64098b8b9a794781099cd440?ysclid=mdt2kgd4nh764876272#9cd440-contents-chiefstalker> (дата обращения: 06.08.2025); В полиции просто смеялись. Россиянок преследуют на улицах, дома и на работе. Почему от stalkеров нет защиты? [Электронный ресурс]. – URL: lenta.ru: сайт. – URL:

² Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (в ред. Федерального закона от 6 апреля 2024 г. № 69-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2037.

На важность соблюдения конституционных прав потерпевшего неоднократно указывал Конституционный суд России. В постановлении № 14-П/2013 от 25 июня 2013 г. указано, что имеющиеся механизмы в максимальной степени должны способствовать предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению негативных последствий для граждан, а также упрощать жертвам доступ к правосудию. При этом доступ должен быть реальным и обеспечивать эффективное восстановление прав⁶. Кроме того, согласно Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью каждое правовое государство должно содействовать тому, чтобы существующие процедуры (судебные и административные) в большей степени отвечали потребностям потерпевших⁷.

В свете вышесказанного применение такой меры наказания к отдельным категориям рецидивистов, как ограничение их права на выбор места жительства, является обоснованным с точки зрения защиты прав потерпевших.

Другое направление совершенствования института наказания формируется в процессе апробации эффективного зарубежного опыта. Так, в период с 1993 по 1995 гг. в 24 штатах США были приняты законы, предусматривающие более длительные сроки тюремного заключения для

преступников, повторно совершающих тяжкие преступления. В большинстве штатов было предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы без возможности освобождения в течение как минимум 25 лет после осуждения за третье насильственное преступление. При этом некоторые исследователи высказывают предположения о его негативном влиянии, связанным с ростом убийств, поскольку преступник, уже совершивший два умышленных преступления, будет предпринимать дополнительные меры для избежания уголовной ответственности, в том числе причиняя смерть новой жертве преступления с целью исключения возможных свидетельских показаний с ее стороны [9, с. 245]. Вместе с тем оценки профилактического эффекта от принятия законов, ужесточающих меры государственного реагирования, в том числе для удержания преступности на социально допустимо уровне, особенно к лицам, систематически совершающим тяжкие преступления, не приводятся. Как минимум в рамках социологического исследования возможен опрос лиц, осужденных за тяжкие преступления, с целью выявления их позиции. Как верно указывает профессор А.В. Чучаев, специальная превенция достигается фактическим воздействием наказания, а общая – содержит лишь потенциальный элемент принуждения, влияя на выбор поведения. Осужденные знают о наказании, испытывая его на себе в совокупности с комплексом исправительного воздействия, что и удерживает их от совершения новых преступлений [10, с. 54].

Таким образом, меры предупреждения рецидивной преступности, связанные с ограничением права осужденных на выбор места жительства, а также предложения по модернизации действующего уголовного законодательства в части применения наказания в виде пожизненного лишения свободы за совершение трех умышленных преступлений могут способствовать предупреждению рецидивной преступности путем создания дополнительных барьеров для совершения новых преступлений, а также преодолению кризиса современного уголовного наказания, которое в настоящее время показывает недостаточную эффективность.

<https://lenta.ru/articles/2024/02/14/stalkers/?ysclid=mdt2t2xrm975326642> (дата обращения 01.08.2025).

⁶ По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой. См.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2013 г. № 14-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 6.

⁷ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 01.08.2025).

Литература

1. **Лапшин В.Ф.** Гуманизация современной уголовной политики России и дифференциация уголовной ответственности: проблемы и противоречия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 2 (13). – С. 194–197.
2. **Кумышева М.К.** К вопросу об ужесточении ответственности за преступления против общественной безопасности и государственной власти // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2024. – Т. 17. – № 4. – С. 52–57.
3. **Пировов П.П., Чечерова А.С.** Особенности функций лишения свободы как вида уголовного наказания // Вестник науки. – 2024. – Т. 1. – № 9 (78). – С. 68–75.
4. **Филатов А.В.** Ссылка и каторга в российском имперском законодательстве XVI – начала XX века (обзор) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 122–127.
5. **Селивановская И.А.** Уголовный кодекс РСФСР 1922 года: правовые аспекты // Историческое обозрение. – 2009. – № 10. – С. 79–84.
6. **Упоров И.В.** Меры социальной защиты в советском уголовном законе 1926 г. как уникальное политико-правовое явление // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 6. – С. 1–10.

7. **Сидоркин А.И.** Исполнение наказания в виде ссылки в СССР в 1960–80-х годах // Марийский юридический вестник. – 2002. – № 2. – С. 190–201.
8. **Борков В.Н.** Наказание в дореволюционном, советском и современном уголовном праве России: движение к антикриминальной консолидации общества // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – Т. 28. – № 1 (92). – С. 110–114.
9. **Кури Х., Ильченко О.Ю.** Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 240–256.
10. **Чучаев А.И.** Наказание в уголовном праве России: антология идей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 7. – С. 51–78.

References

1. **Lapshin V.F.** Gumanizatsiya sovremennoj ugolovnoj politiki Rossii i differentsiatsiya ugolovnoj otvetstvennosti: problemy i protivorechiya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2010. – № 2 (13). – С. 194–197.
2. **Kumysheva M.K.** K voprosu ob uzhestochenii otvetstvennosti za prestupleniya protiv obshchestvennoj bezopasnosti i gosudarstvennoj vlasti // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal. – 2024. – Т. 17. – № 4. – С. 52–57.
3. **Pirogov P.P., Checherova A.S.** Osobennosti funktsij lisheniya svobody kak vida ugolovnogo nakazaniya // Vestnik nauki. – 2024. – Т. 1. – № 9 (78). – С. 68–75.
4. **Filatov A.V.** Ssylka i katorga v rossijskom imperskom zakonodatel'stve XVI – nachala XX veka (obzor) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 122–127.
5. **Selivanovskaya I.A.** Ugolovnyj kodeks RSFSR 1922 goda: pravovye aspekty // Istoricheskoe obozrenie. – 2009. – № 10. – С. 79–84.
6. **Uporov I.V.** Mery social'noj zashchity v sovetskom ugolovnom zakone 1926 g. kak unikal'noe politiko-pravovoe yavlenie // APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2016. – № 6. – С. 1–10.
7. **Sidorin A.I.** Ispolnenie nakazaniya v vide ssylki v SSSR v 1960–80-h godah // Marijskij yuridicheskij vestnik. – 2002. – № 2. – С. 190–201.
8. **Borkov V.N.** Nakazanie v dorevolucionnom, sovetskom i sovremennom ugolovnom prave Rossii: dvizhenie k antikriminal'noj konsolidatsii obshchestva // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. – 2023. – Т. 28. – № 1 (92). – С. 110–114.
9. **Kuri H., Il'chenko O.Yu.** Effektivnost' nakazaniya: rezul'taty mezhdunarodnyh issledovanij // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. – 2013. – № 2. – С. 240–256.
10. **Chuchaev A.I.** Nakazanie v ugolovnom prave Rossii: antologiya idej // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2015. – № 7. – С. 51–78.

(статья сдана в редакцию 18.08.2025)

Профилактика вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность

Preventing the involvement of minors in criminal activities

УДК 343.9

А.С. Лимарь,

кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
ani.limar@yandex.ru

Anna S. Limar,

Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

И.А. Михайлова,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
mihailova140361@yandex.ru

Irina A. Mikhailova,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: основная цель исследования заключается в анализе современного состояния преступности несовершеннолетних, а также форм противодействия вовлечению несовершеннолетних в деятельность, запрещенную законодательством Российской Федерации. Отмечается взаимосвязь между внутригосударственными и внешнеполитическими процессами и состоянием преступности несовершеннолетних как ответной реакцией на происходящее.

Актуальность данной темы обусловлена ростом числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, в частности связанных с незаконным оборотом наркотических средств, а также террористической направленности. Примечателен тот факт, что как вышеуказанные преступления, так и вовлечение в них совершаются в большинстве случаев дистанционно, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Авторами обозначены сферы жизнедеятельности личности несовершеннолетнего, исходя из анализа которых сформулирован комплекс причин, лежащих в основе формирования деструктивного поведения несовершеннолетних, а также определены основные направления профилактической работы. Отмечен положительный вектор воздействия мероприятий, реализуемых целевыми проектами профилактики преступности, такими как «Не оступись», «Группа», «Сообща, где торгуют смертью», «Профилактика», «Нужные люди». Однако в связи с преобладанием на сегодняшний день виртуального общения представляется необходимым совершенствование системы профилактики с опорой на стратегический потенциал информационно-телекоммуникационных технологий и средств массовой информации.

Ключевые слова: преступление; преступная деятельность; вовлечение несовершеннолетних; профилактика

Для цитирования: Лимарь А.С., Михайлова И.А. Профилактика вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 61–67.

Abstract: the main purpose of the study is to analyze the current state of juvenile delinquency, as well as forms of countering the involvement of minors in activities prohibited by the legislation of the Russian

Federation. The interrelation between domestic and foreign policy processes and the state of juvenile delinquency as a response to what is happening is noted.

The relevance of this topic is due to the growing number of crimes committed by minors, in particular those related to drug trafficking, as well as terrorism. It is noteworthy that both the above-mentioned crimes and involvement in them are committed in most cases remotely, using information and telecommunication technologies.

The authors identify the spheres of life of a minor's personality, based on the analysis of which a set of reasons underlying the formation of destructive behavior of minors is formulated, as well as the main directions of preventive work are identified. The positive vector of the impact of activities implemented by targeted crime prevention projects, such as "Do not stumble", "Group", "Inform where death is traded", "Prevention", "The right people", was noted. However, due to the prevalence of virtual communication today, it seems necessary to improve the prevention system based on the strategic potential of information and telecommunication technologies and the media.

Keywords: crime; criminal activity; involvement juveniles; prevention

For citation: Limar A.S., Mikhailova I.A. Preventing the involvement of minors in criminal activities // *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. – 2026. – № 1. – P. 61–67.

В условиях информационной глобализации, стремительного изменения общественных отношений на фоне внутригосударственных и внешнеполитических процессов, а также ускорения темпов социализации возрастает уровень вовлеченности несовершеннолетних в преступную деятельность, что оказывает существенное влияние на национальную безопасность государства [1].

Президентом Российской Федерации В.В. Путиным на расширенном заседании коллегии МВД России 5 марта 2025 г. были подняты основные проблемы в сфере противодействия преступности, подчеркнута необходимость борьбы с агрессивной рекламой в сети Интернет и площадками по продаже наркотических средств в цифровой среде, а также противодействия вовлечению подростков в преступность¹. Кроме того, были отмечены высокие результаты работы правоохранительных органов, которые выразились в снижении уровня подростковой преступности.

Тем не менее сама по себе преступность несовершеннолетних выступает в качестве показателя нестабильности в обществе, свидетельствующего о противоречиях в политической и социально-экономической сферах, оказывающих влияние на течение криминогенных процессов в стране [2]. Следовательно, существует взаимосвязь между процессами, протекающими в отдельных сферах общества, и состоянием преступности несовершеннолетних как ответной реакцией на происходящее.

По данным ГИАЦ МВД России, общее число несовершеннолетних, совершивших пре-

ступления, по итогам 2024 года сократилось на 5%. В то же время наблюдается рост вовлечения несовершеннолетних в распространение наркотических средств, также подростки все чаще становятся участниками экстремистской и террористической деятельности (см. табл. 1)². В 2024 году Росфинмониторинг добавил в реестр террористов и экстремистов 93 несовершеннолетних³.

С 2022 года, по данным Генпрокуратуры России, отмечается увеличение числа фактов совершения диверсий несовершеннолетними. По данным МВД России, за данный период совершено 184 диверсии, задержан 141 человек, среди которых 59 подростков.

Стоит отметить, что основным способом совершения вышеуказанных преступлений является использование информационно-телекоммуникационных технологий [3, с. 6] (см. табл. 2)⁴. Согласимся с мнением К.А. Карчаевой, что

² Форма государственного статистического наблюдения «Сводный отчет по России. Сведения о лицах, совершивших преступления» (Ф. 492, кн. 1) за 2023–2024 гг. / по данным ФКУ «ГИАЦ МВД России».

³ В список экстремистов и террористов в 2024 году внесли в 1,5 раза больше лиц [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/21401653?ysclid=m8y405les503904224>

⁴ Форма государственного статистического наблюдения «Сводный отчет по России о результатах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также результатах деятельности структурных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, специализирующихся на противодействии преступлениям данного вида (сформирован с учетом требования приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 3 июля 2023 г. № 429) (Ф. 280, кн. 1) за 2023–2024 гг. / по данным ФКУ «ГИАЦ МВД России».

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/>

Таблица 1. Сведения о лицах, совершивших преступления

Ф. 180. Кн. 1		2023 г.	2024 г.
Состоит на учете	всего несовершеннолетних	113 901	109 901
	совершивших правонарушение	62 603	60 748
	осужденных	3 594	3 091
Ф. 492. Кн. 1			
Выявлено несовершеннолетних, совершивших преступления		22 340	21 069
преступления террористического характера		44	98
преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ		1 372	1 385
преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации		4 066	4 426
диверсия (ст. 281 УК РФ)		5	33

Таблица 2. Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выявленных органами внутренних дел Российской Федерации, в том числе подразделениями ИТТ

Раздел 1. Ф. 280. Кн. 1	2023 г.	2024 г.	Январь – май 2025 г.
Всего	676 951	765 365	308 119
связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей)...	103 939	118 173	62 919
террористического характера	751	1 159	705
вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ)	54	145	114

развитие информационной инфраструктуры в XXI веке оказывает на несовершеннолетних пагубное воздействие, вовлекая в совершение преступлений в онлайн-режиме [4].

Вовлечение в криминальную среду несовершеннолетнего происходит в силу недостаточной сформированности социальных установок, что подтверждается анализом эмоционально-ценностного компонента личности, а именно субъектно-волевой сферы [4]. Подростки наиболее подвержены формированию деструктивного поведения из-за ограниченности знаний, неспособности критически оценивать информацию, повышенной внушаемости. Такие личности чаще зависимы от эмоций, а самыми яркими и выраженными их чертами являются распушенность, дерзость, эгоизм, легкомыслие, повышенная

возбудимость, конфликтность, несдержанность. У этих подростков почти полностью отсутствуют положительные жизненные установки.

А.А. Косаренко в своих исследованиях затрагивает такую глобальную проблему в обществе, как опасность вовлечения несовершеннолетних в криминальную субкультуру, совершение преступлений в соучастии, в т.ч. организованными группами [5] (см. табл. 3)⁵.

В 2024 году снизилось как число групп антиобщественной направленности, так и несовер-

⁵ Форма государственного статистического наблюдения «Сводный отчет по России. Отчет о результатах работы территориальных органов МВД России по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ф. 180, кн. 1) за 2023–2024 гг. / по данным ФКУ «ГИАЦ МВД России».

Таблица 3. Сведения о результатах работы органов внутренних дел по предупреждению правонарушений среди лиц, входящих в состав групп антиобщественной направленности

Раздел 4. Ф. 180. Кн. 1		2023 г.	2024 г.
Состояло на учете групп антиобщественной направленности		8 221	7 527
Число несовершеннолетних, входивших в состав данных групп		16 903	14 819
Привлечено к ответственности несовершеннолетних из числа входивших в состав групп антиобщественной направленности	к административной	2 116	1 675
	к уголовной	1 116	882
Число взрослых лиц, входивших в состав данных групп		807	729
Привлечено к ответственности взрослых лиц из числа входивших в состав групп антиобщественной направленности	к административной	473	276
	к уголовной	327	102

шеннолетних, входивших в их состав. Положительные результаты сформировались в ходе повышения эффективности реализации государственной политики в сфере профилактики преступности несовершеннолетних.

Правовая основа вышеуказанной деятельности базируется на системе норм, которые закреплены в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Указе Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года»⁶ и др. Данными нормативными правовыми актами защита несовершеннолетних возведена в ранг важнейшей как социальной, так и правовой задачи, именно на их основе построен проч-

ный фундамент профилактических мер, отвечающих существующим реалиям, которые диктует современное общество.

Главной целью профилактической работы является защита несовершеннолетних, которые могут стать как виновными, так и потерпевшими, от воздействия (влияния) криминальных проявлений в повседневной деятельности.

В этой связи актуальным остается высказывание А.И. Алексеева, что «от эффективности профилактики преступности несовершеннолетних во многом зависят состояние и тенденции преступности в будущем и даже более широко – нравственный климат в обществе» [6, с. 208].

Отличительной особенностью профилактики преступности несовершеннолетних по сравнению со взрослыми преступниками является деятельность по профилактике безпризорности и безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, представляющая собой профилактические меры социально-педагогического направления, которые не увязываются с нормами административного и уголовного права и не преследуют своей целью наказание как эффективный способ исправления несовершеннолетнего.

Жизнедеятельность личности несовершеннолетнего в основном происходит в трех сферах: семье, учебном заведении или рабочем коллективе, неформальной группе по месту жительства.

При опросе инспекторов по делам несовершеннолетних ОУУП и ПДН территориальных отделов МВД России по Белгородской области было выявлено, что в 47% случаев основной причиной совершения преступлений и правонарушений несовершеннолетними выступает отсутствие семейного воспитания, а также подверженность родственников негативным

⁶ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

социальным явлениям (злоупотребление алкоголем, аморальное поведение, тунеядство, грубость и жестокость по отношению к окружающим и т.д.).

Отмечается, что случаи подростковой и детской преступности в семьях, где бытует атмосфера взаимной грубости, агрессивное отношение друг к другу и окружающим, встречаются в 10 раз чаще, нежели в семьях с нормальными взаимоотношениями [7, с. 87–88].

В связи с этим отдельного внимания требует работа с родителями и законными представителями несовершеннолетних, в том числе по линии выявления семей, находящихся в социально опасном положении. Нежелание родителей учиться управлять отрицательными чертами характера подростка, а также его личные особенности в совокупности приводят к становлению на путь совершения преступлений с раннего возраста.

Для помощи неблагополучным семьям в нейтрализации подобных проблем необходимо основание и постоянное функционирование фондов по оказанию помощи семьям, оказавшимся в сложной ситуации.

Для искоренения из жизни подростков асоциального поведения и пагубных привычек следует обеспечить здоровую атмосферу ближайшего окружения.

Повышенного внимания требует взаимодействие с образовательными организациями по вопросам своевременного выявления детей, входящих в группу риска, т.е. проживающих в неблагоприятных или агрессивных социальных условиях. В этой связи усилия сотрудников органов внутренних дел целесообразно направить на изучение контингента, состоящего на учетах в образовательных организациях, как правило, это подростки с девиантным поведением [8]. Также в целях общей профилактики сотрудники органов внутренних дел обязаны содействовать педагогическим коллективам учебных заведений в организации работы по оказанию социальной помощи и эмоциональной поддержки.

К примеру, психологическая поддержка, снижение агрессии, профилактика потребления негативного контента выступили основной целью проекта «Нужные люди» по работе с трудными подростками, поведение которых не соответствует общепринятым социальным нормам.

«Нужные люди» – это проект, подготовленный Центром социализации и перспективного развития молодежи Ростовской области при поддержке Управления ФСБ России по Южному военному округу, Национального центра информационно-противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет, Управ-

ления образования Ростова-на-Дону, Управления по культуре Ростова-на-Дону, УГИБДД ГУ МВД России по Ростовской области, спортивно-стрелкового клуба «Пересвет» и «Содружества детей и молодежи Дона»⁷.

Проект реализовывался в течение 2022/2023 учебного года и был разделен на несколько блоков, которые включали в себя профориентационные занятия, психологические тренинги, спортивные и профилактические мероприятия. В реализации проекта принимали участие 35 трудных подростков, обучающихся в общеобразовательных организациях г. Ростова-на-Дону. Организаторами созданы условия для поддержания организаторского, творческого, духовного и интеллектуального потенциала подростков и молодежи посредством системной межведомственной работы. Считаем, что опыт проекта стоит использовать во всех регионах Российской Федерации.

С положительной стороны следует отметить развитие федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2021–2026 годы», который на сегодняшний день объединяет более 1 800 000 участников, 1 660 000 подростков участвуют во всероссийских, окружных и межрегиональных мероприятиях патриотической направленности, 1 750 000 детей вовлечены в деятельность детского-юношеского военно-патриотического общественного движения «ЮНАРМИЯ», во многих образовательных организациях созданы отряды «Юные друзья полиции». Указанные отряды имеют правоохранительную направленность и ставят основной задачей профилактику правонарушений несовершеннолетних (см. табл. 4)⁸.

Необходимо отметить, что действующие целевые программы профилактики преступности «Не оступись», «Группа», «Сообща, где торгуют смертью», «Профилактика» и др. распространяются на разные социально-демографические категории (такое разделение прежде всего связано с тем, что, к примеру, наркомания охватывает все слои населения, но в первую очередь направлена на молодых людей, так как именно подростки являются основными потребителями и подвержены влиянию).

⁷ Общественно значимая программа (проект) по социальной адаптации школьников, находящихся в трудной жизненной ситуации «Нужные люди» [Электронный ресурс]. – URL: <https://постов.гранты.рф/>

⁸ Форма государственного статистического наблюдения «Сводный отчет по России. Отчет о результатах работы территориальных органов МВД России по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ф. 180, кн. 1) за 2023–2024 гг. / по данным ФКУ «ГИАЦ МВД России».

Таблица 4. Сведения о результатах работы по совершенствованию деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Раздел 3. Ф. 180. Кн. 1		2023 г.	2024 г.
Вовлечено несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, в деятельность общественных объединений		20 739	33 604
в том числе	в отряды «Юные друзья полиции»	2 292	2 270
	в «Российское движение детей и молодежи «Движение Первых»	11 396	23 783
	во ВВПОД «ЮНАРМИЯ»	5 934	6 336

Профилактика должна быть основана на активной информационно-просветительской деятельности, разъясняющей действующее законодательство и правовые последствия запрещенной деятельности. Такая практика формирует правовую грамотность подростков и способствует внутренней профилактике – осознанному выбору социально приемлемого поведения.

С учетом тенденций последних лет особую актуальность приобретает мониторинг активности различных молодежных объединений. Легкий доступ к материалам экстремистского характера, независимость от географического положения и неограниченная потенциальная аудитория позволяют экстремизму проникать в социальную сферу несовершеннолетних [9]. Социальные сети выступают источником связи между лицом, вовлекаемым в процесс преступной деятельности, и лицом вовлеченным, которое действует согласно инструкциям и совершает преступление.

Использование социальных сетей (с VPN)⁹, никнеймов, а также подключение через серверы в других странах позволяют обойти установленные государством ограничения, а информацию о распространении наркотиков, террористический и экстремистский контент делают практически неконтролируемыми.

Представляется эффективным осуществление отслеживания связей несовершеннолетних в социальных сетях, выявление контактов с лицами, пропагандирующими криминальную субкультуру и преступность [10]. Необходимо активизировать работу виртуальных ботов в мессенджере «Телеграм», социальной сети «ВКонтакте» и др., деятельность которых направлена на выявление потенциально опасных комментариев и признаков преступлений

в переписках пользователей открытой социальной сети, сбор и анализ вредоносной информации из чатов и каналов.

В эпоху высоких технологий и виртуального общения необходимо предпринимать попытки к популяризации нравственного и духовного поведения с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, средств массовой информации. Однако сейчас на экранах телефонов, телевизоров, кинотеатров чаще транслируется контент, пропагандирующий насилие, асоциальное поведение и жестокость среди юного населения, что признается нормой для подростка [11]. Для решения данной проблемы стоит внедрить виртуальные меры профилактики в сеть Интернет, которые будут носить рекомендательный характер. Предлагается разработать социальную рекламу, отражающую последствия осуществления запрещенной деятельности в Российской Федерации в популярных ресурсах, таких как социальные сети, мессенджеры, музыкальные каналы, а также в игровом сегменте.

Для повышения эффективности профилактической деятельности в отношении несовершеннолетних необходимо реализовать весь предусмотренный нормативными правовыми актами в данной сфере комплекс мер.

В Российской Федерации создана эффективная система, направленная на защиту несовершеннолетнего от криминального воздействия. Однако темп жизни и развития общественных отношений свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования мер профилактики. Они должны носить наступательный, превентивный характер, быть основаны на мониторинге социальных, политических, социально-экономических и иных процессов, оказывающих влияние на ситуацию в области противодействия преступности в целом, в каждом конкретном субъекте Российской Федерации.

⁹ VPN (Virtual Private Network) – виртуальная частная сеть, которая создает безопасное соединение сетевого устройства с Интернетом.

Литература

1. **Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д.** Трансформация преступности в XXI веке: особенности предупреждения и противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 12. № 2 (44). – С. 227–235.
2. **Филиппова Е.О.** Несовершеннолетняя преступность как объект криминологического исследования // Юридические науки. – 2021. – № 1. – С. 258–260.
3. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. / А.В. Аносов [и др.]. – Москва: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. – 208 с.
4. **Карчаева К.А.** Некоторые размышления о преступности несовершеннолетних: особенности и детерминанты // Образование и право. – 2022. – № 1. – С. 224–226.
5. **Косаренко А.А.** Криминальная субкультура как причинный фактор преступности несовершеннолетних // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 3. – С. 146–150.
6. **Алексеев А.И.** Криминология: курс лекций. – Москва: Щит-М, 1999. – 331 с.
7. Предупреждение преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними: курс лекций / С.В. Иванцов, О.Н. Ивасюк, Е.А. Соломатина [и др.]; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя». – Москва: Московский ун-т МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. – 242 с.
8. **Богданович Н.В., Делибальт В.В.** Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях // Психология и право. – 2020. – Т. 10. № 2. – С. 1–14.
9. **Усманов И.М., Силаева Н.А.** Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 168–175.
10. **Батыщева Е.В.** Проблемы профилактических мер вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (39). – С. 153–157.
11. **Демидова-Петрова Е.В.** Исследование преступности несовершеннолетних в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т.12. № 1. – С. 4–16.

References

1. **Shalagin A.E., Idiyatullova A.D.** Transformatsiya prestupnosti v XXI veke: osobennosti preduprezhdeniya i protivodeistviya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – T. 12. № 2 (44). – S. 227–235.
2. **Filippova E.O.** Nesovershennoletnyaya prestupnost' kak ob'ekt kriminologicheskogo issledovaniya // Yuridicheskie nauki. – 2021. – № 1. – S. 258–260.
3. Deyatel'nost' organov vnutrennikh del po bor'be s prestupleniyami, sovershennymi s ispol'zovaniem informatsionnykh, kommunikatsionnykh i vysokikh tekhnologii: uchebnoe posobie: v 2 ch. / A.V. Anosov [i dr.]. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2019. Ch. 1. – 208 s.
4. **Karchaeva K.A.** Nekotorye razmyshleniya o prestupnosti nesovershennoletnikh: osobennosti i determinanty // Obrazovanie i pravo. – 2022. – № 1. – S. 224–226.
5. **Kosarenko A.A.** Kriminal'naya subkul'tura kak prichinnyi faktor prestupnosti nesovershennoletnikh // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2023. – № 3. – S. 146–150.
6. **Alekseev A.I.** Kriminologiya: kurs lektzii. – Moskva: Shchit-M, 1999. – 331 s.
7. Preduprezhdenie prestuplenii i administrativnykh pravonarushenii, sovershaemykh nesovershennoletnimi: kurs lektzii / S.V. Ivantsov, O.N. Ivasyuk, E.A. Solomatina [i dr.]; Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Moskovskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii imeni V.Ya. Kikoty". – Moskva: Moskovskii un-t MVD Rossii imeni V.Ya. Kikoty, 2017. – 242 s.
8. **Bogdanovich N.V., Delibalt V.V.** Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i podrostkov kak napravlenie deyatel'nosti psikhologa v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh // Psikhologiya i pravo. – 2020. – T. 10. № 2. – S. 1–14.
9. **Usmanov I.M., Silaeva N.A.** Protivodeistvie ekstremizmu v usloviyakh informatizatsii obshchestva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. – № 1 (93). – S. 168–175.
10. **Batyshcheva E.V.** Problemy profilakticheskikh mer vovlecheniya nesovershennoletnikh v sovershenie prestuplenii i antiobshchestvennykh deistvii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 2 (39). – S. 153–157.
11. **Demidova-Petrova E.V.** Issledovanie prestupnosti nesovershennoletnikh v Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2021. – T.12. № 1. – S. 4–16.

(статья сдана в редакцию 09.06.2025)

Фундаментальные проблемы интерпретации беспомощного состояния в уголовном праве России

Fundamental problems of interpretation of the state of helplessness in the criminal law of Russia

УДК 343.61

Д.Ю. Кузнецов,
кандидат юридических наук
(Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова,
Россия, Орел)
demetrio.k@yandex.ru

Dmitry Y. Kuznetsov,
Candidate of Law
(Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry
of the Interior of Russia,
Orel, Russia)

Аннотация: настоящая статья посвящена комплексному анализу одной из наиболее дискуссионных категорий в российском уголовном праве – оценочному признаку «беспомощное состояние». Актуальность исследования обусловлена отсутствием легального определения данного понятия, что порождает значительные противоречия как в доктринальных подходах, так и в судебной практике. Автор проводит многогранный анализ, рассматривая беспомощное состояние в качестве квалифицирующего признака составов преступлений против жизни, здоровья, обязательного признака объективной стороны преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, а также как обстоятельства,отягчающего наказание. В работе выявлены и систематизированы основные проблемы правоприменительной деятельности, связанные с установлением этого признака. Особое внимание уделяется дифференциации подхода в зависимости от конкретного состава преступления, поскольку неспособность потерпевшего защищаться или осознавать характер действий виновного может быть вызвана различными факторами – от малолетства и физических недостатков до тяжелой болезни или опьянения. На основе изучения отечественного и зарубежного опыта, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и научных источников автор приходит к выводу о настоятельной необходимости законодательной конкретизации термина. Также в статье обосновывается потребность в расширении круга формализованных признаков беспомощности и унификации ее толкования для достижения единообразия судебной практики и обеспечения принципа справедливости уголовного закона.

Ключевые слова: беспомощное состояние; уголовное право; потерпевший; квалификация преступлений; оценочные признаки; проблемы толкования; преступления против личности

Для цитирования: Кузнецов Д.Ю. Фундаментальные проблемы интерпретации беспомощного состояния в уголовном праве России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 68–72.

Abstract: this article provides a comprehensive analysis of one of the most controversial categories in Russian criminal law – the evaluative criterion of «helplessness.» The relevance of this study stems from the lack of a legal definition of this concept, which gives rise to significant contradictions in both doctrinal approaches and judicial practice. The author conducts a multifaceted analysis, examining helplessness as a qualifying characteristic of crimes against life and health, a mandatory element of the objective aspect of crimes against sexual inviolability and sexual freedom, and as an aggravating circumstance. The paper identifies and systematizes the key challenges in law enforcement related to establishing this characteristic. Particular attention is given to differentiating the approach depending on the specific elements of the crime, as the victim's inability to defend themselves or to understand the nature of the perpetrator's actions can be caused

by a variety of factors, ranging from infancy and physical disabilities to serious illness or intoxication. Based on a study of domestic and international experience, clarifications from the Supreme Court of the Russian Federation, and scholarly sources, the author concludes that legislative clarification of the term is urgently needed. The article also substantiates the need to expand the range of formalized indicators of helplessness and standardize its interpretation to achieve uniformity in judicial practice and ensure the principle of fairness in criminal law.

Keywords: helpless state; criminal law; victim; classification of crimes; evaluative features; problems of interpretation; crimes against the person

For citation: Kuznetsov D.Y. Fundamental problems of interpretation of the state of helplessness in the criminal law of Russia // *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. – 2026. – № 1. – P. 68–72.

Актуальность исследования в рамках выбранной автором проблематики обусловлена необходимостью обеспечения эффективной уголовно-правовой защиты личности, особенно лиц, которые в силу различных физических или психических причин не способны самостоятельно противостоять преступным посягательствам. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а также защита личности, общества и государства от общественно опасных посягательств является обязанностью и важнейшей функцией государства. В этой связи особое значение приобретает точность и единообразие интерпретации оценочных признаков, используемых законодателем для конструирования составов преступлений и отягчающих обстоятельств.

Одним из наиболее дискуссионных и проблемных оценочных понятий в уголовном праве России является «беспомощное состояние» потерпевшего. Несмотря на его широкое использование Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) в качестве конститутивного или квалифицирующего признака в ряде составов преступлений против личности (ст. 105, 111, 131 УК РФ¹ и др.), законодатель воздерживается от его легального определения, делегируя задачу его толкования правоприменительной практике и доктрине.

Фундаментальный характер проблемы интерпретации рассматриваемого признака проявляется на нескольких уровнях. Во-первых, это проблема доктринального плюрализма: в научной среде отсутствует единый подход к определению сущности беспомощного состояния, его критериев и границ. В данном случае определенные дискуссии возможны по поводу соотношения объективных (физическая слабость, болезнь) и субъективных

(психическая неспособность к сопротивлению, непонимание характера совершаемых действий) факторов, а также вопроса о том, может ли беспомощность быть следствием сна или сильного алкогольного опьянения. Во-вторых, существует проблема судебно-следственного усмотрения. Отсутствие четких законодательных ориентиров может привести к формированию противоречивой судебной практики, когда сходные жизненные ситуации получают различную уголовно-правовую оценку. Наконец, в-третьих, некорректная квалификация беспомощного состояния способна повлечь за собой серьезные правовые последствия. С одной стороны, необоснованное признание потерпевшего беспомощным ведет к несправедливому ужесточению ответственности для обвиняемого. С другой стороны, обратная ошибка – непризнание состояния явной беспомощности – оставляет без должной уголовно правовой защиты наиболее уязвимых членов общества, обесценивая сам специальный смысл введения данного признака в диспозиции статей.

В этой связи перспектива научного осмысления категории беспомощного состояния имеет своей целью не просто констатацию существующих трудностей, а проведение комплексного анализа фундаментальных проблем интерпретации беспомощного состояния, выявление системных противоречий в доктрине и правоприменении, а также выработку на этой основе теоретически обоснованных и практико-ориентированных предложений по совершенствованию подходов к пониманию и оценке указанного признака. Подобные теоретические изыскания характеризуются также важным прикладным значением, поскольку направлены на минимизацию субъективизма при квалификации преступлений и обеспечение эффективной уголовно-правовой охраны личности.

Как уже отмечалось, действующее российское уголовное законодательство не содержит легального определения понятия беспомощного состояния. Однако высшая судебная инстанция,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

разъясняя отдельные вопросы правоприменения, разумеется, не могла обойти вниманием рассматриваемую уголовно-правовую категорию, поскольку беспомощное состояние потерпевшего предусмотрено в качестве обязательного признака в ряде квалифицированных составов. Так, согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»² умышленное причинение смерти потерпевшему, который в силу физического или психического состояния не способен защитить себя и оказать активное сопротивление виновному, при условии, что виновный осознает это обстоятельство в момент совершения убийства, квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. При этом к иным лицам, находящимся в беспомощном состоянии, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее.

Вместе с тем использование беспомощного состояния потерпевшего лица наряду с насилием и угрозой насилия является способом совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, предусмотренных статьями 131, 132 УК РФ. Разъясняя данный признак в указанном контексте, высшая судебная инстанция дает несколько иное толкование рассматриваемой категории беспомощности. В частности, согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»³ изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обсто-

ятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. Кроме того, в соответствии с п. 6 указанного постановления степень опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, которая лишала это лицо возможности понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному лицу, также может быть признана беспомощным состоянием.

Сравнительный анализ подходов показывает, что Верховный Суд трактует признак беспомощного состояния потерпевшего при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера более широко, нежели при квалификации аналогичного обстоятельства в делах об убийстве. При этом попытки расширительной интерпретации беспомощного состояния по уголовным делам об убийстве (например, когда потерпевший находился в состоянии опьянения или физиологического сна) приводят к последующему пересмотру судебных постановлений и исключению именованного квалифицирующего признака [1, с. 155].

Анализ научных публикаций по рассматриваемой проблематике показывает, что современная отечественная правовая доктрина пришла к осознанию необходимости уточнения ряда признаков, установление которых является важным при решении вопроса о беспомощном состоянии потерпевшего лица [2, с. 74–75]. При этом Н.В. Тыдыкова, объясняя разную интерпретацию категории беспомощного состояния, исходит из того, что данный признак варьируется в зависимости от состава преступления: обязательный признак объективной стороны основного состава в насильственных половых преступлениях и, соответственно, квалифицирующий признак убийства. В таком случае, содержание беспомощного состояния в контексте статей 131, 132 УК РФ должно учитывать все возможные варианты, когда посягающему удастся совершить сексуальные действия вопреки воле потерпевшего [3, с. 11].

Вместе с тем единое мнение по данному вопросу в специальной литературе отсутствует. Одни авторы указывают на неверное сужение характеристики беспомощности потерпевшего от убийства (непризнание таковым состояния физиологического сна) [4, с. 55] либо на неправомерное употребление соответствующего термина для описания способа изнасилования или насильственных действий сексуального характера [5, с. 290]. Другие авторы менее категоричны в суждениях, однако также указывают на необходимость проведения некоторой ревизии интерпретации категории беспомощности в правоприменении [6, с. 108]. При этом представляется, что

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // Российская газета. – 1999. – № 24.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 2.

различия в толковании указанного признака создают системные противоречия в квалификации. Одно и то же фактическое обстоятельство получает различную правовую оценку в зависимости от состава преступления, что нарушает принцип юридической определенности и создает предпосылки для произвольного применения уголовного закона. Кроме того, при теоретико-правовом осмыслении категории беспомощного состояния важно иметь в виду, что действующее уголовное законодательство предусматривает его также в качестве отягчающего наказание обстоятельства (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Таким образом, проблема установления беспомощности не ограничивается названными составами преступлений.

С учетом сказанного отметим, что вариативность интерпретации признака «беспомощное состояние» в различных составах преступлений представляет существенную проблему, требующую законодательного решения через закрепление единого легального определения данного понятия. Однако проведение подобной унификации понятий и терминов значительно сложнее простого приведения в соответствие разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и сложившихся на практике подходов. Прежде всего при установлении беспомощного состояния следует исходить из того, что данная категория представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного критериев. Игнорирование любого из них неизбежно приведет к ошибкам при квалификации. Так, представляется, что объективный критерий беспомощного состояния потерпевшего лица заключается в его фактической неспособности в силу физического или психического состояния защищать себя, оказывать сопротивление виновному либо понимать характер и значение совершаемых с ним действий. Субъективный же критерий беспомощности заключается в том, что момент возникновения беспомощности должен предшествовать выполнению объективной стороны [7, с. 59]. Иными словами, виновный должен осознавать, что совершает посягательство в отношении беспомощного лица. Думается, что подобный унифицированный подход способен стать методологической основой для формулирования легального определения беспомощного состояния, а также исключить возможные спекуляции о том, что данная категория может иметь иное содержание по сравнению с термином «беспомощное лицо», упоминаемым законодателем в контексте п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Также, интерпретируя категорию беспомощности и исходя из приведенного подхода, правоприменитель, очевидно, избежит возможных ошибок квалификации в «пограничных» ситуациях, например когда убийство совершается дистанцион-

но или скрытно от потерпевшего, который отнюдь не является беспомощным [8, с. 72].

Другой научной и правоприменительной проблемой установления беспомощного состояния являются случаи, когда потерпевшее лицо заблуждается в характере совершаемых с ним действий не в силу возраста или, скажем, психических дефектов, а вследствие доверия к злоумышленнику. Так, в посягательствах на половую свободу (формальный состав) может возникнуть парадоксальная ситуация, когда лицо сможет вступить в половой контакт помимо воли другого лица, не используя способов, предусмотренных диспозицией статей 131, 132 УК РФ (например, врач при медицинских манипуляциях, используя доверие пациента). В научной литературе в связи с этим вполне справедливо заявляется о реальной угрозе объекту уголовно-правовой охраны при совершении действий сексуального характера с лицом, неправильно воспринимающим реальность по вине обманщика [9, с. 112]. Так, при совершении указанных действий, несмотря на очевидное наличие посягательства на непосредственный объект – половую свободу потерпевшего лица, в действиях злоумышленника отсутствуют обязательные признаки объективной стороны, поскольку он не применяет насилия, не использует беспомощное состояние и не оказывает иного преступного воздействия. Между тем зарубежный правопорядок знаком с категорией *rape by deception* (изнасилование путем обмана), когда подобное состояние заблуждения, в котором пребывает потерпевшее лицо, фактически интерпретируется как беспомощность [10, с. 152–153]. В этой связи представляется, что возможность расширения содержания категории беспомощного состояния в отечественном уголовном законодательстве заслуживает отдельного внимания и обсуждения.

При разработке критериев беспомощности потерпевшего не следует также игнорировать криминалистические и процессуальные аспекты. Установление беспомощного состояния всегда представляет собой ретроспективную оценку, которая проводится спустя определенное время после самого события преступления. Подобное создает серьезные методологические проблемы, поскольку физическое состояние потерпевшего могло измениться к моменту проведения освидетельствования, психическое состояние, возможно, было подвержено динамическим изменениям под влиянием посттравматических стрессовых расстройств, а воспоминания свидетелей о состоянии потерпевшего могут быть неточными или искаженными.

С учетом изложенного попытка сформулировать единое легальное определение уголовно-правовой категории беспомощного состояния может

привести также к появлению в нормах уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы иного речевого оборота, описывающего состояние потерпевшего и устраняющего сложившуюся двойственность [11, с. 726].

В целом представляется, что реализация предложенных мер в части унификации интерпретации беспомощного состояния на основе предложенных критериев, в том числе расширительного понимания данной категории, позволит не только преодолеть существующие противоре-

чия в правоприменительной практике, но и повысить эффективность защиты прав наиболее уязвимых категорий потерпевших, обеспечив тем самым реализацию конституционных принципов справедливости и равенства всех перед законом. При этом поднятые автором вопросы не могут и не должны иметь однозначного понимания в уголовно-правовой доктрине, поэтому настоящую статью следует считать приглашением к научной дискуссии о поставленных проблемах и предложенных направлениях совершенствования законодательства и правоприменения.

Литература

1. **Щетинина Н.В.** Беспомощное состояние как юридически значимое свойство потерпевшего от преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (28). – С. 154–158.
2. **Тыдыкова Н.В.** О некоторых проблемах установления беспомощного состояния потерпевших в насильственных половых преступлениях // Уголовное право. – 2023. – № 9 (157). – С. 73–80.
3. **Тыдыкова Н.В.** Проблемы содержания термина «беспомощное состояние» в УК РФ // Юрислингвистика. – 2019. – № 13 (24). – С. 10–13.
4. **Буликеева Д.Ж.** Проблемы применения квалифицирующего признака «иное лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 17 (308). – С. 54–57.
5. **Шикла И.Р.** Насильственные преступления в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии: вопросы профилактики / Приоритетные направления развития образования и науки: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Т. 2. – Чебоксары, 2017. С. 289–292.
6. **Балашов С.М.** Сон как состояние беспомощности // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 104–109.
7. **Коробеев А.И.** Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 317 с.
8. **Щербань А.И.** К вопросу об убийстве лица, находящегося в беспомощном состоянии // Евразийский союз ученых. – 2018. – № 11-3 (56). – С. 71–72.
9. **Конорезов Н.А.** Обман как способ понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 12-2. – С. 110–114.
10. **Chen, J., Lu B.** Rape-By-Deception in China: A Messy But Pragmatically Desirable Criminal Law // Columbia Journal of Gender and Law. – 2023. – Vol. 43. – No. 2. – P. 151–210.
11. **Добровольский Д.Д.** Анализ беспомощного состояния в тексте УК РФ и возникающих проблем при квалификации по данному признаку // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 3. – С. 719–728.

References

1. **Shchetinina N.V.** Bepomoshchnoe sostoyanie kak yuridicheskoye znachimoye svoystvo poterpevshego ot prestupleniya // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 4 (28). – S. 154–158.
2. **Tydykova N.V.** O nekotorykh problemakh ustanovleniya bepomoshchnogo sostoyaniya poterpevshih v nasil'stvennykh polovykh prestupleniyah // Ugolovnoye pravo. – 2023. – № 9 (157). – S. 73–80.
3. **Tydykova N.V.** Problemy sodержaniya termina «bepomoshchnoe sostoyanie» v UK RF // Yurilingvistika. – 2019. – № 13 (24). – S. 10–13.
4. **Bulikeeva D.Zh.** Problemy primeneniya kvalificiruyushchego priznaka «inoe lico, zavedomo dlya vinovnogo nahodyashcheesya v bepomoshchnom sostoyanii» // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 17 (308). – S. 54–57.
5. **Shikula I.R.** Nasil'stvennye prestupleniya v otnoshenii lic, nahodyashchihsya v bepomoshchnom sostoyanii: voprosy profilaktiki / Prioritetnye napravleniya razvitiya obrazovaniya i nauki: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii. T. 2. – Cheboksary, 2017. S. 289–292.
6. **Balashov S.M.** Son kak sostoyanie bepomoshchnosti // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal. – 2015. – № 3. – S. 104–109.
7. **Korobeev A.I.** Prestupnye posyagatel'stva na zhizn' i zdorov'e cheloveka: monografiya. – Moskva: Yurilitinform, 2012. – 317 s.
8. **Shcherban' A.I.** K voprosu ob ubijstve lica, nahodyashchegosya v bepomoshchnom sostoyanii // Evrazijskij soyuz uchenyh. – 2018. – № 11-3 (56). – S. 71–72.
9. **Konorezov N.A.** Obman kak sposob ponuzhdeniya k dejstviyam seksual'nogo haraktera (st. 133 UK RF) // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2021. – № 12-2. – S. 110–114.
10. **Chen, J., Lu B.** Rape-By-Deception in China: A Messy But Pragmatically Desirable Criminal Law // Columbia Journal of Gender and Law. – 2023. – Vol. 43. – No. 2. – P. 151–210.
11. **Dobrovolskiy D.D.** Analiz bepomoshchnogo sostoyaniya v tekste UK RF i voznikayushchih problem pri kvalifikacii po dannomu priznaku // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2019. – № 3. – S. 719–728.

(статья сдана в редакцию 25.09.2025)

Заведомо ложный донос: дискуссионные вопросы характеристики объекта и объективной стороны

Knowingly false denunciation: controversial issues of object characteristics and the objective side

УДК 343.36

Е.А. Мельников,
кандидат юридических наук
(МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва)
evgmelnikov.1985@mail.ru

Evgeniy A. Melnikov,
Candidate of Law
(Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia)

Аннотация: в доктрине существуют различные точки зрения на основной непосредственный объект заведомо ложного доноса. Автор обосновывает точку зрения, что основной непосредственный объект данного общественно опасного деяния может отличаться в зависимости от обстоятельств, при которых оно было совершено. В статье также рассматриваются отдельные дискуссионные вопросы характеристики объективной стороны заведомо ложного доноса. Дана оценка позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой ответственность за заведомо ложный донос может наступить только при условии, что сообщение о преступлении поступило от лица, которое было в установленном порядке предупреждено об уголовной ответственности. Автором проанализирована возможность привлечения к уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение о преступлении с административной преюдицией. Кроме того, в статье рассмотрены случаи, когда заведомо ложный донос осуществляется лицом в отношении самого себя, иными словами, совершается самооговор. Сделан вывод о том, что в зависимости обстоятельств дела самооговор в совершении преступления может быть квалифицирован по ст. 306, 307, 316 Уголовного кодекса Российской Федерации, однако в отдельных случаях лицо может не подлежать уголовной ответственности за самооговор (например, когда он был сделан вследствие применения к лицу насилия).

Ключевые слова: заведомо ложный донос; преступления против правосудия; объективная сторона преступления; объект преступления; состав преступления; самооговор

Для цитирования: Мельников Е.А. Заведомо ложный донос: дискуссионные вопросы характеристики объекта и объективной стороны // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 73–80.

Abstract: in the doctrine, there are different points of view on the main direct object of knowingly false denunciation. The author substantiates the position that the main direct object of this socially dangerous act may differ depending on the circumstances under which it was committed. The article also discusses some controversial issues of characterizing the objective side of a knowingly false denunciation. An assessment is given of the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation that responsibility for knowingly false denunciation can occur only if the crime was reported by a person who was duly warned of criminal liability. The author analyzes the possibility of criminal prosecution for knowingly false reporting of a crime with an administrative prejudice. In addition, the article considers cases when a knowingly false denunciation is carried out by a person in relation to himself, i.e. a person commits self-incrimination. Included that, depending on the circumstances of the case, self-incrimination in the commission of a crime may be qualified under Articles 306, 307, 316 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, in some cases, a person will not be criminalized for self-incrimination (for example, when it was done as a result of violence against a person).

Keywords: knowingly false denunciation; crimes against justice; the objective side of the crime; the object of the crime; the composition of the crime; self-incrimination

For citation: Melnikov E.A. Knowingly false denunciation: controversial issues of object characteristics and the objective side // Vestnik of Putlin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 73–80.

В доктрине встречаются различные точки зрения относительно основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 306 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В частности, предлагается считать таковым общественные отношения, связанные с достоверностью информации, используемой в процессе правосудия [1, с. 532]. Также наряду с основным непосредственным объектом выделяется дополнительный: общественные отношения, характеризующие нормальную деятельность ряда государственных органов в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством [1, с. 532]. Эта точка зрения заслуживает внимания, однако зачастую заведомо ложный донос осуществляется на этапах, предшествующих началу уголовно-процессуальной деятельности, и преступление считается оконченным вне зависимости от начала осуществления такой деятельности. Таким образом, заведомо ложный донос может в принципе не привести к началу уголовно-процессуальной деятельности и возникновению уголовно-процессуальных отношений. При таких обстоятельствах вряд ли можно говорить, что данное посягательство причиняет ущерб общественным отношениям, характеризующим достоверность сведений, исследуемых в процессе осуществления правосудия.

В данном случае основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления, по нашему мнению, выступают общественные отношения, характеризующие нормальную деятельность судебных органов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством. Так, «К. ...сообщил о несоответствующем в действительности похищении, совершенном А., его мобильного телефона с применением насилия, чем нарушил нормальное функционирование органов следствия»¹.

Подобным образом основной непосредственный объект определяется также в ряде доктринальных источников [2; 3, с. 924].

При указанных обстоятельствах в результате совершения данного деяния прежде всего может нарушаться нормальная деятельность вышеуказанных государственных органов, ко-

торые будут вынуждены отвлекать ресурсы на проверку материалов и/или расследование несуществующего преступления. При этом для квалификации преступления по ст. 306 УК РФ не требуется, чтобы государственные органы предпринимали какие-либо действия, направленные на проверку заведомо ложного доноса.

В рассмотренном аспекте заведомо ложный донос является формой неуважения к правосудию и в широком смысле посягает на общественные отношения, характеризующие его авторитет. Стоит отметить, что отдельные исследователи считают, что преступление, предусмотренное ст. 306 УК РФ, в число преступлений против правосудия в принципе не входит: оно не оказывает какого-либо влияния на нормальную работу органов правосудия, «тем более когда ложный донос соединен с искусственным созданием доказательств обвинения» [4].

Однако заведомо ложный донос может быть осуществлен и в ходе уголовно-процессуальной деятельности, например в случаях, когда в совершении преступления оговаривается заведомо невиновное для доносчика лицо (чч. 1–3 ст. 306 УК РФ). Такая ситуация может возникнуть, когда лицо, обвиняемое в совершении преступления, в целях «самозащиты» в ходе допроса оговаривает иное лицо, которое якобы является реальным исполнителем расследуемого преступления. В рассматриваемом случае, по нашему убеждению, уже нельзя говорить о посягательстве на авторитет правосудия: скорее всего, деяние было направлено на воспрепятствование его осуществлению. Если заведомо ложный донос направлен на воспрепятствование осуществлению правосудия, то основным непосредственным объектом такого посягательства будут выступать общественные отношения, характеризующие достоверность исследуемых в процессе осуществления правосудия данных.

При таких обстоятельствах тезис о том, что ложный донос с указанием на определенное, фактически невиновное лицо является более общественно опасным деянием, чем когда такой донос осуществляется в отсутствие такого указания [5, с. 6], представляется не столь очевидным.

Дополнительным (или факультативным) объектом заведомо ложного доноса выступают

¹ Суды общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс]. – URL: <https://mos-gorsud.ru/?%29>

отношения, характеризующие соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Подобный вывод поддерживается правоприменительной практикой, согласно которой при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности следует исходить из того, что «преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 306 УК РФ, является двухобъектным, посягающим как на интересы личности, общества, государства, так и на интересы правосудия. При этом по смыслу уголовного закона основным объектом преступления выступают интересы правосудия»².

Заведомо ложный донос, согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» (далее – Постановление ВС РФ № 20), может быть осуществлен только в форме действия. Ложный донос может заключаться в сообщении ложных сведений как об оконченном преступлении, так и о приготовлении к тяжкому или особо тяжкому преступлению, а также о покушении на преступление. Заведомо ложный донос может содержать информацию об оконченном либо неоконченном преступлении без указания на конкретное лицо (лиц), его совершившее (совершивших), либо с указанием на него (них)³.

Стоит отметить, что ранее законодательство советской власти (Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1921 г. «О наказаниях за ложные доносы») и ст. 177 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.) в качестве обязательного признака ложного доноса устанавливало указание в нем на совершение преступления определенным лицом. Однако с началом действия Уголовного кодекса РСФСР 1926 года данный признак ложного доноса перестал рассматриваться как конструктивный.

Для квалификации деяния по ст. 306 УК РФ не имеет значения факт последующего привлечения к уголовной ответственности потерпевшего в связи с ложным доносом. Не образует состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, сообщение заведомо ложных сведений, ложный характер которых касается только отягчающего обстоятельства совершенного преступления. Заведомо ложный донос может иметь место также в случаях, когда доносчик указы-

вает на заведомо невиновное лицо как на соучастника совершенного преступления.

В ст. 306 УК РФ не определены адресаты ложного доноса. Соответствующий перечень указан в п. 19 Постановления ВС РФ № 20 и включает в себя органы дознания, предварительного следствия или прокуратуры, а также мировых судей (по делам частного обвинения в отношении конкретных лиц). При этом Пленум Верховного Суда России указал, что уголовная ответственность за заведомо ложный донос наступает при условии, что сообщение о преступлении (заявление о возбуждении уголовного дела) поступило от лица, которое было в установленном порядке предупреждено об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ (п. 20 Постановления ВС РФ № 20). Совокупность указанных разъяснений подводит нас к выводу, что Пленум Верховного Суда России концептуально хотел определить местом совершения преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, прежде всего органы, обязанные производить проверку поступивших сообщений о событиях преступления и способные принимать решение о возбуждении уголовного дела по результатам такой проверки. Подобный подход также отражен в работе ряда специалистов в области уголовного права [6, с. 37; 7, с. 140].

Однако стоит отметить, что в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) органы прокуратуры в настоящее время лишены подобных полномочий. Прокуроры не вправе самостоятельно рассматривать сообщения о преступлениях. Поступающие в органы прокуратуры подобные сообщения по почте или иным средствам связи фиксируются в Книге учета сообщений о преступлениях и передаются в орган дознания или предварительного следствия, уполномоченный рассматривать их в соответствии со ст. 144, 151 УПК РФ (п. 1.2 приказа Генпрокуратуры России от 27 декабря 2007 г. № 212 «О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях»). В случаях, когда о фактах готовящегося или совершенного преступления сообщается в ходе личного приема граждан, заявителю сотрудниками прокуратуры разъясняется порядок подачи заявления, сообщается наименование и адрес органа, в компетенцию которого входит рассмотрение и разрешение сообщения о преступлении (п. 1.3 приказа Генпрокуратуры России от 27 декабря 2007 г. № 212). Таким образом, лицо при сообщении им о преступлении в указанных случаях не предупреждается прокурорами об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ за заведомо

² Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 8 сентября 2022 г. № 77-4136/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 октября 2022 г. по делу № 77-4693/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ложный донос – такое предупреждение может быть сделано только в последующем органами дознания или предварительного следствия при проверке данного сообщения.

Безусловно, прокуратура занимает особое место в досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства. Однако в ходе уголовного судопроизводства прокуратура действует процессуально, становясь в функциональном плане частью судебной власти (концепция полноты судебной власти) [8, с. 189; 9, с. 66]⁴. В рассматриваемом вопросе прокуратура действует за рамками процессуальной формы. Поэтому в данном случае мы не видим принципиальной разницы между прокуратурой и иными государственными органами или органами местного самоуправления, на которые возложена обязанность передавать сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях в органы, к компетенции которых отнесено их рассмотрение и разрешение.

В ряде доктринальных источников поддерживается идея о возможности подачи ложного доноса через органы государственной власти или органы местного самоуправления, а также СМИ, если заявитель использует их как промежуточное звено [2; 10, с. 113; 11]. До разъяснений, содержащихся в Постановлении ВС РФ № 20, такой подход встречался и в правоприменительной практике.

Так, например, по одному из дел по ч. 2 ст. 306 УК РФ был осужден гражданин за заведомо ложный донос, соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого преступления (ч. 2 ст. 285 УК РФ), который содержался в обращении, поданном на имя Президента России. Администрацией Президента Российской Федерации данное обращение было перенаправлено по компетенции для рассмотрения по существу. В ходе проверки было установлено, что информация, изложенная в обращении, является недостоверной. При этом в самом обращении заявитель самостоятельно указал, что осведомлен об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ. Действия данного заявителя были квалифицированы по ч. 2 ст. 306 УК РФ, по которой он был осужден. В последующем приговор был отменен Верховным Судом России⁵. В сво-

ем решении Верховный Суд не исключил того, что обращение в Администрацию Президента Российской Федерации может рассматриваться как сообщение о преступлении для целей привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ, однако указал, что нижестоящим судам в такой ситуации следовало истребовать и исследовать в судебном заседании процессуальный документ, который в соответствии с требованиями ст. 145 УПК РФ принимается по итогам рассмотрения сообщения о преступлении.

В качестве доводов защиты также звучало, что заявитель не просил перенаправлять его обращение в уполномоченные органы для проверки изложенных в нем обстоятельств и принятия по ее результатам соответствующего процессуального решения, а также о привлечении указанного им лица к уголовной ответственности. Действительно, для квалификации деяния лица по ч. 2 ст. 306 УК РФ в данном случае также требовалось установить наличие у заявителя прямого умысла на передачу заведомо ложного сообщения о преступлении в органы дознания, предварительного следствия или прокуратуру, используя для этого Администрацию Президента Российской Федерации как промежуточное звено. Неосведомленность лица о последствиях направления им подобного обращения исключает ответственность по ст. 306 УК РФ.

Стоит отметить, что на практике суды констатировали наличие такой осведомленности у заявителя без каких-либо доказательств: «...П.М., адресуя свое заявление на имя Президента Российской Федерации, которое он подал лично через приемную Президента, не мог не понимать, что его сообщение, содержащее сведения о совершенном преступлении, подавалось в государственный орган, в функции которого входит в том числе передача такого рода сообщений в органы, наделенные правом осуществлять уголовное преследование»⁶.

Таким образом, место совершения преступления следует ограничить органами, которые в соответствии с УПК РФ обязаны производить проверку поступивших сообщений о событиях преступления и способны принимать решение о возбуждении уголовного дела по результатам такой проверки. Однако должна быть предусмотрена также возможность привлечения к уголовной ответственности за заведомо ложный донос, поданный через иные органы публичной власти (включая прокуратуру), а также СМИ, которые заявитель использует как промежуточное звено.

⁴ Согласно данной концепции судебная власть должна обладать необходимыми полномочиями для контроля за всем ходом уголовного судопроизводства, включая деятельность других органов, которые в институциональном плане не относятся к судебной власти (при этом являются ее частью в функциональном плане).

⁵ Определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2013 г. № 5-Д13-34 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/6f3456f94317d279a50f1327880dd525/>

⁶ Апелляционное постановление Московского городского суда от 21 ноября 2013 г. № 10-11383/13 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

Конкретизация места совершения ложного доноса важна с точки зрения разграничения преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 128.1, ч. 3 ст. 298.1 и чч. 2, 3 ст. 306 УК РФ. Если с ложными сведениями о совершении конкретным лицом преступления ознакомятся представители иных публичных органов власти или, например, СМИ, то состав клеветы уже будет выполнен, а заведомо ложного доноса – нет.

Косвенно данный вывод подтверждается следующим примером из правоприменительной практики, где гражданин был осужден по ч. 3 ст. 298 и ч. 2 ст. 306 УК РФ при следующих обстоятельствах: «М., не удовлетворенный принятым решением... с целью распространения заведомо ложных измышлений... направил телеграмму на имя Президента Российской Федерации, в которой указал, что судья Б., вымогая у него взятку, не принимал решение по его иску к А., пока он не передал судье деньги в сумме 15 000 рублей... Он же с целью распространения заведомо ложных сведений направил за своей подписью сообщение... на имя Президента Российской Федерации, прокурора Республики Дагестан, прокурора г. Дербента, Председателя Верховного Суда Республики Дагестан, в котором указал, что судья Б. путем вымогательства получил у него взятку по гражданскому делу по его иску к А. о взыскании долга»⁷.

В связи с этим возникает вопрос: как квалифицировать деяние (при наличии соответствующего умысла у заявителя) в случае, если такое сообщение по каким-то причинам (пока или в принципе) не направлено публичным органом власти по компетенции в правоохранительные органы? Наиболее обоснованной представляется квалификация таких действий, как покушение на правонарушение. Однако в свете разъяснений Пленума Верховного Суда России подобная квалификация в настоящее время исключена.

Позиция Пленума Верховного Суда России также исключает возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос, совершенный анонимно. В научной доктрине наблюдается расхождение во взглядах на возможность привлечения к уголовной ответственности за анонимный заведомо ложный донос: часть исследователей признает такую возможность [12, с. 50; 13, с. 251], тогда как другая группа ученых выступает против [14, с. 45–48; 15, с. 127]. Анонимные сообщения также подлежат

проверке, но не в обязательном порядке. Поэтому очевидно, что ложный донос, совершенный анонимно, в ряде случаев причиняет такой же ущерб общественным отношениям, характеризующим нормальную деятельность судебных органов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, как и ложный донос, совершенный лицом, предупрежденным об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ в установленном порядке.

Также заведомо ложный донос может быть совершен конкретным лицом устно по телефону, путем направления сообщения о преступлении по почте или обращения через сайт в органы МВД России (СК России, прокуратуру и т.д.) [16]. Во всех этих случаях лицо также не будет предупреждено об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ.

В последние несколько лет высказываются предложения о необходимости цифровизации уголовного судопроизводства, в том числе досудебных стадий уголовного судопроизводства с их предварительной трансформацией (путем исключения доследственной проверки, сокращенного дознания и других «лишних» и «затратных» стадий) [17, с. 76–77]. В части цифровизации предложения фактически сводятся к необходимости урегулирования использования электронных документов на начальных стадиях уголовного судопроизводства, в том числе путем удостоверения цифровой подписью составленного заявления, а также подтверждения того, что заявитель предупрежден об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ [16]. Однако реализация указанных предложений не решит весь спектр обозначенных выше вопросов, связанных с различными способами сообщения о преступлении, в том числе анонимно.

Стоит отметить, что в УПК РФ вопросы использования электронных документов в ходе досудебного производства были урегулированы Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Однако возможность подачи заявления о преступлении в электронном виде с использованием электронной цифровой подписи законодателем предусмотрена не была (ч. 1 ст. 474.2 УПК РФ).

По нашему мнению, возможность привлечения к уголовной ответственности за заведомо ложный донос в зависимости от того, предупреждено ли лицо об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ, или нет, не в полной мере соответствует идее криминализации данного деяния. Кроме этого, стоит отметить, что позиция Пленума Верховного Суда России фак-

⁷ Верховный Суд России из-за грубых процессуальных нарушений (обвинительное заключение было утверждено неуполномоченным лицом) отменил обвинительный приговор и иные судебные постановления по данному делу, вернув дело на новое рассмотрение. См.: постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 5 июля 2006 г. № 342-П06 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тически переводит ложный донос в разряд преступлений со специальным субъектом.

Мы считаем, что требование об официальном предупреждении заявителя об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ для целей привлечения его к уголовной ответственности за заведомо ложный донос не должно носить абсолютный характер. Данное требование должно выполняться лишь в тех случаях, когда такое предупреждение является обязательным компонентом процедуры принятия заявления. В случаях, когда сообщение о преступлении передается способом, исключающим возможность официального предупреждения заявителя об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ, уголовная ответственность за заведомо ложный донос должна наступать вне зависимости от такого предупреждения.

До разъяснений Пленума Верховного Суда России правоприменительная практика в ряде случаев придерживалась изложенной выше позиции: «...то обстоятельство, что поступившее от И. на телефон доверия заведомо ложное сообщение о преступлении не зарегистрировано в Книге учета сообщений о преступлениях, не свидетельствует о ее невинности, поскольку преступление было окончено с момента принятия оперативным дежурным от И. устного заявления о вымышленном ею преступлении»⁸.

Как видно из данного примера, преступление считается оконченным в момент подачи ложного доноса. Даже если в последующем доноситель сразу же захочет забрать заявление подано им по ошибке, то преступление все равно будет считаться оконченным, и говорить о добровольном отказе от его совершения уже нельзя.

Для квалификации не имеет значения, что лицо, в отношении которого доносителем подано заявление о преступлении, в действительности совершило иное преступление в отношении доносителя, отличное по фактическим обстоятельствам дела, а не по юридической квалификации. Последнее представляется важным, так как одна лишь юридическая ошибка лица о преступности деяния, о котором он доносит, не ведет к уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Сообщение недостоверной информации касается исключительно фактических обстоятельств дела.

В связи с изложенным представляет интерес вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности за заведомо ложное со-

общение о преступлении с административной преюдицией. Указанная проблема встречается в правоприменительной практике. Так, гражданин Г. подал апелляционную жалобу на приговор Никольского районного суда Вологодской области. Помимо прочего осужденный указал, что его заявление было сообщением о совершении административного правонарушения, а не преступления с административной преюдицией. В силу того что доводы Г. были оставлены судом первой инстанции без оценки, Вологодский областной суд постановил отменить указанный приговор и передать дело на новое рассмотрение⁹.

Представляется, что для вменения ст. 306 УК РФ в данном случае требуется установить, что доноситель, заявляя о том, что преступление с административной преюдицией совершено конкретным лицом, был осведомлен о том, что данное лицо считается ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение. Однако правоприменительная практика по данному вопросу складывается неоднозначно. В ряде случаев при разрешении вопроса о допустимости квалификации деяния по ст. 306 УК РФ суды учитывают наличие такой осведомленности у доносителя¹⁰, в некоторых – отсутствие такой осведомленности для квалификации деяния по ст. 306 УК РФ, по мнению судов, значения не имеет¹¹. Последняя позиция представляется неверной.

В доктрине нет единого мнения по поводу квалификации действий лица в случае самооговора. Представляет интерес позиция исследователей относительно того, что в случае когда заявитель сообщает, что совершил особо тяжкое преступление, которое на самом деле совершило иное лицо (о чем заявитель осведомлен), в целях воспрепятствования установления истинного преступника, то его действия надлежит квалифицировать по ст. 316 УК РФ [11]. При этом, по мнению авторов, самооговор в преступлении, которое вообще ни-

⁹ Апелляционное постановление Вологодского областного суда от 29 декабря 2022 г. по делу № 22-2434/2022 [Электронный ресурс]. – URL: https://oblsud--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=30850000&case_uid=245c5c12-c1c6-4c5e-9622-c7c46f6b967f&result=1&delo_id=4&new=4

¹⁰ Приговор Улетовского районного суда Забайкальского края от 24 мая 2021 г. по делу № 1-71/2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/59807981/extended>

¹¹ Приговор Улетовского районного суда Забайкальского края от 9 сентября 2020 г. по делу № 1-118/2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/53148868/extended/>

⁸ Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда (Забайкальский край) от 25 августа 2020 г. № 22-2056/2020 по делу № 1-440/2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/INV3Fto4Cs5W/7regular-txt>

кем не было совершено, не обладает должной степенью общественной опасности, чтобы считать данное деяние преступлением [11]. С последними утверждениями сложно согласиться. Ложный донос при указанных обстоятельствах посягает в широком смысле на общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия. Поэтому объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, будет выполнена даже в случае самооговора в преступлении, которое вообще никем не было совершено, тем более что для квалификации деяния по чч. 1, 3 ст. 306 УК РФ в принципе не требуется указывать на лицо, совершившее преступление.

Также в доктрине встречается позиция, что самооговор не может быть квалифицирован ни при каких обстоятельствах по ст. 316 УК РФ, так как укрывательство не может быть осуществлено интеллектуальным способом [18, с. 42]. В связи с этим предлагается квалифицировать самооговор в зависимости от способа его совершения. Если самооговор совершается путем подачи заявления в правоохранительные органы или явки с повинной, то деяние надлежит квалифицировать по ст. 306 УК РФ. Если самооговор совершается во время допроса при условии, что лицо не имеет статуса подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), то деяние надлежит квалифицировать по ст. 307 УК РФ [19, с. 61].

Более правильной мы считаем иную позицию: в зависимости от обстоятельств дела самооговор в совершении преступления может быть

квалифицирован по ст. 306, 307, 316 УК РФ. Однако представляется, что какой-либо состав преступления отсутствует при совершении самооговора лицом, подвергнутым уголовному преследованию, в целях смягчения уголовного наказания в условиях, когда оно считает бесперспективным доказывать свою невиновность (например, когда лицо, будучи невиновным, соглашается под давлением следователя с предъявленным обвинением в целях назначения ему наказания в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ). Это относится и к случаям самооговора в условиях незаконного уголовного преследования подозреваемого (обвиняемого). Таким образом, по нашему мнению, не образуют состава преступления так называемые вынужденные самооговоры.

С учетом сказанного представляет интерес позиция правоприменителей относительно того, что самооговор не должен рассматриваться как препятствие для реабилитации оправданного [20, с. 532]¹². Данная точка зрения является концептуально верной, в том числе с учетом различных причин самооговора, когда он может делаться вследствие незаконного давления со стороны сотрудников правоохранительных органов, доказать которое в ряде случаев представляется проблематичным.

¹² Условия и основания возникновения права на реабилитацию в уголовном судопроизводстве (рубрика «Прокурор разъясняет») [Электронный ресурс]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_42/activity/legal-education/explain?item=49702722

Литература

1. Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ): монография / под ред. Н.А. Лопашенко. – Москва: Юрлитинформ, 2023. – 560 с.
2. Преступления против правосудия: толкование уголовного закона: комментарии статей УК РФ: материалы судебной практики: статистика / А.Н. Александров, Ю.И. Антонов, А.В. Галахова [и др.]; под ред. А.В. Галаховой. – Москва: НОРМА, 2005. – 415 с.
3. Энциклопедия уголовного права. Преступления против правосудия. Т. 28. / под ред. В.Б. Малинина. – Санкт-Петербург: Издание профессора Малинина, 2017. – 1124 с.
4. **Гулый А.А., Денисенко М.В.** К вопросу разграничений преступлений, посягающих на нормальную деятельность органов правосудия [Электронный ресурс] // Российский судья. – 2024. – № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. **Лобанова Л.В.** Уголовная ответственность за ложную информацию и понуждение к нарушению обязанности содействовать правосудию: учебное пособие. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 1997. – 75 с.
6. **Кульберг Я.М.** Преступления против правосудия. – Москва: Госюриздат, 1962. – 62 с.
7. **Кулешов Ю.И.** Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: монография. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2007. – 296 с.
8. **Фойницкий И.Я.** Курс уголовного судопроизводства. – Санкт-Петербург: Альфа, 1996. Т. 2. – 607 с.
9. **Мельников Е.А.** Уголовное преследование в системе разделения властей (досудебное производство): монография. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 168 с.
10. **Власов И.С., Тяжкова И.М.** Ответственность за преступления против правосудия. – Москва: Юридическая литература, 1968. – 134 с.
11. **Горелик А.С., Лобанова Л.В.** Преступления против правосудия. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rulit.me/books/prestupleniya-protiv-pravosudiya-read-545825-100.html#section_28
12. **Рашковская Ш.С.** Преступления против правосудия: учебное пособие. – Москва: ВЮЗИ, 1978. – 104 с.
13. **Лобанова Л.В.** Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 1999. – 267 с.
14. **Новиков В.** Некоторые вопросы уголовной ответственности за заведомо ложный донос о совершении преступления (ст. 306 УК РФ) // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 45–48.

15. **Дворянсков И.В.** Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2001. – 177 с.
16. **Демичева Т.С.** Особенности использования электронных документов на этапе рассмотрения сообщения о преступлении [Электронный ресурс] // Российский следователь. – 2023. – № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
17. **Масленникова Л.Н.** К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // Lex russica. – 2020. – № 1. – С. 70–87.
18. **Хабибуллин М.Х.** Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство по советскому уголовному праву. – Казань: Казанский университет, 1984. – 135 с.
19. **Бушув И.А.** Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. – Москва: Юридическая литература, 1965. – 139 с.
20. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. – Москва: Юрайт, 2011. – 1038 с.

References

1. Prestupleniya protiv pravosudiya (gl. 31 UK RF): monografiya / pod red. N.A. Lopashenko. – Moskva: Yurilitinform, 2023. – 560 s.
 2. Prestupleniya protiv pravosudiya: tolkovanie ugovolnogo zakona: kommentarii statej UK RF: materialy sudebnoj praktiki: statistika / A.N. Aleksandrov, Yu.I. Antonov, A.V. Galahova [i dr.]; pod red. A.V. Galahovoj. – Moskva: NORMA, 2005. – 415 s.
 3. Enciklopediya ugovolnogo prava. Prestupleniya protiv pravosudiya. T. 28. / pod red. V.B. Malinina. – Sankt-Peterburg: Izdanie professora Malinina, 2017. – 1124 s.
 4. **Gulyj A.A., Denisenko M.V.** K voprosu razgranichenij prestuplenij, posyagayushchih na normal'nyuy deyatel'nost' organov pravosudiya [Elektronnyj resurs] // Rossijskij sud'ya. – 2024. – № 6. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
 5. **Lobanova L.V.** Ugolovnaya otvetstvennost' za lozhnyuy informaciyu i ponuzhdenie k narusheniyu obyazannosti sodejstvovat' pravosudiyu: uchebnoe posobie. – Volgograd: Volgogradskij gosudarstvennyj universitet, 1997. – 75 s.
 6. **Kul'berg Ya.M.** Prestupleniya protiv pravosudiya. – Moskva: Gosyurizdat, 1962. – 62 s.
 7. **Kuleshov Yu.I.** Prestupleniya protiv pravosudiya: problemy teorii, zakonotvorchestva i pravoprimereniya: monografiya. – Vladivostok: Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet, 2007. – 296 s.
 8. **Foinickij I.Ya.** Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. – Sankt-Peterburg: Al'fa, 1996. T. 2. – 607 s.
 9. **Mel'nikov E.A.** Ugolovnoe presledovanie v sisteme razdeleniya vlastej (dosudebnoe proizvodstvo): monografiya. – Moskva: Yurilitinform, 2019. – 168 s.
 10. **Vlasov I.S., Tyazhkova I.M.** Otvetstvennost' za prestupleniya protiv pravosudiya. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1968. – 134 s.
 11. **Gorelik A.S., Lobanova L.V.** Prestupleniya protiv pravosudiya. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr Press, 2005 [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.rulit.me/books/prestupleniya-protiv-pravosudiya-read-545825-100.html#section_28
 12. **Rashkovskaya Sh.S.** Prestupleniya protiv pravosudiya: uchebnoe posobie. – Moskva: VYuZl, 1978. – 104 s.
 13. **Lobanova L.V.** Prestupleniya protiv pravosudiya: teoreticheskie problemy klassifikacii i zakonodatel'noj reglamentacii. – Volgograd: Volgogradskij gosudarstvennyj universitet, 1999. – 267 s.
 14. **Novikov V.** Nekotorye voprosy ugovolnoj otvetstvennosti za zavedomo lozhnyj donos o sovershenii prestupleniya (st. 306 UK RF) // Ugolovnoe pravo. – 2003. – № 1. – С. 45–48.
 15. **Dvoryanskov I.V.** Ugolovno-pravovaya ohrana processual'nogo poryadka polucheniya dokazatel'stv: monografiya / отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2001. – 177 с.
 16. **Demicheva T.S.** Osobennosti ispol'zovaniya elektronnyh dokumentov na etape rassmotreniya soobshcheniya o prestuplenii [Elektronnyj resurs] // Rossijskij sledovatel'. – 2023. – № 3. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
 17. **Maslennikova L.N.** K voprosu o pervyh rezul'tatah realizacii nauchnogo proekta № 18-29-16018 «Konceptiya postroeniya ugovolnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchego dostup k pravosudiyu v usloviyah razvitiya cifrovyyh tekhnologij» // Lex russica. – 2020. – № 1. – С. 70–87.
 18. **Habibullin M.H.** Otvetstvennost' za ukryatel'stvo prestuplenij i nedonositel'stvo po sovetскому уголовному праву. – Kazan': Kazanskij universitet, 1984. – 135 s.
 19. **Bushuev I.A.** Otvetstvennost' za ukryatel'stvo prestuplenij i nedonositel'stvo. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1965. – 139 s.
 20. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: teoriya i praktika / pod red. N.A. Kolokolova. – Moskva: Yurajt, 2011. – 1038 s.
-

(статья сдана в редакцию 09.07.2025)

Использование цифровизации в суде: возможности и пределы применения

Use of digitalization in court: possibilities and limits of application

УДК 347.9

О.В. Соколова,

кандидат юридических наук
(Центральный филиал Университета правосудия им. В.М. Лебедева,
Воронеж, Россия)
osokolova7@mail.ru

Oksana V. Sokolova,

Candidate of Law
(Central branch of the Federal State
Budget-Funded Educational Institution of Higher
Education «Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev»,
Voronezh, Russia)

Аннотация: обращение к использованию цифровизации в судебной деятельности является объективным фактором современной действительности, прогрессивным началом инновационного характера, современным трендом процессов оптимизации, охватывающих судостроительные и судопроизводственные начала. Искреннее стремление придать эффективность основам судебной деятельности, внести в базовые категории – суд, судебный процесс, правосудие – возможности цифровой модернизации действительно привлекательны, детерминированы историческим уровнем развития общества и прогресса, воплощают закономерный эволюционный вектор и поддерживаются государством. Однако цифровая трансформация может достичь положительного эффекта при обоснованности и выверенности задач применительно к основам судебной деятельности. При этом определяющим фактором являются не возможности цифровизации, а назначение судебной деятельности, призванное обеспечить защищенность граждан и организаций при справедливом рассмотрении и разрешении дела в суде. Взвешенная ориентация на основе построения судебной системы и правосудия во взаимосвязи с информатизацией позволяет при типологии судебной деятельности и цифровизации выявить области применения информационных ресурсов. Познание дихотомического единства возможностей и пределов применения цифровизации в суде определяется организационно-функциональными аспектами судебной деятельности. Востребованность применения технологий будет уместна и оправдана при сохранении основ судопроизводства и непосредственной коммуникативной связи суда с участниками процесса на основе правовой культуры, при повышении уровня защищенности граждан и организаций, ускорении и оперативности работы аппарата суда и экономии человеческого ресурса. Современные тенденции по внедрению информатизации (цифровизации) представляют научный интерес, который должен основываться на комплексном подходе, учитывая типологию видов деятельности и их обоснованную совместимость. При этом недостаточно делать акцент на возможности цифровизации в плоскости правоприменительного цикла, не учитывая судопроизводственные и судостроительные основы в их взаимосвязи, предметность судебной деятельности в суде первой и проверочных инстанций. Предметом анализа статьи выступают дискуссионные вопросы, сопряженные с цифровизацией работы суда, и роль высшего судебного органа в современных условиях по использованию достижений прогресса с тем, чтобы укрепление судебной власти и национальной судебной системы исключало привнесение ангажированных идей, заимствований из других правовых систем, несовместимых с нравственными основами судопроизводства.

Ключевые слова: суд; основы судебной деятельности; судостроительство; судопроизводство; правосудие; информатизация; цифровизация; технологизация; подходы в праве о цифровизации; критерии и пределы совместимости цифровизации в суде

Для цитирования: Соколова О.В. Использование цифровизации в суде: возможности и пределы применения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 81–89.

Abstract: the appeal to the use of digitalization in judicial activities is an objective factor of modern reality, a progressive beginning of an innovative nature, a modern trend of optimization processes covering judicial and judicial principles. Sincere desire to give efficiency to the foundations of judicial activity, to include in the basic categories: court, trial, justice - the possibilities of digital modernization are really attractive, determined by the historical level of development of society and progress, embody a natural evolutionary vector and are supported by the state. However, digital transformation can achieve a positive effect if the tasks are justified and verified in relation to the basics of judicial activity. At the same time, the determining factor is not the possibility of digitalization, but the purpose of judicial activity, designed to ensure the protection of citizens and organizations with a fair consideration and resolution of the case in court. A balanced orientation based on the construction of the judicial system and justice in conjunction with informatization makes it possible to identify areas of application of information resources in the typology of judicial activity and digitalization. The knowledge of the dichotomous unity of possibilities and limits of the application of digitalization in court is determined by the organizational and functional aspects of judicial activity. The demand for the use of technologies will be appropriate and justified while maintaining the foundations of legal proceedings, with the direct communicative connection of the court with the participants in the process on the basis of legal culture, with an increase in the level of protection of citizens and organizations, with the acceleration and efficiency of the court apparatus, while saving human resources. Current trends in the introduction of informatization (digitalization) are of scientific interest, which should be based on an integrated approach, taking into account the typology of activities and their reasonable compatibility. At the same time, it is not enough to focus on the possibility of digitalization in the plane of the law enforcement cycle, not taking into account the judicial and judicial foundations in their relationship, the objectivity of judicial activities in the court of first and verification instances. Therefore, the article is devoted to the consideration of discussion issues associated with digitalization in the work of the court. The article contains the idea of the role of the Supreme Judicial Body in modern conditions to use the achievements of progress so that the strengthening of the judiciary and the national judicial system excludes the introduction of biased ideas, borrowings from other legal systems that are incompatible with the moral foundations of legal proceedings.

Keywords: court; fundamentals of judicial activity; judicial system; legal proceedings; justice; informatization; digitalization; technologization; approaches in the law on digitalization; criteria and limits of compatibility of digitalization in court

For citation: Sokolova O.V. Use of digitalization in court: possibilities and limits of application // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 81–89.

Динамическое развитие судебной системы обусловлено реально формирующимися процессами, которые связаны с информационными технологиями, цифровизацией, воплощением их в повседневную жизнь. Возражать по поводу современного тренда технологического прогресса в деятельности суда нет оснований в силу объективных факторов.

В стране господствующим ориентиром настоящего и будущего является вектор перемен, связанный с информатизацией, цифровизацией, технологизацией. Достаточно обратиться к определяющим правовую основу государства законодательным актам, включающим в себя как указы Президента Российской Федерации¹,

так и федеральные законы².

Внедрение возможностей цифровизации в форме электронного документооборота для граждан и организаций при обращении в органы публичной власти стало явлением, перешедшим в разряд привычного, доступного, удобного средства взаимодействия с органами публичной власти, в том числе и с судом. При этом цифровые технологии сопутствовали

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 28.06.1993 № 966 (ред. от 22.03.2005) «О Концепции правовой информатизации России» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 27. – Ст. 2521; Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О нацио-

нальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 20. – Ст. 2584; Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

² См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448; Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.

расширению и реальному сопровождению следующих принципов: доступности, открытости, транспарентности, гласности – и обеспечили оперативность совершаемых действий.

На современном уровне развития судебной системы представляется важным отметить следующие области применения информатизации и ее средств в деятельности судов: полнота информации о суде на его сайте; технические возможности при составлении и при передаче процессуальных обращений; дистанционное ознакомление с движением материала, судебного дела с указанием на результат в виде судебного акта или даты назначения судебного заседания; электронное дело в арбитражных судах; банк судебных постановлений (судебных актов) и др.

Средствами организационно-правового обеспечения на правовом уровне являются возможности государственных автоматизированных систем Российской Федерации и ее субъектов (ГАС «Правосудие», «Мой Арбитр», «Мировые судьи») и их расширение³; применение технических средств по фиксации судебных процессов (аудиопротоколирование) и оптимизации коммуникативного общения суда с участниками процесса (веб-конференция, видео-конференц-связь).

Приоритетность при осуществлении отдельных видов судебной деятельности организационного характера отдается электронному носителю.

К примеру, приемные судов перешли исключительно на электронный документооборот: протокол судебного заседания при ведении аудиопротоколирования фиксирует ход процесса, исключая воспроизведения текстов письменных документов, ходатайств, заявлений об отводе, мирового соглашения, не вступившие в законную силу судебные акты электронно направляются на сайт «Почта России» для последующего их бумажного воспроизведения и доставки участникам процесса и др.

Одновременно полагать, что современная информационная среда оптимизировала нагрузку на суд и ее сотрудников, на наш взгляд, глубокое заблуждение. Загрузка файлов, их обновление, ежедневное извлечение информации в рамках электронного документооборота, перенос на бумажный носитель, фиксация в базы данных – все это сочетается с возрастающим количеством

отчетной информации о деятельности суда в электронном виде и на бумажном носителе.

Так, к утвержденной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации отчетной информации добавились отчеты, формируемые за каждый месяц судебной деятельности:

- о количестве выданных исполнительных листов на бумажном и электронном носителях;
- о количестве направленных судебных постановлений, не вступивших в законную силу, при возрастающем коэффициенте до 75% в электронном виде и снижением до 25% в бумажном виде, при сокращении доставки судебных постановлений спецслужбой;
- об отчете исходящей корреспонденции суда на «Почту России» в рамках электронного документооборота, в котором высчитывается количество, проставленные ранее знаки почтовой оплаты с вычислением процента.

Следует обратить внимание на то, что задействованный человеческий фактор сотрудников аппарата суда и затратные действия суда по направлению судебных постановлений в рамках электронного взаимодействия с «Почтой России» не приводят к положительному результату.

Степень защищенности и удобства для граждан, организаций снижена по сравнению с предшествующим периодом времени, поскольку участники процесса вынуждены обращаться в суд повторно для получения надлежаще заверенной копии судебного постановления. Это ведет к дополнительным затратам ресурсов и человеческого труда. В то же время «Почта России» не обладает техническими возможностями по направлению качественных процессуальных документов, граждане жалуются на недоступность их прочтения.

Кроме того, за признаваемым достижением по подаче процессуальных обращений в электронном виде вскрывается проблема, затрагивающая основы судебной деятельности. Так, сотрудник аппарата суда, ответственный за прием документов в электронном виде, правомочен уведомлять пользователя о признании документов в электронном виде, не поступивших в суд, согласно пункту 4.4. приказа Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27.12.2016 № 251 (ред. от 23.01.2024) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» и по основаниям, указанным в пункте 4.5. и состоящем из 13 подпунктов⁴.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 26.06.2025 № 964 «О проведении эксперимента по взаимодействию государственных информационных систем при подаче мировым судьям документов в электронном виде и вынесении ими судебных приказов о взыскании задолженности по оплате помещения, машино-места в многоквартирном доме, коммунальных услуг, взносов на капитальный ремонт общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, энергетических ресурсов» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 26 (Часть II). – Ст. 3639.

⁴ См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27.12.2016 № 251 (ред. от 23.01.2024)

Несмотря на наличие вступивших в законную силу судебных постановлений Верховного Суда Российской Федерации⁵ по оспариванию в части вышеназванного нормативного акта, имеется явное противоречие между приемом процессуальных документов сотрудниками приемной суда (пп. 2.7; 3.2 Примерного положения о приемной федерального суда общей юрисдикции)⁶ и сотрудником, ответственным за поступление электронных документов.

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, исходя из целесообразности и анализа состояния действующих цифровых платформ, осуществил правовое регулирование, освобождая судей и председателя суда по рассмотрению обращений в форме электронного документа при несоответствии техническим требованиям и установленному порядку.

«Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. – 2017. – № 2; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.09.2017 № 168 (ред. от 15.01.2024) «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. – 2017. – № 10; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 4.

⁵ См.: решение Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2018 № АКПИ17-1019 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими абзацев третьего и четвертого пункта 1.4, пунктов 2.1.1, 2.1.2, 2.1.3, 2.2.1, 2.2.5, 2.3.1, абзацев первого, второго, четвертого, пятого и шестого пункта 2.3.5, пунктов 2.3.6, 3.1.3, 3.2.1, 3.3.1, 3.3.4, 3.4.1, 3.4.2, 4.3, 4.4, подпунктов 1, 2 и 8 пункта 4.5 Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27.12.2016 № 251» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 5; Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2018 № АПЛ18-132 «Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2018 № АКПИ17-1019, которым было оставлено без удовлетворения заявление о признании недействующими абзацев третьего и четвертого пункта 1.4, пунктов 2.1.1, 2.1.2, 2.1.3, 2.2.1, 2.2.5, 2.3.1, абзацев первого, второго, четвертого, пятого и шестого пункта 2.3.5, пунктов 2.3.6, 3.1.3, 3.2.1, 3.3.1, 3.3.4, 3.4.1, 3.4.2, 4.3, 4.4, подпунктов 1, 2 и 8 пункта 4.5 Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 251» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 5.

⁶ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 20.11.2019 № 263 «Об утверждении Примерного положения о приемной федерального суда общей юрисдикции и Типового регламента организации деятельности приемной федерального суда общей юрисдикции» // Бюллетень актов по судебной системе. – 2020. – № 6.

Однако принятие процессуальных обращений, соответствующих или не соответствующих требованиям законодательства, является обязанностью сотрудников аппарата суда в соответствии с основами судебной деятельности.

При этом важно обратить внимание не только на качественные отличия в деятельности сотрудников аппарата суда, но и подчеркнуть, что рассмотрение поступивших в суд процессуальных обращений и их правовые последствия – это исключительная компетенция судьи, осуществляемая в рамках судопроизводства.

Следовательно, представляется важным видеть как положительные, так и отрицательные стороны по внедрению информационных ресурсов, которые необходимо совершенствовать в рамках электронного документооборота. Одновременно неисчерпаемые возможности цифровизации и их правовое сопровождение имеют пределы, связанные с основами судостроительства, судопроизводства, спецификой судебной деятельности. Первоосновное назначение суда по осуществлению правосудия не может быть утрачено; деятельность аппарата суда по его обеспечению не должна приводить к возрастанию трудоемкости человеческого фактора в сравнении с предшествующими периодами, целями и задачами информационной политики.

В контексте сказанного и с учетом теоретико-прикладного характера поднимаемых вопросов представляется важным обратить внимание и на то, что национальное законодательство по вопросам технологического лидерства формируется, находясь на стадии становления.

Среди представителей научного сообщества существуют разнообразные мнения, противоречивые суждения по применению возможностей цифровизации, начиная от привлекательных заимствованных идей из зарубежных систем, заканчивая внедрением искусственного интеллекта. Поэтому представляется целесообразным остановиться на анализе факторов, влияющих на использование возможностей цифровизации и ее пределов в деятельности суда.

В первую очередь информатизация, технологизация, цифровизация – это сопряженные понятия, которые взаимосвязаны между собой, но имеют различия по содержанию, объему, используемым средствам. Одновременно законодательные акты не закрепляют данные определения при их масштабном использовании. Исключением является правовая информатизация России, под которой понимается процесс создания оптимальных условий максимально полного удовлетворения информационно-правовых потребностей

государственных и общественных структур, предприятий, организаций, учреждений и граждан на основе эффективной организации и использования информационных ресурсов с применением прогрессивных технологий⁷.

Направление, имеющее единую правовую основу для органов публичной власти, положительно воспринято и органом судебского сообщества, что подтверждается Концепцией информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы, одобренной Советом судей Российской Федерации 05.12.2019.

В данном контексте акцентируется внимание на взвешенном подходе, направленном на укрепление стабильности деятельности суда во взаимосвязи с открытостью и доступностью судебной защиты по привлечению информационных ресурсов в качестве вспомогательных средств, что подтверждается принципами и задачами информационной политики судебной системы, к примеру: принципы информационной открытости и доступности для граждан и организаций, эффективности, достоверности, своевременности предоставления информации о деятельности судов соотносятся с поставленной задачей по созданию условий по обеспечению прав граждан на получение своевременной, объективной, полной, разносторонней информации о деятельности судебной системы; о соответствии технологического развития и оснащения судов современным требованиям и т.д.⁸

Следует отметить, что высший судебный орган в очередной раз, как и в постановлении V Всероссийского съезда судей⁹, продемонстрировал сдержанность к привлекательным заимствованиям, охраняя основы судебной власти как сквозного начала государственности и расширяя сферу должностования суда во взаимоотношениях с обществом, гражданами, организациями по открытости и доступности.

Представляется важным подчеркнуть, что Верховный Суд Российской Федерации при поддержке высшего органа судебского сообщества выработал стратегический ориентир предела возможных преобразований, который заключен

в специфике судебной деятельности, в стабильности законодательства и статуса судьи. При анализе данного подхода раскрываются позитивные итоги вышеназванных преобразований и одновременно обнажаются проблемы по программному оснащению судов информационной полноценной платформой.

Так, суды общей юрисдикции в информационном обеспечении не приблизились к уровню арбитражных судов; не внедрен суперсервер при обозначенном сроке – 2024 год [1, с. 37]; не решен вопрос о минимизации человеческого фактора при составлении отчетности в электронной форме; при приоритетности электронного носителя все еще вменяется судам составлять на бумажном носителе отчеты при возрастающем количестве последних; не решены вопросы о получении электронной подписи на безвозмездной основе за счет государства гражданами, что относится к юрисдикции законодателя.

Кроме того, создание единой отечественной цифровой системы для судебной системы, отвечающей современному уровню технологизации, является затратным, но важным направлением в судебной деятельности.

Различие в ресурсном обеспечении судов влечет постановку вопроса о стандартизации цифровых платформ для судебной системы.

Так, программный продукт, используемый арбитражными судами, основывается на четырех вариациях программ единого программного комплекса *arbitr.ru*, включающего в себя сервисы «Картотека арбитражных дел», «Электронный страж», «Мой арбитр», «Банк решений арбитражных судов; системного программного комплекса «Судебно-арбитражное делопроизводство» и др.

Во-первых, представляется важным при определении подходов по созданию единой отечественной платформы исходить из опыта по внедрению цифровых ресурсов в деятельности арбитражных судов, потенциал которых проверен временем и является эффективно действующим. Во-вторых, разработка эффективной модели программной системы должна учитывать фактор времени; максимальную автоматизацию отдельных процессов или элементов (к примеру, от отчетности в работе суда и до принятия управленческих решений по аналитическому направлению деятельности суда); удобство при подаче документов в суд в электронном виде и готовность суда принять процессуальные и иные обращения и др. – все это определяется целями и задачами организационно-правового обеспечения и их выполнением аппаратом суда. Наконец, метод экспертных оценок должен

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 28.06.1993 № 966 (ред. от 22.03.2005) «О Концепции правовой информатизации России» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 27. – Ст. 2521.

⁸ Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 05.12.2019) [Электронный ресурс]. – URL: // <http://www.ssrfr.ru/> (дата обращения: 29.06.2025).

⁹ Постановление V Всероссийского съезда судей от 29.11.2000 «О ходе судебной реформы в Российской Федерации и перспективах развития судебной системы» // Российская юстиция. – 2001. – № 2.

сопровождать весь цикл по созданию единой отечественной платформы, начиная с выбора типа программы и включая внедрение на уровне эксперимента в деятельности судов отдельных субъектов Российской Федерации.

Следовательно, возможности цифровизации при наличии ясности понимания направленности по оснащению судов при их правовой регламентации не достигают современного уровня технологического прогресса.

Кроме того, широко используемые категории – цифровизация, технологизация правосудия – не имеют внешнего выражения права, т.е. фиксации вовне государственной воли; способов объективирования юридических правил поведения [2, с. 24]. При отсутствии традиционных источников права последние не основаны ни на правовой концепции, ни на правовой доктрине, а, по сути, сводятся к многообразию суждений, точек зрения среди правоведов и практиков. Одновременно наметилась тенденция по применению цифровизации, влекущая качественные преобразования и изменяющая суть судебной деятельности, начиная с использования терминов «электронное правосудие», «электронное судопроизводство»¹⁰ и заканчивая концепцией «предиктивного правосудия» с использованием искусственного интеллекта [3, с. 167]. Это противоречит конституционно охраняемым ценностям судебной власти, закрепленным в главе 7 Конституции Российской Федерации.

Так, Т.В. Сахнова в качестве очевидной констатации выделяет проблему отсутствия единой терминологии права, что приводит к тому, что «часто используемые термины, например электронное правосудие, электронное доказательство, страдают неопределяемой широтой...» [4, с. 228]. Применяемые категории не имеют ясности, поскольку, с одной стороны, правоведы не используют заимствованные знания из технических и иных прикладных наук, с другой – подменяется смысл и значение таких традиционно сложившихся понятий и явлений, как правосудие, судопроизводство.

К примеру, рассматривая информатизацию и цифровизацию, Т.В. Никулина и Е.Б. Ткаченко отмечают, что «современный мир перешел на очередной уровень развития новых технологий. Первым было создание парового двигателя; вторым – электрификация; третьим – информатизация; четвертым – цифровизация» [5, с. 108]. Использование критерия, основанного на эво-

люции технического прогресса, не объясняет сущность искомых определений. Поэтому процесс при использовании этапов технологизации не может и не должен замещать определений последних, тем более быть им равнозначным.

Среди правоведов, по мнению Е.С. Трезубова, сложились два подхода к пониманию цифровизации: узкий, в основе которого лежит применение искусственного интеллекта; и широкий, заменяющий, дублирующий, выступающий альтернативой традиционным средствам «электронного правосудия», электронного судопроизводства (или правосудия). Сам автор является сторонником второго подхода, отмечая, что «на текущий момент процессуальное законодательство допускает применение следующих цифровых ресурсов: 1) подача документов в электронной форме; 2) ознакомление с информатизацией о времени и месте рассмотрения дела, с текстом принятых судебных актов, материалами дела в электронной форме; 3) аудио- и видеопотокирование судебных заседаний, в том числе позволяющее автоматически преобразовывать устную речь в текст; 4) проведение онлайн-заседаний и рассмотрение дела при организации видео-конференц-связи; 5) принятие судебных актов и выдача исполнительных документов в формате электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью...» [6, с. 206–210].

Заимствованные знания из технических наук позволяют понимать под цифровизацией «процесс глубокого внедрения цифровых технологий и инноваций, получение дискретной информации, обладающей большой полнотой базы данных; анализ проблем и выбор варианта усредненного поведения (результата) с большой скоростью, включающий приложения, именуемые библиотеками базы данных, которые оцифрованы к определенному результату» [7, с. 228].

Возможности цифровизации не имеют очерченных пределов как по количеству применяемых коммуникативных и иных технологий, так и по качественному влиянию преобразующего характера на вид деятельности, вплоть до его замещения. Увлеченность неограниченным потенциалом цифровизации, использование искусственного интеллекта в сфере правосудия имеет значительное число сторонников в российском научном юридическом сообществе, которые рассматривают проблемы, реально (объективно) не совместимые с правосудием.

Представляется важным отметить позицию ведущего правоведа Т.Я. Хабриевой: «...следует признать, что на определенном этапе научный поиск пошел по ложному пути. Российской правовой мысли попытались навязать ценность

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 1. – Ст. 13.

искусственной личности, сопоставимую с человеческой, используя зарубежную правовую доктрину. Успехом эта попытка не увенчалась, но нельзя быть уверенными в том, что подобные попытки не повторятся. Транснациональные корпорации продолжают культивировать данную идею, поэтому отечественная наука должна быть готова к очередному «раунду» продвижения концепта правосубъектности искусственного интеллекта» [7, с. 8].

Одновременно открывается и следующая проблема, связанная с типологией судебной деятельности и цифровизацией [8, с. 226]. В процессе изучения типологии познается генезис становления и развития судебной деятельности, поскольку «методология исследования любого социального явления, раскрытия его сущности требует начинать с анализа того момента, когда это явление возникает и проявляет свои потенциальные возможности, из которых в последующем формируются его ведущие признаки» [9, с. 7].

Основаниями для типологии собственно судебной власти, по мнению Л.А. Воскобитовой, могут быть два аспекта: организация судебной власти и ее осуществление. Организованная «встроенность» судебной власти в систему органов государственной власти позволяет понять, как исторически менялось отношение к месту судебных органов в системе государственных органов и государственных функций. Такое основание позволяет выявить типы организации судебной власти. Второй аспект, характеризующий функционирование судебной власти, помогает понять, для чего государство использовало судебную деятельность и как исторически изменялось ее назначение. Это основание позволяет выявить типы осуществления судебной власти [10, с. 57].

При сложившихся подходах к судебной власти и основам деятельности суда представляется важным выделить три типа отношений в области цифровизации, основываясь на трудах доктора технических наук, профессора Л.Г. Кошелева, академиков М.Л. Селезнева, Я.А. Хетагурова, О.М. Петрова. Учеными была не только создана концепция по созданию и развитию цифровой среды, но и начиная с 80-х годов апробирована на ЭВМ советских предприятий [11].

Типология цифровизации включает три типа отношений: взаимосвязь элементов и компонентов (интердепенция); одностороннюю зависимость, когда один элемент определяет другой, но не наоборот (детерминация); совместимость элементов в системе при отсутствии между ними непосредственных отношений (конstellляция) [12, с. 45].

Для организации судебной власти приемлем третий элемент, который расширяет права участ-

ника процесса, но не подменяет основы судебной власти – правосудие и судопроизводство. При этом правосудие, основываясь на естественно-позитивном праве, понимается как осуществляемая уполномоченным органом судебной власти деятельность, направленная на разрешение спора согласно установленному порядку, в строго регламентированной процессуальной форме, призванная обеспечить процессуальную защищенность участникам процесса, установить истину по делу и достигнуть справедливого решения на основе права и нравственных ценностей.

Отступление от базовых явлений, категорий судебной власти может привести к снижению защищенности граждан и организаций, дегуманизации правосудия, к умалению нравственных основ судопроизводства.

В контексте сказанного обращает внимание заимствования из других правовых систем, внесенные в порядок рассмотрения и разрешения судебных дел с использованием видео-конференц-связи и веб-конференции (онлайн-заседания) в суде первой инстанции и в основной стадии процесса в сравнении с основаниями для удовлетворения ходатайства участника процесса, сводящиеся к волеизъявлению и наличию технической возможности.

Не отрицая положительного эффекта от расширения доступа к отправлению правосудия в суде первой инстанции, например при выполнении судебного поручения, при территориальной, географической удаленности, при объективных факторах, исключающих или существенно ограничивающих возможности передвижения, исходя из безопасности участников процесса, при проверке судебных постановлений вышестоящими судебными инстанциями, использующими исключительно ВКС, представляется важным именно в процессе рассмотрения и разрешения дел в суде первой инстанции сохранить традиционную основу судебного разбирательства и избирательность судьи по использованию вспомогательных средств цифровизации, основываясь на гарантиях по обеспечению объективного рассмотрения и разрешения судебного дела. Именно поэтому традиционные гуманитарные ценности пронизывают базовые категории, определяя отношение к суду, которое не должно быть воспринято через призму «одного окна», «услуги», отступления от «храма правосудия» [13].

Достаточно обратиться к видению дореволюционных правоведов, в частности Б.А. Кистяковского: «Суд не может занимать того высокого положения, которое ему предназначено, если в обществе нет вполне ясного понимания его настоящих задач» [14, с. 141].

На основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам:

во-первых, использование возможностей цифровизации по отношению к деятельности суда носит вспомогательный, а не равнозначный характер;

во-вторых, Верховный Суд Российской Федерации выработал за период судебной реформы и модернизации судебной системы и судопроизводства взвешенный подход к процессам информатизации, цифровизации и определил пределы из приоритета и специфики судебной деятельности, ее традиционных основ;

в-третьих, суд, наделенный судебной властью, не может быть сведен к услугам или «к одному окну», суду вне его здания, поскольку данный подход не соотносится с традиционными ценностями о суде;

в-четвертых, сфера применения информатизации, цифровизации, технологизации востре-

бована судебной деятельностью организационно-правового характера в подструктурах суда, на протяжении всего цикла делопроизводства, при получении информации при подготовке к рассмотрению дел в рамках межведомственного взаимодействия и др., где возможности цифровых технологий и оптимизируют деятельность суда, и расширяют права участников процесса;

в-пятых, порядок при приеме документов в рамках электронного документооборота, при проведении онлайн-заседаний требует своего правового совершенствования.

Вместе с тем сферы внедрения технологических процессов в судебную деятельность создают предпосылки для научных исследований и дискуссий о том, как обеспечить совместимость цифровизации с традиционными основами судебной власти.

Литература

1. **Голубцов В.Г.** «Инфраструктурные» обязательства государства по внедрению элементов электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. – 2022. – Т. 12. – № 2. – С. 31–46.
2. **Злобин А.В.** Формы права в современной России // Lex Russia. – 2018. – № 4 (137). – С. 23–36.
3. **Пайан Г.** Права человека и цифровизация правосудия // Вестник гражданского процесса. – 2022. – Т. 12. – № 2. – С. 165–181.
4. **Сахнова Т.В.** Об искусственном интеллекте и его естественных пределах в цивилистическом процессе (посвящение профессору А.Т. Боннеру) // Вестник гражданского процесса. – 2022. – Т. 12. – № 4. – С. 225–239.
5. **Никулина Т.В., Стариченко Е.Б.** Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 8. – С. 107–113.
6. **Трезубов Е.С.** Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. – 2022. – Т. 12. – № 5. – С. 204–227.
7. **Хабриева Т.Я.** «Традиция заимствований» и развития национального права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2025. – Т. 21. – № 3. – С. 5–12.
8. **Соколова О.В.** Роль Верховного Суда Российской Федерации в условиях технологизации и цифровизации / Проблемы и перспективы прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: сборник статей, Краснодар, 24 февраля 2022 г. – Краснодар: ООО «Издательский Дом – Юг», 2024. С. 95–100.
9. **Воскобитова Л.А.** Судебная власть: возникновение, развитие, типология: монография – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 128 с.
10. **Воскобитова Л.А.** Теоретические основы судебной власти: учебник. – Москва: Норма, 2018. – 288 с.
11. **Кошелев Л.Г.** Теория темпов и управление Россией. Институт системных исследований. Международная академия информатизации. – Москва, 2006. – 124 с.
12. Теория темпов в области цифровых систем управления: учебное пособие / Л.Г. Кошелев, А.Г. Кошелев, А.И. Шашкин. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – 144 с.
13. **Бурдина Е.В.** Новые организационные формы отправления правосудия: опыт судов в Республике Казахстан // Российский судья. – 2021. – № 1. – С. 49–53.
14. **Кистяковский Б.А.** В защиту права (интеллигенция и правосознание) / Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – Москва, 1909. – 424 с.

References

1. **Golubcov V.G.** «Infrastrukturnye» obyazatel'stva gosudarstva po vnedreniyu elementov elektronnoy pravosudiya // Vestnik grazhdanskogo processa. – 2022. – T. 12. – № 2. – S. 31–46.
2. **Zlobin A.V.** Formy prava v sovremennoy Rossii // Lex Russia. – 2018. – № 4 (137). – S. 23–36.
3. **Pajan G.** Prava cheloveka i cifrovizaciya pravosudiya // Vestnik grazhdanskogo processa. – 2022. – T. 12. – № 2. – S. 165–181.
4. **Sahnova T.V.** Ob iskusstvennom intellekte i ego estestvennykh predelakh v civilisticheskom processe (posvyashchenie professoru A.T. Bonneru) // Vestnik grazhdanskogo processa. – 2022. – T. 12. – № 4. – S. 225–239.
5. **Nikulina T.V., Starichenko E.B.** Informatizatsiya i cifrovizatsiya obrazovaniya: ponyatiya, tekhnologii, upravlenie // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2018. – № 8. – S. 107–113.
6. **Trezubov E.S.** Tendentsii cifrovizatsii civilisticheskogo processa // Vestnik grazhdanskogo processa. – 2022. – T. 12. – № 5. – S. 204–227.
7. **Habrieva T.Ya.** «Traditsiya zaimstvovaniy» i razvitiya nacional'nogo prava // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2025. – T. 21. – № 3. – S. 5–12.
8. **Sokolova O.V.** Rol' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federatsii v usloviyah tekhnologizatsii i cifrovizatsii / Problemy i perspektivy prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federatsii: sbornik statej, Krasnodar, 24 fevralya 2022 g. – Krasnodar: ООО «Izdatel'skij Dom – Yug», 2024. S. 95–100.

-
9. **Voskobitova L.A.** Sudebnaya vlast': vzniknovenie, razvitie, tipologiya: monografiya – Moskva: Norma: INFRA-M, 2017. – 128 s.
10. **Voskobitova L.A.** Teoreticheskie osnovy sudebnoj vlasti: uchebnik. – Moskva: Norma, 2018. – 288 s.
11. **Koshelev L.G.** Teoriya tempov i upravlenie Rossiej. Institut sistemnyh issledovanij. Mezhdunarodnaya akademiya informatizacii. – Moskva, 2006. – 124 s.
12. Teoriya tempov v oblasti cifrovych sistem upravleniya: uchebnoe posobie / L.G. Koshelev, A.G. Koshelev, A.I. Shashkin. – Voronezh: Izdatel'skij dom VGU, 2019. – 144 s.
13. **Burdina E.V.** Novye organizacionnye formy otpravleniya pravosudiya: opyt sudov v Respublike Kazahstan // Rossijskij sud'ya. – 2021. – № 1. – S. 49–53.
14. **Kistyakovskij B.A.** V zashchitu prava (intelligenciya i pravosoznanie) / Vekhi: sbornik statej o russkoj intelligencii. – Moskva, 1909. – 424 s.
-

(статья сдана в редакцию 08.09.2025)

Факультативные принципы обоснованности установления уголовно-правовых средств за мелкое взяточничество

Optional principles of the reasonability of establishing criminal-legal remedies for petty bribery

УДК 343.352

М.М. Алафьев

(Прокуратура Москаленского района
Омской области,
Россия, Омская область)
alafevmikhail@mail.ru

Mikhail M. Alafiev

(Prosecutor's Office of the Moskalensky district
of the Omsk region,
Omsk region, Russia)

Аннотация: в статье анализируются и обосновываются факультативные принципы и причины установления уголовной ответственности за мелкое взяточничество, исследуются теоретические предпосылки его появления. Основной целью исследования является выявление второстепенных принципов обусловленности закрепления уголовно-правовых средств в сфере мелкого взяточничества, а также их раскрытие и обоснование в качестве неразрывной и составной части общей системы принципов криминализации мелкой взятки.

Методологическая основа работы включает в себя общенаучные и специальные методы исследования, такие как анализ, синтез, дедукция, правовое моделирование и сравнительно-правовой метод. Помимо основных принципов общественной опасности и распространенности данного вида преступлений рассматриваются вопросы многогранности принципов мелкого взяточничества. В статье предлагается обоснование ряда факультативных принципов, позволяющих определить правомерность введения уголовной ответственности за мелкое взяточничество, отмечается их значимость и уникальность относительно необходимости введения данной ответственности.

Научная и практическая значимость исследования состоит в развитии теоретических основ противодействия коррупции и осмыслении природы уголовно правовых запретов в сфере мелкого взяточничества. Выводы и рекомендации статьи могут быть полезны юристам, сотрудникам правоохранительных органов, специалистам в сфере противодействия коррупции, а также использоваться в образовательных и законотворческих целях.

Ключевые слова: коррупция; мелкое взяточничество; факультативные принципы обоснованности установления уголовно-правовых средств; воздействие уголовно-правовыми средствами

Для цитирования: Алафьев М.М. Факультативные принципы обоснованности установления уголовно-правовых средств за мелкое взяточничество // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 90–96.

Abstract: the article is devoted to the analysis and substantiation of the optional principles of the validity of the establishment of criminal liability for petty bribery. The theoretical prerequisites for the introduction of petty bribery are investigated. The main purpose of the study is to identify the secondary principles of the conditionality of the consolidation of criminal law remedies in the field of petty bribery, as well as their disclosure and justification as an inseparable and integral part of the general system of principles of criminalization of petty bribery.

The methodological basis of the work includes general scientific and special research methods such as analysis, synthesis, deduction, legal modeling and the comparative legal method. The issues of the versatility of the principles of petty bribery are considered, in addition to the basic principles of public danger and the prevalence of this type of crime.

The article provides a justification for a number of optional principles of the validity of establishing criminal liability for petty bribery, noting their importance and uniqueness regarding the need to introduce this responsibility.

The scientific and practical significance of the research lies in the development of the theoretical foundations of anti-corruption, legal awareness of the nature of criminal law prohibitions for petty bribery. The conclusions and recommendations of the article can be useful to lawyers, law enforcement officers, anti-corruption specialists, as well as used for educational and legislative purposes.

Keywords: corruption; petty bribery; optional principles of justification for the establishment of criminal law remedies; impact of criminal law remedies

For citation: Alafiev M.M. Optional principles of the reasonability of establishing criminal-legal remedies for petroleum bribery // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 90–96.

Противодействие коррупции является стратегически важным направлением деятельности государства, поскольку именно коррупция во многом препятствует его эффективному функционированию, что в конечном итоге существенно нарушает права и законные интересы граждан, организаций и всего общества в целом. Среди коррупционных преступлений центральное место занимает взяточничество, ответственность за которое установлена несколькими уголовно-правовыми нормами.

Так, Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнен новой статьей (ст. 291²), устанавливающей ответственность за мелкое взяточничество¹.

Вместе с тем вопрос об обоснованности установления приведенного уголовно-правового запрета является одним из ключевых в науке уголовного права. В настоящее время, когда уголовное законодательство довольно часто подвержено процессам криминализации и декриминализации, его решение приобретает особую актуальность. При этом основными принципами установления уголовной ответственности за мелкое взяточничество в науке уголовного права являются общественная опасность и распространенность данного деяния, однако имеются еще несколько второстепенных принципов, которые вместе с названными определяют обоснованность установления уголовно-правовых средств за мелкое взяточничество – один из них заключается в преобладании его положительных последствий над отрицательными.

По мнению представителей Администрации Президента Российской Федерации, положительными последствиями выделения мелкого взяточничества в самостоятельную норму являются:

– усиление борьбы с коррупцией, которое должно быть направлено не на преследование мелких взяточников. Выделение отдельной строки в статистической отчетности позволит исключить искусственное завышение показателей противодействия преступлениям, предусмотренным ст. 290 и ст. 291 УК РФ;

– возможность передачи дел о мелком взяточничестве органам дознания и мировым судьям ввиду небольшой тяжести преступления, что позволит упростить и ускорить производство по уголовным делам;

– установление более мягких санкций (по сравнению с предыдущей редакцией уголовного закона), направленных на достижение цели справедливой дифференциации уголовной ответственности.

В.И. Михайлов также отмечает: «Выделение мелких коммерческих подкупов и взяток в отдельные составы должно способствовать концентрации внимания правоохранительных органов на выявлении и расследовании представляющих повышенную опасность случаев дачи взятки в крупном, особо крупном размерах» [1].

Анализ статистических данных подтверждает наступление данного положительного эффекта.

Немаловажным является также ускорение и упрощение процедуры расследования и судебного рассмотрения. Так, из 2 479 осужденных в 2022 г. за мелкое взяточничество к 1 423 осужденным был применен особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), что составило 57%. Аналогичный показатель для дачи взятки составил 11%, а для получения – 1,3%. Отметим, что 57% – это самый низкий показатель за 2017–2022 гг., но и он является значительным, особенно в сравнении с аналогичными показателями для получения и дачи взятки. Можно заметить снижение применения особого порядка рассмотрения уголовных

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дел по отношению к лицам, осужденным за все разновидности взяточничества. Особенно это заметно в 2024 г. Возможно, это свидетельствует о выявлении большего количества фактов взяточничества, носящих неочевидный характер, требующих проведения более тщательного и полного расследования.

Перевод мелкого взяточничества в категорию преступлений небольшой тяжести подвергается критике ученых в связи с декриминализацией приготовления к такому преступлению, в том числе при совершении с отягчающими обстоятельствами (незаконные действия (бездействие), вымогательство и др.), а также с исключением возможности проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Критика по поводу декриминализации приготовления ко взяточничеству в размере, не превышающем 10 тысяч рублей, была бы состоятельной при приведении конкретных данных о распространности такого деяния. Однако этого сделано не было. Анализ судебной практики, сложившейся до анализируемых изменений, не позволил найти такие факты. Из чего можно сделать вывод об их крайней редкости, если не об отсутствии.

Оценивая вторую часть критического замечания, необходимо обратить внимание на точку зрения В.И. Михайлова. «Следует иметь в виду, — пишет он, — что мелкий коммерческий подкуп и мелкая взятка относятся к числу так называемых ситуативных преступлений, совершаемых спонтанно, в которых инициатива о коммерческом подкупе или взятке, как правило, проистекает от взяткодателя. Проведение затратных и требующих серьезной подготовки оперативного эксперимента или прослушивания телефонных переговоров в целях выявления и пресечения таких преступлений неоправданно и в социальном смысле нецелесообразно» [2, с. 85–98].

Что же касается третьего положительного последствия смягчения санкций за мелкое взяточничество — достижения цели справедливой дифференциации, то оно действительно имеет место, поскольку исключает явно несправедливую ситуацию, при которой по ч. 3 ст. 290 УК РФ в рамках одной санкции могли подлежать ответственности лица, получившие взятку в размере 500 рублей и 150 тысяч рублей. При этом очевидно, что и содержание незаконных действий в подавляющем большинстве случаев было бы неодинаковым.

В научной литературе широко представлена критика обсуждаемых изменений ввиду того, что цель справедливой дифференциации ответственности достигнута не в полном объеме. Не отрицая полностью позицию, согласно которой сумма взятки часто обуславливает ответную меру предательства интересов общества, В.Н. Борков замечает,

что не только она определяют опасность взяточничества [3]. Тем самым автор критикует рассматриваемое законодательное нововведение за то, что ответственность за мелкое взяточничество при наличии квалифицирующих признаков получения и дачи взятки не соответствует опасности таких преступлений.

Если обратиться к истории уголовного законодательства России, то увидим, что такое явление, как взяточничество, упоминается уже в первых нормативных правовых актах государства. Например, в Псковской судной грамоте запрещены посулы: «А тайных посуловъ не имать ни князю, ни посаднику» (ст. 5 «О посулах») [4]. На протяжении многовековой истории уголовной ответственности за взяточничество (мздоимство, лихоимство, посулы) законодатель не устанавливал минимальный размер взятки, предусматривая ответственность за это деяние, в том числе и при мелком размере. Отметим, что лишь ст. 401 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., связывала размер денежного взыскания с размером подарка (вдвое против цены подарка), который был принят «чиновником или иным лицом, состоящим на службе государственной или общественной, по делу или действию, касающемуся до обязанностей его по службе, хотя и без всякого в чем-либо нарушения сих обязанностей» [5]. Взяточничество, сопряженное с нарушением государственных законов и служебных обязанностей (ст. 402), наказывалось более строго (потерей всех прав и преимуществ и к ссылке на время от одного года до трех лет или наказанием розгами от 60 до 80 ударов и к отдаче в исправительные арестантские рода гражданского ведомства на время от двух до шести лет). В последующих редакциях Уложения, а также в Уголовном уложении 1903 г. подобные нормы не содержались.

В первых уголовных законах РСФСР 1922 г. и в редакции 1926 г., а также в первоначальных редакциях УК РСФСР 1960 г. размер взятки также не имел уголовно-правового значения. Лишь законом Российской Федерации от 18.02.1993 № 4510-1 в ст. 173 УК РСФСР 1960 г. были внесены изменения, придавшие размеру предмета взятки дифференцирующее уголовную ответственность значение: крупный и особо крупный размер взятки стали квалифицирующим и особо квалифицирующим признаками получения взятки (ч. 2 и ч. 3 ст. 173 УК РСФСР). Отметим, что в советской научной литературе высказывалось мнение о возможности конструирования специальной нормы об ответственности за мелкое взяточничество (суммой до пятидесяти рублей в ценах 1978 года), но оно не было воспринято. Общепризнанной являлась точка зрения о том, что ответственность за дачу-получение взятки наступает за сам факт совершения

деяния вне зависимости от размера передаваемого вознаграждения [6].

В УК РФ 1996 г. в его первоначальной редакции крупный размер взятки выступал особо квалифицирующим признаком получения взятки. Федеральным законом от 21.11.2011 № 97-ФЗ законодатель внес изменения в ст. 290 и 291 УК РФ, установив различную ответственность как за получение, так и за дачу взятки в значительном, крупном и особо крупном размерах. Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ внесены нормы о мелком взяточничестве (ст. 291.2 УК РФ)². Данный законодательный шаг соответствует вектору развития уголовного законодательства с учетом размера взятки, берущему начало в 1993 г.

Относительно соответствия или несоответствия данного законодательного шага уголовной политике существуют полярные мнения. Одни авторы считают неоправданным существенное смягчение уголовной ответственности целых категорий коррупционеров в свете заявлений о необходимости усиления борьбы с коррупцией во всех ее проявлениях. «Уголовную ответственность нужно ужесточать, а не смягчать. Иное решение означает постепенное признание законодателем мелкой взятки хотя и наказуемой, но устойчивой социальной практикой. Хочется подчеркнуть, что взяточничество должно быть социально недопустимым вариантом поведения, а размер взятки (подкупа) не должен служить критерием конструирования привилегированных составов преступлений», — полагает А.Д. Нечаев [7, с. 28–32].

Другие авторы приходят к противоположному выводу, отмечая направленность этих изменений на дифференциацию уголовной ответственности и соответствии тенденциям развития науки уголовного права: «дифференциация уголовной ответственности за взяточничество назрела давно», а задачам борьбы с коррупцией не соответствует ситуация, при которой «под одну гребенку» привлекаются к ответственности министры и губернаторы, получавшие миллионные взятки, и рядовые «столончатники», решившие «подзаработать» несколько тысяч рублей» [8, с. 23–28].

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» Президент Российской Федерации, определяя основные направления государственной политики в этой области³, каждые два года утверждает Национальный план противодей-

ствия коррупции⁴. Впервые интерес к бытовой коррупции, а мелкое взяточничество — основное ее проявление, был выражен в 2010 г. Так, было дано определение бытовой коррупции: коррупционные правонарушения, с которыми граждане встречаются наиболее часто. Также было поручено проанализировать принимаемые органами государственной власти субъектов Российской Федерации меры по противодействию коррупции в органах местного самоуправления, уделив особое внимание мерам по устранению условий, способствующих бытовой коррупции⁵. С 2012 г. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации ведет отдельную статистику преступлений коррупционной направленности, в том числе по признаку размера их предмета.

В 2016 г. было поручено организовать научные междисциплинарные исследования законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции и практики его применения в части, касающейся снижения уровня бытовой коррупции⁶.

В январе 2016 г. на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции обсуждались вопросы, в том числе и по противодействию взяточничеству в размере не свыше 10 тысяч рублей⁷. Таким образом, на момент принятия законодателем решения о дополнении УК РФ нормой о мелком взяточничестве очевидно, что данное правовое явление находилось в сфере уголовно-политической стратегии.

Принципом противодействия коррупции является неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений⁸. На государственном уровне отмечена потребность общества в усилении борьбы с коррупцией⁹. Однако данные

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // Российская газета. — 2010. — № 79.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 01.04.2016 № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Информационное сообщение о заседании Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/7365>

⁸ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: п. 45 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021. № 400 [Электронный

² Федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

идеи не исключают возможности дифференциации уголовной ответственности, применения различных наказаний в соответствии с особенностями общественной опасности деяния. Более того, дифференциация уголовной ответственности рассматривается как ключевое направление развития российского уголовного законодательства и уголовно-правовой политики в целом.

Таким образом, нормы о мелком взяточничестве реализуют идею дифференциации ответственности, следовательно, соответствуют уголовной политике государства. Приведенное выше не означает исключение возможности совершенствования ст. 291² УК РФ, в том числе в направлении дальнейшей дифференциации ответственности и реализации принципа справедливости.

Подтверждением сказанному является то, что в 2018 г. Президент Российской Федерации поручил подготовить предложения по совершенствованию УК РФ в части, касающейся установления дополнительных квалифицирующих признаков мелкого взяточничества¹⁰.

Следующий принцип, подлежащий оценке в свете решения вопроса об обоснованности уголовной ответственности за мелкое взяточничество, – воздействие на него уголовно-правовыми средствами (при отсутствии возможности успешной борьбы менее репрессивными средствами).

В научной литературе высказываются мнения о переводе мелкого взяточничества в разряд административных правонарушений. Д.Ю. Гончаров, Ж.Е. Зырянова считают возможным установление административной ответственности за получение или дачу взятки в размере, не превышающем 1 000 рублей [9]. Однако данную точку зрения разделить затруднительно.

Необходимость и возможность именно уголовно-правового, а не административного воздействия на мелкое взяточничество обусловлено рядом факторов:

- общественная опасность мелкого взяточничества позволяет его рассматривать в качестве преступления, а не административного правонарушения;
- международно-правовые нормы предписывают применять именно уголовное наказание к лицам, совершившим взяточничество, независимо от его размера;
- развитие уголовной, а не иной ответственности за взяточничество имеет многовековую историю;

ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/001202107030001?index=1&rangeSize=1>

¹⁰ Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 гг. (п. 39) (утв. Указом Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– для выявления фактов мелкого взяточничества необходима оперативно-разыскная деятельность, которая может применяться в отношении только закрепленных в УК РФ деяний, хотя и в ограниченном объеме по делам о преступлениях небольшой тяжести.

Обоснованность уголовно-правового запрета связана и с общественным правосознанием, готовым воспринимать мелкое взяточничество в качестве преступления.

10 марта 2020 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил результаты исследования мнения россиян о различных противозаконных действиях. Такие опросы проводятся регулярно. Отмечено, что, как и три года до этого, возглавляют данный список те деяния, которые связаны с коррупцией (их осуждает 85% россиян). Лояльность к ним не повысилась¹¹.

Также, по данным ВЦИОМ, в топ рейтинга наиболее коррумпированных, по оценкам респондентов, сфер входят медицина (23%), ГИБДД и полиция (по 16%) сфера ЖКХ (16%), судебная система и прокуратура (14%). Четверть опрошенных (24%) убеждена, что во взяточничестве погрязло все общество. Хотя отмечается снижение уровня поражения указанных сфер в последние год-два¹².

В научной литературе отмечается склонность граждан оправдывать поведение лиц, совершающих мелкое взяточничество, по причине того, что сферы, нуждающиеся в наибольшем внимании государства, по большей части его лишены, но в то же время правосознание граждан готово для восприятия мелкого взяточничества как опасного и повсеместного уголовно наказуемого деяния.

По мнению Г.Н. Мироновой, «возможность «решать» вопросы в оперативные сроки за небольшую плату, учитывая именно небольшой объем затраченных средств и ресурсов, приводит к habituализации (опривычиванию) коррупции» [10].

Соглашаясь с высказанными мнениями, необходимо отметить, что уголовно-правовой запрет мелкого взяточничества – единственно возможный инструмент противодействия данному преступлению. Его отсутствие при существующей склонности населения к оправданию и опривычиванию решения бытовых вопросов за деньги (купить больничный, положительную оценку за экзамен, водительское удостоверение, избежать наказания за административное правонарушение и т.п.) приведет к росту коррупции и на более высоких уровнях.

В этой связи можно сделать вывод, что, несмотря на то что нормы о мелком взяточничестве не

¹¹ См.: сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/rossiyane-opredelili-s-moralny-top-5-amoralnykh-postupkov>

¹² Там же.

лишены недостатков, нельзя сказать, что эти недостатки превышают их достоинства. По мнению правоприменителей, установление самостоятельного уголовно-правового запрета на мелкое взяточничество не противоречит такому принципу криминализации, как преобладание положительных последствий над отрицательными, тем самым факультативные принципы обоснованности установления уголовно-правовых средств за мелкое взяточничество наряду с основными являются безусловной неразрывной и составной частью системы принципов данной обоснованности.

Возможность воздействия на мелкое взяточничество именно уголовно-правовыми средствами обусловлена его общественной опасностью, предписаниями международно-правовых норм, многовековой историей развития уголовной, а не иной ответственности за взяточничество, необходимостью оперативно-разыскной деятельности, которая может применяться в отношении только закрепленных в УК РФ деяний.

Литература

1. **Михайлов В.И.** Эволюция законодательства об ответственности за взяточничество // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 45–56.
2. **Михайлов В.И.** Коммерческий подкуп и взяточничество: направления развития законодательства // Lex russica. – 2017. – № 6 (127). – С. 85–98.
3. **Борков В.Н.** Новый способ получения взятки и реабилитации «мелких» взяточников // Современное право. – 2017. – № 1. – С. 81–87.
4. Псковская Судная грамота (1397–1467). Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по тексту [Электронный ресурс] / сост. И.И. Васильев, Н.В. Кирпичиков. – Псков, 1896. – URL: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/65.pdf>
5. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6 / отв. ред О.И. Чистяков. – Москва: Юридическая литература, 1988. – 431 с.
6. **Кучерявый Н.П.** Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву. – Москва: Госюриздат, 1975. – 186 с.
7. **Нечаев А.Д.** Уголовная политика России в сфере коррупционных проявлений: современные тренды // Сетевое издание «Академическая мысль». – 2019. – № 1 (6). – С. 28–32.
8. **Борисов С.В., Федин А.Н.** К вопросу о дифференциации уголовной ответственности за взяточничество // Вестник Российской правовой академии. – 2021. – № 4. – С. 23–28.
9. **Гончаров Д.Ю., Зырянова Ж.Е.** Мелкое взяточничество как одно из проявлений бытовой коррупции // Виктимология. – 2016. – № 4. – С. 46–50.
10. **Миронова Г.Н.** Уголовная ответственность за мелкий коммерческий подкуп: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2019. – 208 с.
11. **Гаврилов М.А.** Проблемы нормы уголовного закона о мелком взяточничестве // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 70–71.
12. **Чуклина Э.Ю.** О некоторых последствиях выделения уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 2912 УК РФ) // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2016. – Т. 3 – № 4. – С. 53–57.
13. **Светлов А.Я.** Ответственность за должностные преступления: монография / отв. ред. И.П. Лановенко. – Киев: Наукова думка, 1978. – 303 с.
14. **Егорова Н.А., Егоров А.Г., Гордейчик С.А.** Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства // Законность. – 2017. – № 1. – С. 51–56. (54).
15. **Крылова Е.С.** Уголовная ответственность за преступления коррупционной направленности: анализ последних изменений в УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 48–54.
16. **Можина О.Ю.** Предупреждение мелкого взяточничества в социальной сфере: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2021. – 218 с.
17. **Костарева Т.А.** Дифференциация уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1999. – 493 с.
18. **Евтушенко И.И., Иванов С.И.** Теория и практика применения статей 204.2 и 2912 Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. – 2017. – № 2. – С. 21–25.

References

1. **Mihajlov V.I.** Evolyuciya zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za vzyatochnichestvo // Uголовное право. – 2016. – № 5. – С. 45–56.
2. **Mihajlov V.I.** Kommercheskij podkup i vzyatochnichestvo: napravleniya razvitiya zakonodatel'stva // Lex russica. – 2017. – № 6 (127). – С. 85–98.
3. **Borkov V.N.** Novyj sposob polucheniya vzyatki i rehabilitacii «melkih» vzyatochnikov // Sovremennoe pravo. – 2017. – № 1. – С. 81–87.
4. Pskovskaya Sudnaya gramota (1397–1467). Podlinnaya i v perevode na sovremennyy yazyk s primechaniyami po tekstu [Elektronnyj resurs] / sost. I.I. Vasil'ev, N.V. Kirpichikov. – Pskov, 1896. – URL: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/65.pdf>
5. Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HH vekov. T. 6 / отв. ред О.И. Chistyakov. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1988. – 431 s.
6. **Kucheryavyy N.P.** Otvetstvennost' za vzyatochnichestvo po sovetскому уголовному праву. – Moskva: Gosyurizdat, 1975. – 186 s.
7. **Nechaev A.D.** Uголовnaya politika Rossii v sfere korrupcionnyh proyavlenij: sovremennye trendy // Setevoe izdanie «Akademicheskaya mysl'». – 2019. – № 1 (6). – С. 28–32.
8. **Borisov S.V., Fedin A.N.** K voprosu o differenciacii uголовnoj otvetstvennosti za vzyatochnichestvo // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. – 2021. – № 4. – С. 23–28.
9. **Goncharov D.Yu., Zyryanova Zh.E.** Melkoe vzyatochnichestvo kak odno iz proyavlenij bytovoj korrupcii // Viktimologiya. – 2016. – № 4. – С. 46–50.
10. **Mironova G.N.** Uголовnaya otvetstvennost' za melkij kommercheskij podkup: dis. ... kand. yurid. nauk. – Omsk, 2019. – 208 s.
11. **Gavrilov M.A.** Problemy normy uголовnogo zakona o melkom vzyatochnichestve // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 1. – С. 70–71.

-
12. **Chuklina E.Yu.** O nekotorykh posledstviyakh vydeleniya ugovnoy otvetstvennosti za melkoe vzyatochnichestvo (st. 2912 UK RF) // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. – 2016. – T. 3 – № 4. – S. 53–57.
13. **Svetlov A.Ya.** Otvetstvennost' za dolzhnostnye prestupleniya: monografiya / otv. red. I.P. Lanovenko. – Kiev: Naukova dumka, 1978. – 303 s.
14. **Egorova N.A., Egorov A.G., Gordejchik S.A.** Antikorrupcionnye novelly ugovnogo zakonodatel'stva // Zakonnost'. – 2017. – № 1. – S. 51–56. (54).
15. **Krylova E.S.** Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya korrupcionnoj napravlenosti: analiz poslednih izmenenij v UK RF // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 1. – S. 48–54.
16. **Mozhina O.Yu.** Preduprezhdenie melkogo vzyatochnichestva v social'noj sfere: dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2021. – 218 s.
17. **Kostareva T.A.** Differenciatsiya ugovnoy otvetstvennosti: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Moskva, 1999. – 493 s.
18. **Evtushenko I.I., Ivanov S.I.** Teoriya i praktika primeneniya statej 204.2 i 2912 Ugolvnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Obshchestvo i pravo. – 2017. – № 2. – S. 21–25.
-

(статья сдана в редакцию 13.10.2025)

Воспитательное воздействие в контексте исправления осужденных к лишению свободы: правовые аспекты

Educational impact in the context of the correction of persons sentenced to imprisonment: legal aspects

УДК 343.8

А.О. Ельцова

(Самарский юридический институт
ФСИН России,
Россия, Самара)
alena.elc@mail.ru

Alena O. Eltsova

(Samara Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia,
Samara, Russia)

Аннотация: в статье рассматривается понятие «исправление» и «воспитание» в уголовно-исполнительном праве, соотношение таких понятий, как воспитательная работа с осужденными, воспитательное воздействие на осужденных, исправление осужденных, а также правовые пределы этих понятий, взаимосвязь процессов, их структура, правовое регулирование. Автор исследует проявление в современных исправительных учреждениях взаимосвязи исправления с элементами и характеристиками воспитательного процесса. Статья состоит из введения, основной части и заключения. Во введении автор указывает на актуальность исследуемой темы, приводит цели уголовно-исполнительного законодательства. В основной части статьи анализируются статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, рассматриваются границы явлений исправления и воспитания, приводятся различные точки зрения ученых, описывается взаимосвязь критериев исправления и компонентов воспитательного воздействия. В заключении автор формулирует заключения и выводы относительно границ исправления и воспитания, соотношения понятий воспитания и воспитательного воздействия на осужденных, а также дает авторское определение воспитательному воздействию на осужденных к лишению свободы, обосновывает и вносит предложения по изменению законодательства в части, касающейся средств исправления осужденных.

Ключевые слова: исправление осужденных; воспитательное воздействие на осужденных; воспитание; лишение свободы; наказание; исправительные учреждения

Для цитирования: Ельцова А.О. Воспитательное воздействие в контексте исправления осужденных к лишению свободы: правовые аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 97–100.

Abstract: in the article, the author examines the concepts of «correction» and «education» in penal enforcement law. The author also examines the relationship of such concepts: educational work with convicts, educational impact on convicts, correction of convicts, as well as the legal limits of these concepts. The author examines the relationship of such processes, their structure, and legal regulation. The author examines the manifestation in modern correctional institutions of the relationship of correction with the elements and characteristics of the educational process. The article has three sections – introduction, main part, conclusion. In the introduction, the author points out the relevance of the topic under study, and cites the goals of penal enforcement legislation. The main part of the article presents and analyzes statistical data from the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, examines the boundaries of the phenomena of correction and education, provides various points of view of scientists, the relationship between the criteria of correction and the components of educational impact. In conclusion, the author formulates conclusions regarding the boundaries of correction and upbringing, as well as the relationship between the concepts of upbringing and educational impact on convicts, draws his conclusions, and also gives the author's definition of educational impact on those sentenced to imprisonment, justifies and makes proposals to amend legislation regarding the means of correction of convicts.

Keywords: correction of convicts; educational influence on convicts; upbringing; imprisonment; punishment; correctional institutions

For citation: Eltsova A.O. Educational impact in the context of the correction of persons sentenced to imprisonment: legal aspects // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 97–100.

Введение. Статья 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) целями уголовно-исполнительного законодательства определяет исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений.

Процесс исправления начинается после вынесения подсудимому приговора суда, то есть официального признания государством его в качестве осужденного. Публичная оценка криминальной деятельности, обуславливающая судимость, и, соответственно, признание такого человека общественно опасным выражает необходимость оказания на него исправительного воздействия [1].

В соответствии со статьей 9 УИК РФ исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Такое определение является спорным в среде ученых (В.И. Белосудцев, В.Д. Исмаилов, М.А. Тамирханов и др.), поскольку, по мнению многих из них, есть необходимость более детального описания института исправления в уголовно-исполнительном праве и дополнения в целом. Так, формулировку «исправление осужденных» предлагается усовершенствовать положениями об уважительном отношении осужденных к государству и нормам морали; раскаянии осужденного; возмещении и заглаживании причиненного вреда. Отмечено и то, что законодатель не раскрывает сущности уважительного отношения, а также составляющих стимулирования правопослушного поведения [2].

Профессор Ю.М. Ткачевский утверждает, что в УИК РФ содержится процесс осуществления исправления, его формирование и стимулирование, а не определение и достижение конкретного результата. По его мнению, основой исправления является идея, при которой наказание, ограничивающее гражданина в юридических правах, может оказывать влияние на его поведение [3].

Основная часть. Одним из главных способов достижения исправления осужденного является оказание на него воспитательного воздействия, включающего воспитательную работу с осужденными, общее образование и применение мер поощрения и взыскания (глава 15 УИК РФ). Наиболее важными компонентами воспитательного воздей-

ствия являются воспитательная работа и получение общего образования, поскольку они относятся к средствам исправления осужденных (ст. 9 УИК РФ) [4]. К сожалению, практика применения законодательства, касающегося воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы, требует совершенствования, поскольку рецидивная преступность находится на высоком уровне (на сегодняшний день уровень рецидива около 44%: из 100 тысяч освобожденных из исправительных учреждений примерно 44 тысячи вновь готовятся отбывать наказание в местах лишения свободы), а лишение свободы является одним из наиболее часто назначаемых видов наказания. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2023 год всего осуждено 555 743 человека, из них – 59 к пожизненному лишению свободы, 161 127 – к лишению свободы, 131 623 человека – к лишению свободы условно. За 2024 год всего осуждено 512 845 человек, из них 76 – к пожизненному лишению свободы, 146 989 – к лишению свободы, 112 207 человек – к лишению свободы условно¹. Это свидетельствует о том, что суд не усматривает возможность исправления без изоляции от общества, несмотря на гуманизацию уголовно-исполнительной политики.

Необходимо отметить, что в УИК РФ четко не формулируются критерии, с помощью которых возможно определить степень исправления осужденного, лишь указывается, что при ее определении учитывается следующее:

- отношение осужденного к получению среднего профессионального образования и профессиональному обучению, основному общему и среднему общему образованию (ст. 108, 112 УИК РФ);
- участие в воспитательных мероприятиях (ст. 109 УИК РФ).

К этому перечню основания применения мер поощрения к осужденным относятся хорошее поведение (правомерное, отсутствие взысканий) (ст. 113 УИК РФ и др.) и добросовестное отношение к труду (ст. 113 УИК РФ и др.).

Очевидно, что данные критерии неразрывно связаны с компонентами воспитательного воздействия. Учитывая это, правоприменительные органы не могут установить степень исправления

¹ Число осужденных по приговорам судов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01033/barom03.php>

осужденного – они принимают решение об исправлении осужденного, основываясь на собственном опыте, в соответствии с установленными критериями [2], однако, как показывает судебная практика, не совсем успешно: каждый пятый условно-досрочно освободившийся из мест лишения свободы вновь совершает преступление в течение трех лет с момента освобождения, а около половины из них – в первый год.

Такая статистика наглядно показывает необходимость качественного улучшения проводимого в местах лишения свободы воспитательного воздействия. Воспитание – довольно широкое понятие, включающее различные формулировки, обобщая которые, можно утверждать, что это развитие индивидуума в личность с помощью социальных институтов с целью его положительного активного взаимодействия в обществе².

И.Я. Фойницкий понимал под пенитенциарным воспитанием совокупность тюремных мер, включающих трудовую деятельность, образовательный процесс и поддержание установленного режима, преследующих цель ресоциализации осужденных и формирования у них навыков, требуемых целями общежития. Результатом пребывания в местах лишения свободы, по его мнению, должно быть исправление преступника с целью возвращения к обывательной жизни и становления его как полезного члена общества [5].

Необходимо уточнить, что соотношение понятий исправления и воспитания, их механизм и принципы осуществления отсутствуют. Данный вопрос неоднократно поднимался в среде ученых, которые имеют различные точки зрения на этот счет, среди них Н.А. Стручков, Н.А. Беляев, Г.А. Аванесов, Г.П. Байдаков и многие другие. Некоторые ученые высказывали мнение о том, что «исправление» и «воспитание» тождественны. Разнообразие взглядов породило споры как в теории, так и на практике о границах исправления и воспитания осужденных, а также о том, какие категории отбывающих наказание следует «исправлять» и «воспитывать» [6].

Проанализировав научную литературу, мы пришли к выводу о том, что воспитание является сложным процессом, включающим в себя позитивные и негативные факторы воздействия [7]. Прямого указания на качество и причины изменений понятие «исправление» не содержит [8].

С точки зрения законодателя, очевидно, что исправление – это цель, определяющая нахождение осужденного в исправительном учреждении, а воспитательное воздействие – один из главных спосо-

бов ее достижения. Так, воспитательный процесс в местах лишения свободы представляет собой неотъемлемую часть всего процесса исправления осужденных.

В современных исправительных учреждениях взаимосвязь исправления с элементами и характеристиками воспитательного процесса [9] проявляется следующим образом:

1. Исправление осужденных с активной включенностью в общественные процессы, социально полезные связи. Осужденный находится в ограниченной среде, закрытом пространстве, именно поэтому остро стоит необходимость в качественном проведении комплексных воспитательных мер, направленных на социализацию и ресоциализацию, с целью формирования социально полезной личности.

2. Взаимосвязь исправления с внутренней оценкой и окружением. Так, задачей воспитательного процесса является формирование положительного, требуемого обществом отношения к окружающему миру, действительности. Также необходимо отметить, что в процессе воспитательного воздействия возникают определенные отношения, носящие двухсторонний характер.

По мнению С.А. Ветошкина, одна из закономерностей воспитательного процесса заключается в том, что успешность воспитания и исправления во многом определяется отношением представителей администрации к осужденному – как к личности, с учетом его индивидуальности. В свою очередь, осужденный руководствуется принципами самоответственности и нацеленностью на эффективную организацию своей деятельности [10].

По нашему мнению, это важный фактор, поскольку на законодательном уровне определено, что средства исправления осужденных должны применяться с учетом их личности и поведения, а воспитательная работа – с учетом индивидуальных особенностей личности и характера осужденных.

3. Взаимосвязь исправления с воспитательной средой. Отличительной чертой этой закономерности является то, что конечный результат исправления зависит от окружающей среды, морально-психологического климата, стабильной оперативной обстановки, которые складываются в местах лишения свободы. Самые эффективные воспитательные методы и формы окажутся безрезультатными, если не создана соответствующая воспитательная среда.

Заключение. Рассмотрев взаимосвязь исправления и воспитания, можно заключить, что исправление осужденных тесно связано с воспитательным воздействием, проводимым в исправительном учреждении. Это проявляется в развитии целостной личности, в формировании у нее положитель-

² Воспитание как процесс социализации [Электронный ресурс]. – URL: https://spravochnick.ru/sociologiya/socializaciya_sociobiologicheskie_predposylki_socializacii/vospitanie_kak_process_socializacii/

ного отношения к социуму, в создании комфортной среды в учреждениях, где приоритетное место занимают цели и задачи воспитательной работы, а также в использовании в работе соответствующего ресурсного сопровождения.

Полагаем, что исправление и воспитание – далеко не тождественные понятия, хоть и тесно связанные. Воспитание – это непрерывный процесс воздействия на личность, а исправление – итог, показатель целенаправленной деятельности, ее результат. Воспитательная работа с осужденными является одним из основных средств достижения целей уголовно-исполнительного законодательства – исправления осужденного. При этом, по замыслу законодателя, воспитательная работа с осужденными является составляющим звеном воспитательного воздействия (глава 15 УИК РФ). То же самое необходимо сказать и о получении общего образования: согласно ст. 9 УИК РФ оно является средством исправления, однако также входит и в воспитательное воздействие. На основании изложенного полагаем целесообразным внести изменения в статью 9 Уголовно-исполнительного

кодекса Российской Федерации, поскольку воспитательное воздействие – понятие широкое и охватывает воспитательную работу, получение общего образования и применение мер поощрения и взыскания. Так, статья 9 УИК РФ, по нашему мнению, должна быть изложена в следующей редакции: «Основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок отбывания наказания (режим), воспитательное воздействие, общественно полезный труд, профессиональное обучение и общественное воздействие».

Таким образом, можно сказать, что воспитание и воспитательное воздействие должно включать в себя множество компонентов с целью качественного формирования нравственной личности. Воспитательное воздействие – система не противоречащих требованиям режима мер для коррекции личностных характеристик осужденного с целью всестороннего развития личности и формирования у нее правопослушного и уважительного поведения в обществе, включающая воспитательную работу, общее образование и применение мер поощрения и взыскания.

Литература

1. **Уткин В.А.** Наказание и исправительно-трудовое воздействие. – Томск: издательство Томского университета, 1984. – 189 с.
2. Средства исправления осужденных: учеб. пособие / Ф.В. Грушин, О.И. Нестерова, А.Н. Сиряков [и др.]. – Рязань, 2020. – 48 с.
3. **Ткачевский Ю.М.** Восстановление социальной справедливости – цель уголовного наказания и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия: Право. – 1998. – № 6. – С. 13–1.
4. **Ельцова А.О.** Особенности воспитательного воздействия на осужденных женского пола в исправительных учреждениях // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 11 (186). – С. 349–350.
5. **Ельчанинова О.Ю.** Пенитенциальные идеи в научном наследии И.Я. Фойницкого // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 10 (125). – С. 335–337.
6. **Мамонтова А.А.** К вопросу о цели исправления / Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2019. С. 40–42.
7. **Майстренко Г.А.** Воспитание и исправление в уголовно-исполнительном праве: соотношение понятий // Образование и право. – 2019. – № 2. – С. 173–175.
8. **Макаренко А.С.** Цель воспитания. – Москва: Педагогика, 1984. Т. 5. – 356 с.
9. **Дворцов В.Б., Коголь Т.Н., Уваров О.Н.** Организационно-правовые и педагогические основы воспитательной работы с осужденными в местах лишения свободы: учебное пособие. – Томск: издательство Томского университета, 2019. – 158 с.
10. **Ветошкин А.С.** Пенитенциарная педагогика как наука и область практической деятельности: дис. ... д-ра пед. наук. – Москва, 2002. – 327 с.

References

1. **Utkin V.A.** Nakazaniye i ispravitel'no-trudovoye vozdejstvie. – Tomsk: izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1984. – 189 s.
2. Sredstva ispravleniya osuzhdennykh: ucheb. posobie / F.V. Grushin, O.I. Nesterova, A.N. Siryakov [i dr.]. – Ryazan', 2020. – 48 s.
3. **Tkachevskiy Yu.M.** Vosstanovleniye social'noy spravedlivosti – cel' ugolovnogo nakazaniya i Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Pravo. – 1998. – № 6. – S. 13–1.
4. **El'cova A.O.** Osobennosti vospitatel'nogo vozdejstviya na osuzhdennykh zhenskogo pola v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2023. – № 11 (186). – S. 349–350.
5. **El'chaninova O.Yu.** Penologicheskie idei v nauchnom nasledii I.Ya. Fojnickogo // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2018. – № 10 (125). – S. 335–337.
6. **Mamontova A.A.** K voprosu o celi ispravleniya / Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodejstvie nauki i praktiki: materialy XIX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Moskva, 2019. S. 40–42.
7. **Majstrenko G.A.** Vospitanie i ispravlenie v ugolovno-ispolnitel'nom prave: sootnosheniye ponyatij // Obrazovanie i pravo. – 2019. – № 2. – S. 173–175.
8. **Makarenko A.S.** Cel' vospitaniya. – Moskva: Pedagogika, 1984. T. 5. – 356 s.
9. **Dvorcov V.B., Kogol' T.N., Uvarov O.N.** Organizacionno-pravovye i pedagogicheskie osnovy vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v mestah lisheniya svobody: uchebnoye posobie. – Tomsk: izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2019. – 158 s.
10. **Vetoshkin A.S.** Penitenciamaya pedagogika kak nauka i oblast' prakticheskoy deyatel'nosti: dis. ... d-ra ped. nauk. – Moskva, 2002. – 327 s.

(статья сдана в редакцию 07.07.2025)

Действие мер уголовно-процессуального принуждения после приостановления срока предварительного расследования

The effect of measures of criminal procedural coercion after suspension of the preliminary investigation period analysis

УДК 343.13

В.В. Лукьянчикова

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
lotkova.viktoriya@mail.ru

Victoria V. Lukyanchikova

(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в период осуществления предварительного расследования нередко возникают ситуации, которые обязывают лицо, осуществляющее уголовное судопроизводство, принимать решение о приостановлении его сроков. Данный период является временным, при этом законодательно регламентирован достаточно поверхностно. Основным пробелом выступает отсутствие регламентации деятельности следователя после принятия решения о приостановлении срока производства по уголовному делу, и не совсем ясно, какие же именно действия производить в указанный период законно. В статье рассматриваются вопросы действия отдельных мер уголовно-процессуального принуждения в рамках приостановленного срока предварительного расследования по уголовным делам. Автор акцентирует внимание на отсутствии четкой позиции со стороны законодателя на применение принуждения в случае возникновения обстоятельств, обуславливающих принятие решения о приостановлении производства предварительного расследования при сохранении или возникновении условий его применения. Анализ существующих позиций законодателя по данному вопросу осуществляется исходя из отдельных положений, регламентирующих применение таких мер принуждения, как заключение под стражу и наложение ареста на имущество. По результатам проведенного анализа правоприменительной практики сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: процессуальное принуждение; приостановление производства по уголовному делу; реализация полномочий следователя после приостановления срока предварительного расследования

Для цитирования: Лукьянчикова В.В. Действие мер уголовно-процессуального принуждения после приостановления срока предварительного расследования // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 101–105.

Abstract: during the period of the preliminary investigation, situations often arise that oblige the person conducting criminal proceedings to decide on the suspension of his terms. This period is temporary, while it is regulated by law rather superficially. The main gap is the lack of regulation of the investigator's activities after the decision to suspend the criminal case is made, and it is not entirely clear what actions are legal to take during this period. The article discusses the issues of the operation of certain measures of criminal procedural coercion within the framework of the suspended period of preliminary investigation in criminal cases. The author focuses on the lack of a clear position on the part of the legislator on the use of coercion in the event of circumstances leading to the decision to suspend the preliminary investigation while maintaining or creating conditions for its use. The analysis of the existing positions of the legislator

on this issue is carried out based on separate provisions regulating the use of such coercive measures as detention and seizure of property. Based on the results of the analysis of law enforcement practice, proposals have been formulated to improve the current legislation.

Keywords: procedural coercion; suspension of criminal proceedings; implementation of the investigator's powers after suspension of the preliminary investigation period

For citation: Lukyanchikova V.V. The effect of measures of criminal procedural coercion after suspension of the preliminary investigation period analysis // *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. – 2026. – № 1. – P. 101–105.

Необходимость обеспечения надлежащего поведения со стороны вовлекаемых участников уголовного судопроизводства, реализации планомерного осуществления следственных и процессуальных действий, а в отдельных случаях и пресечения преступной деятельности подозреваемого (обвиняемого) обуславливает необходимость применения мер уголовно-процессуального принуждения. Данные принудительные меры могут применяться на всем протяжении уголовного судопроизводства, начиная со стадии предварительного расследования. Однако нередко возникают непредвиденные ситуации, когда лицо, осуществляющее предварительное расследование, обязано принять решение о приостановлении его срока по различным основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством.

Основания для принятия решения о приостановлении срока предварительного расследования определены в полном объеме в ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). При этом из норм, регламентирующих деятельность следователя после принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу, не совсем ясно, какие же именно действия законно производить в указанный период. Сомнений не вызывает лишь факт запрета на производство следственных действий, который прямо предусмотрен ч. 3 рассматриваемой статьи. По поводу производства иных процессуальных действий в период приостановления производства по уголовному делу в теории уголовного процесса сложился ряд противоположных точек зрения.

Так, С.Б. Россинский отмечает, что период приостановления срока предварительного расследования предполагает временное прекращение уголовно-процессуальных отношений и, соответственно, производство любых процессуальных действий, направленных на решение задач предварительного расследования недопустимо [1, с. 119]. Схожего мнения придерживается и Л.В. Головкин, ставящий решение о приостановлении срока предварительного расследования в один ряд с прекращением уголовного дела, отмечая, что данное решение

может иметь не временный характер, а окончательный [2, с. 237].

Противоположной точки зрения придерживается А.С. Шагинян, исходящий из того, что не все процессуальные действия направлены на формирование доказательственной базы по уголовному делу, а, соответственно, производство тех процессуальных действий, которые будут способствовать устранению причин и условий, повлекших принятие решения о приостановлении срока предварительного расследования, допустимо [3, с. 260].

На наш взгляд, говорить о полном запрете производства любых следственных и процессуальных действий в рамках приостановленного срока предварительного расследования довольно преждевременно. Ведь нормы уголовно-процессуального законодательства возлагают на уполномоченный субъект, в чьем производстве находится уголовное дело, в обязательном порядке после принятия решения, предусмотренного ст. 208 УПК РФ, осуществлять принятие мер по устранению условий, повлекших принятие данного решения. Так, согласно ст. 209 УПК РФ следователь обязан предпринимать меры по установлению лица, совершившего преступление, либо по установлению местонахождения подозреваемого (обвиняемого) в зависимости от основания приостановления. Вышеупомянутые сторонники полного запрета процессуальной деятельности в период приостановления срока предварительного расследования указывают на то, что предусмотренная законодательством деятельность следователя в указанный период имеет сугубо организационный характер либо оперативно-разыскной при организации розыска подозреваемого (обвиняемого). По нашему мнению, данная деятельность может осуществляться со стороны следователя только лишь в процессуальной плоскости, даже если будет выражаться в активизации деятельности органов дознания в данных направлениях. То есть, по сути, эта процессуальная деятельность, направленная на устранение причин приостановления предварительного расследования, является обязательной.

В этой связи возникает весьма важный вопрос о порядке действий со стороны лица, осуществляющего предварительное расследование, в случае если по приостанавливаемому уголовному делу применена мера процессуального принуждения. Данный вопрос уголовно-процессуальным законодательством практически не регламентирован.

По мнению А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, при необходимости производства следственных действий или применения мер процессуального принуждения приостановленное уголовное дело должно быть возобновлено [4, с. 513]. При этом авторами не отмечается, действует ли это правило на уже избранные меры процессуального принуждения или же только на процедуру их избрания после принятия решения о приостановлении.

Единственным исключением является порядок избрания меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, а именно: ч. 2 ст. 115.1 УПК РФ закрепляет обязанность уполномоченного субъекта за семь суток до принятия решения о приостановлении предварительного расследования по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, возбудить в установленном порядке ходатайство перед судом о продлении срока ареста, наложенного на имущество. При этом в описательно-мотивировочной части должны быть изложены обстоятельства, обосновывающие сохранение наложенных ограничений. По результатам рассмотрения ходатайства (в соответствии с ч. 5 ст. 115.1 УПК РФ) судья выносит постановление либо об отмене наложенного ареста на имущество, либо о продлении его срока с сохранением запрета распоряжаться имуществом в части его отчуждения или уничтожения.

Данная позиция на первый взгляд видится вполне обоснованной. Ведь перерыв в осуществлении предварительного расследования не отменяет необходимости обеспечения сохранности объектов, которые могут подлежать конфискации или другим имущественным взысканиям. При этом сроки, в рамках которых данная мера может действовать, конкретно не указаны, а лишь имеется отсылка к соблюдению принципа разумности срока. При определении разумности срока в данном случае законодательно определено учитывать общую продолжительность применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в ходе уголовного судопроизводства, правовую и фактическую сложность уголовного дела, наличие противодействия со стороны участников уголовного судопроизводства, а также эффективность уголовно-процессуальной деятельности уполномоченных

субъектов. Однако конкретного максимального значения данной общей продолжительности не закреплено.

На наш взгляд, в виду того что уголовное дело может оставаться приостановленным очень продолжительный период, а немало уголовных дел после приостановления возобновляются лишь для принятия решения о его прекращении в связи с истечением сроков давности, установление таких размытых сроков действия меры принуждения недопустимо и требуется их конкретизация. Тем более что субъектами применения данной меры принуждения могут выступать третьи лица, не являющиеся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. В связи с этим такие неопределенные сроки могут существенно ограничивать права рассматриваемой категории граждан.

Более того, наблюдается коллизия законодательства, связанная с обязательным условием избрания меры уголовно-процессуального принуждения, таким как ее избрание в рамках срока предварительного расследования, при том что приостановление производства предварительного расследования течения сроков не предполагает. В этой связи следует учитывать правовую позицию, сформулированную в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 2227-О, согласно которой наложение ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска в уголовном деле не может выходить за временные рамки уголовно-процессуальных отношений, связанных с расследованием и разрешением уголовного дела¹.

В сложившихся обстоятельствах остается неясным, на какой срок суд вправе продлить арест на имущество в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 115 УПК РФ, если ходатайство подано за семь суток до приостановления производства по уголовному делу. Касаясь действия других мер процессуального принуждения в рамках приостановленного уголовного дела определенности также нет.

На наш взгляд, преждевременно говорить о прекращении уголовно-процессуальных правоотношений после принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу. Правоотношения также продолжают существовать: участники уголовного судопроизводства

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 2227-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Белый скит» на нарушение конституционных прав и свобод частью девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-konstitutsiogo-suda-rf-ot-29112012>

сохраняют свой статус, их взаимодействие регламентировано нормами уголовно-процессуального законодательства и осуществляется путем реализации прав, предусмотренных соответствующим процессуальным статусом. Указанные правоотношения имеют свою специфику, обусловленную установленными ограничениями на осуществление уголовно-процессуальной деятельности. Кроме того, необходимо учитывать, что меры процессуального принуждения продолжают действовать в качестве обеспечительных мер.

Из вышеизложенных положений следует, что основным проблемным аспектом, порождающим разночтения, является нерешенность вопроса о взаимозависимости течения сроков предварительного расследования и сроков применения мер уголовно-процессуального принуждения. Для решения данного вопроса предлагаем проанализировать взаимосвязь данных сроков на примере применения заключения под стражу. По данному поводу также существует две противоположные позиции. Так, В.Н. Курченко считает, что мера пресечения в виде заключения под стражу на досудебной стадии производства по делу может быть применена в отношении обвиняемого только в пределах срока предварительного следствия [5, с. 43]. Многие авторы придерживаются противоположной точки зрения. Например, А.О. Бекетов и А.А. Бородин отмечают, что продление сроков предварительного следствия или дознания, основанное лишь на обеспечении возможности установления сроков содержания под стражей, не способствует решению задач, возложенных на органы предварительного расследования. В связи с этим срок применения данной меры пресечения подлежит самостоятельному исчислению, без привязки к сроку предварительного следствия или дознания [6, с. 102]. Данная позиция видится более обоснованной и с позиции принципа разумности сроков предварительного расследования, так как фактически в рассматриваемой ситуации речь идет о реализации прокурорского надзора и реализации судебных функций за счет срока предварительного расследования, хотя такие действия не отвечают целям и назначению этой стадии.

Первоначальный срок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу составляет два месяца, как и срок предварительного следствия. В качестве условия продления срока содержания лица под стражей, согласно ст. 109 УПК РФ, обозначена невозможность закончить предварительное следствие в срок до двух месяцев. При этом следует помнить, что период проверки со стороны прокурора уго-

ловного дела, поступившего с итоговым процессуальным документом, составленным по окончании предварительного расследования, в этот срок не входит. Однако в 2005 г. Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении отметил необходимость со стороны органов предварительного расследования учитывать при продлении сроков содержания обвиняемых под стражей время, необходимое прокурору для проверки материалов уголовного дела перед направлением их в суд, и время, необходимое для суда, чтобы разрешить уголовное дело по существу².

На наш взгляд, именно данное судебное решение укоренило в сознании правоприменителя такую тесную взаимозависимость сроков предварительного расследования и сроков действия мер принуждения, хотя прямого указания в законе на данный аспект нет. При этом мы не отрицаем того факта, что избрание меры принуждения должно осуществляться в период течения сроков предварительного расследования.

Таким образом, с нашей точки зрения, положение о том, что мера принуждения должна действовать строго в течение сроков предварительного расследования, не является константой. В качестве обоснования данной позиции также возможно привести положения ст. 210 УПК РФ, которая в ч. 3 предоставляет возможность задержать обвиняемого, находящегося в розыске, в порядке, предусмотренном главой 12 УПК РФ (с учетом того, что уголовное дело в отношении данного субъекта приостановлено по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Указанная возможность согласуется с общими позициями законодателя по деятельности следователя в рамках приостановленного срока предварительного расследования по уголовному делу, так как задержание в данном случае представляется процессуальным действием, направленным на устранение обстоятельств, явившихся основанием к приостановлению производства по уголовному делу.

Ввиду изложенного при рассмотрении вопроса о действии мер уголовно-процессуального принуждения в период приостановления сроков предварительного расследования следует применять дифференцированный подход в зависимости от оснований принятого решения, поскольку

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22032005-/ysclid=mcstrmf9jl191303688>

появление далеко не всех оснований для приостановления сроков предварительного расследования подразумевает, что цели применения меры принуждения отпали, а пояснения законодателя на этот счет сделаны только лишь на случай наложения ареста на имущество.

Таким образом, считаем целесообразным законодательно закрепить возможность применения новых и продление действующих мер процессуального принуждения в рамках приостановленных сроков предварительного расследования

в зависимости от конкретных условий и обстоятельств уголовного дела. В качестве критерия необходимости осуществления рассматриваемых процессуальных действий надлежит использовать убежденность органа предварительного расследования, основанную на материалах уголовного дела, в том, что цели применения меры принуждения сохраняются и ее отмена может повлечь нарушение процессуального порядка предварительного расследования или интересов участников уголовного судопроизводства.

Литература

1. **Россинский С.Б.** Досудебное производство по уголовному делу: учебник. – Москва: Норма, 2022. – 232 с.
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – Москва: Статут, 2020. – 420 с.
3. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под общ. ред. А.И. Андреевой. – Москва: Феникс, 2015. – 445 с.
4. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. – 8-е изд. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 784 с.
5. **Курченко В.Н.** Заключение под стражу: типичные ошибки // Законность. – 2015. – № 8. – С. 41–45.
6. **Бекетов А.О., Бородин А.А.** Взаимосвязь сроков содержания под стражей и предварительного расследования // Уголовное право. – 2019. – № 3. – С. 101–108.
7. **Бектева В.С.** Применение мер принуждения по уголовным делам, предварительное расследование по которым приостановлено // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 8 (153). – С. 116–123.
8. **Ковтун Н.Н., Ростов Д.В.** Институт приостановления производства по уголовному делу: о новом «вине» и старых «мехах» // Российская юстиция. – 2023. – № 4. – С. 12–21.
9. **Кунов И.М.** Правовая природа деятельности следователя по приостановленному уголовному делу // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 10. – С. 86–93.
10. **Ларин Е.Г.** Действие меры пресечения после приостановления предварительного расследования / Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIII Международной научно-практической конференции. Ч. 1. – Красноярск, 2019. С. 114–115.

References

1. **Rossinskij S.B.** Dosudebnoe proizvodstvo po ugovolnomu delu: uchebnik. – Moskva: Norma, 2022. – 232 s.
2. Kurs ugovolnogo processa / pod red. L.V. Golovko. – Moskva: Statut, 2020. – 420 s.
3. Ugolovnyj process: uchebnik dlya bakalavriata yuridicheskikh vuzov / pod obshch. red. A.I. Andreevoj. – Moskva: Feniks, 2015. – 445 s.
4. Ugolovnyj process: uchebnik / pod obshch. red. A.V. Smirnova. – 8-e izd. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2023. – 784 s.
5. **Kurchenko V.N.** Zaklyuchenie pod strazhu: tipichnye oshibki // Zakonnost'. – 2015. – № 8. – S. 41–45.
6. **Beketov A.O., Borodin A.A.** Vzaimosvyaz' srokov soderzhaniya pod strazhej i predvaritel'nogo rassledovaniya // Ugolovnoe pravo. – 2019. – № 3. – S. 101–108.
7. **Bekteva V.S.** Primenenie mer prinuzhdeniya po ugovolnym delam, predvaritel'noe rassledovanie po kotorym priostanovleno // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2023. – № 8 (153). – S. 116–123.
8. **Kovtun N.N., Rostov D.V.** Institut priostanovleniya proizvodstva po ugovolnomu delu: o novom «vine» i staryh «mekhah» // Rossijskaya yusticiya. – 2023. – № 4. – S. 12–21.
9. **Kunov I.M.** Pravovaya priroda deyatel'nosti sledovatelya po priostanovlennomu ugovolnomu delu // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2016. – № 10. – S. 86–93.
10. **Larin E.G.** Dejstvie mery presecheniya posle priostanovleniya predvaritel'nogo rassledovaniya / Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: materialy XXIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ch. 1. – Krasnoyarsk, 2019. S. 114–115.

(статья сдана в редакцию 08.07.2025)

Актуальные вопросы использования личного сыска в деятельности органов внутренних дел в современных условиях

Current issues of the use of personal investigation in the activities of the department of internal affairs in modern conditions

УДК 343

И.В. Надежина

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
Lady.nadezhina2018@yandex.ru

Inna V. Nadezhina

(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в работе анализируется содержание понятия «личный сыск» в контексте оперативно-разыскной деятельности и рассматривается генезис его развития в научной доктрине – от единичного метода до системы оперативно-разыскных мероприятий. Эффективность личного сыска напрямую определяет успех в раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений, в получении упреждающей информации о замыслах преступных групп, а также в борьбе с коррупцией и терроризмом. Однако в современных реалиях применение личного сыска сталкивается с рядом системных правовых, этических, организационных и технологических вызовов, что обуславливает необходимость их комплексного научно-практического анализа. Особое внимание уделяется исследованию вопроса законодательного закрепления личного сыска как самостоятельного оперативно-разыскного мероприятия, а также проблемам регламентации тактики его проведения и документального оформления. Рассматривается практика применения личного сыска оперативными и неоперативными подразделениями, оценивается его роль в раскрытии преступлений, в том числе в условиях трансформации преступности в информационно-телекоммуникационном пространстве сети Интернет. Аргументируется необходимость формирования четкой нормативной базы для эффективного и правомерного осуществления данного комплекса оперативно-разыскных мероприятий.

Автор анализирует противоречие между необходимостью сохранения в тайне методов и тактики личного сыска и требованием законности и обоснованности его проведения. Рассматривается вопрос о целесообразности более детальной регламентации личного сыска в современном законодательстве.

Современные реалии, связанные с интенсивным развитием информационно-телекоммуникационного пространства сети Интернет, формируют перед сотрудниками органов внутренних дел новые вызовы и открывают перспективные возможности. Преступность все более активно перемещается в виртуальное пространство, что требует от сотрудников правоохранительных органов адаптации к современным условиям традиционных оперативно-разыскных методов. Автор акцентирует внимание на том, как развитие коммуникационных технологий (анонимные сети, криптозащита) одновременно создает трудности и открывает новые возможности для оперативного внедрения в преступную среду.

В этом контексте личный сыск выступает ключевым инструментом выявления и изобличения киберпреступников: позволяет идентифицировать их, собирать доказательства противоправной деятельности, выявлять источники дохода и преступные связи.

Ключевые слова: личный сыск; метод; комплекс; оперативно-разыскные мероприятия; опрос; тактика; комбинация; искусственный интеллект; информационно-телекоммуникационное пространство

Для цитирования: Надежина И.В. Актуальные вопросы использования личного сыска в деятельности ОВД в современных условиях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 106–111.

Abstract: this paper examines the concept of personal investigation in the context of operational investigative activities (hereinafter referred to as ARD). The genesis of its development in science is analyzed: from the method to the complex of operational investigative measures (hereinafter referred to as OPM). Its effectiveness directly determines success in solving serious and especially serious crimes, obtaining proactive information about the intentions of criminal groups, as well as in the fight against corruption and terrorism. However, in modern realities, the use of personal investigation is faced with a number of systemic legal, ethical, organizational and technological challenges, which necessitates their comprehensive scientific and practical analysis. Special attention is paid to the study of the issue of legislative consolidation of personal investigation as an independent OPM, as well as the problems of regulating the tactics of its conduct and documentation. The article examines the practice of using personal investigation by operational and non-operational units, evaluates its role in solving crimes, including in the context of the transformation of crime into the information and telecommunications space of the Internet. The necessity of forming a clear regulatory framework for the effective and lawful implementation of this set of MPas is argued.

The author analyzes the contradiction between the need to keep secret the methods and tactics of personal investigation and the requirement of legality and validity of its conduct. The issue of the need for more detailed regulation of personal investigation in modern legislation is being considered.

Modern realities associated with the intensive development of the information and telecommunications space on the Internet are creating new challenges for police officers and opening up promising opportunities. Crime is increasingly moving into the virtual space, requiring law enforcement officers to adapt traditional operational investigative methods to modern conditions. The author explores how the development of communication technologies (anonymous networks, cryptographic protection) simultaneously creates difficulties and opens up new opportunities for rapid introduction into the criminal environment. The issues of using big data and OSINT for the search and assessment of potential threats are discussed.

In this context, personal investigation, as a complex of search and analytical actions, acquires special importance. It can be effectively used to identify and identify individuals who commit crimes online, collect information about their illegal activities, establish sources of income and criminal connections, and coordinate actions to expose their deeds.

Keywords: personal investigation, method; complex; operational search measures; survey; tactics; combination; artificial intelligence; information and telecommunication space

For citation: Nadezhina I.V. Current issues of the use of personal investigation in the activities of the department of internal affairs in modern conditions // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 106–111.

Воперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) личный сыск является одной из наиболее распространенных форм проведения комплекса оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), используемой оперативными сотрудниками органов внутренних дел для выявления и раскрытия преступлений.

Понятие «личный сыск» в ОРД неоднократно становилось предметом научных дискуссий многих ученых на протяжении всего существования оперативно-разыскной деятельности как науки. В советской юридической литературе учеными он рассматривался как метод ОРД, а уже в современной теории оперативно-разыскной деятельности – как комплекс ОРМ. Ученые советской школы В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров считали необходимым дополнительно закрепить в ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) личный сыск в качестве самостоятельного ОРМ [1]. Но с критикой данного

предложения в последующем выступали многие ученые, предполагая, что личный сыск является все-таки комплексом отдельных ОРМ. Комбинируются же отдельные ОРМ в зависимости от решаемой задачи, и их набор в комплексе не всегда одинаков. Такая дилемма может быть решена путем законодательного закрепления понятия и содержания личного сыска.

В.П. Лавров и А.Ю. Шумилов рассматривают личный сыск как пережиток прошлых лет и ассоциируют его с внеправовыми методами работы [2]. Действительно, в Законе об ОРД понятие «личный сыск» отсутствует. В пункте 216.7 ранее действовавшего приказа МВД России от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» упоминалось понятие «личный сыск», при этом не раскрывалось его определение. Также в ранее действовавших законодательных актах понятие «личный сыск» встречалось в приказе МВД России от 20 июля 1974 г.

№ 200 «Об утверждении устава патрульно-постовой службы советской милиции» и приказе МВД России от 18 января 1993 г. № 17 «О мерах по совершенствованию организации патрульно-постовой службы милиции», но понятие «личный сыск» относилось к деятельности по выявлению и пресечению административных правонарушений, а не оперативно-разыскной деятельности. В настоящее время действует приказ МВД России «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России», в котором уже отсутствует термин «личный сыск», но действия, выполняемые сотрудниками ППС по решению одной из задач – «выявление и доставление в органы внутренних дел лиц, подозреваемых в совершении преступлений, находящихся в розыске за совершение преступлений, скрывающихся от суда и следствия, совершивших административные правонарушения»¹, в целом сходны с тактикой личного сыска, проводимого ими и ранее.

Позднее понятие «личный сыск» закрепилось в теории оперативно-разыскной деятельности как метод, совокупность тактических приемов или оперативная комбинация, применяемые для решения задач ОРД. Отсутствие четкого законодательного определения и регламентации метода личного сыска создает определенные проблемы в работе оперуполномоченных, которые могут быть связаны с нарушением конституционных прав граждан, в том числе и на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» также не содержит указание на личный сыск [3].

Несмотря на вышеизложенное, личный сыск в настоящее время широко применяется в ОРД для выявления латентных и раскрытия неочевидных преступлений, а также для отработки оперативных версий по преступлениям. К.К. Горяинов и В.С. Овчинский определяют личный сыск не как разовое отдельное мероприятие, а как их совокупность, определенный процесс с осуществлением комплекса целенаправленных ОРМ, «выбор и сочетание которых диктуются конкретными обстоятельствами и решаемыми задачами ОРД» [4, с. 380]. Исходя из этого определения, отдельные ОРМ не могут быть отождествлены с личным сыском².

¹ Приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 (с изм. от 14.08.2024) «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утвержде-

Е.Б. Белянский, Н.В. Ивлиева и Д.В. Ежов видят сущность личного сыска в целенаправленном наблюдении, позволяющем по поведенческим признакам выявлять лиц, готовящихся к совершению противоправных действий. Это дает возможность предупреждать и пресекать правонарушения в момент их совершения либо задерживать правонарушителей непосредственно после него [5]. То есть, по мнению ученых, в основе личного сыска лежит наблюдение за поведением человека или группы лиц, целью которых является совершение действий, носящих антиобщественный, противоправный характер.

В случае правового закрепления личного сыска в виде отдельного ОРМ необходимо регламентировать тактику и методику его проведения в ведомственных нормативных правовых актах. Если личный сыск как средство оперативно-служебной деятельности смогут осуществлять сотрудники неоперативных подразделений, например сотрудники ППС или следователи, то тот же набор поисковых действий уже нельзя будет отнести к категории ОРМ. По этой причине законодательное закрепление личного сыска возможно только в нормативных актах открытого характера. При этом результаты работы личного сыска должны быть оформлены документально соответствующим образом, так как в последующем они будут использоваться в качестве доказательств по уголовным делам. Учитывая вышесказанное, отметим, что в настоящее время необходима нормативная регламентация методики проведения данного комплекса ОРМ, предусматривающая как тактику его проведения, так и порядок документального оформления результатов личного сыска в деятельности оперативного сотрудника для последующего его использования в уголовном процессе.

При осуществлении личного сыска происходит непрерывный процесс поиска, сбора и анализа полученной оперативной информации. Как и проведение каждого отдельного взятого ОРМ, личный сыск может также осуществляться гласно или негласно. В случае если личный сыск проводится именно оперативными подразделениями, то он осуществляется преимущественно негласно. Однако личный сыск проводят не только оперативные подразделения – он может осуществляться также сотрудниками подразделений патрульно-постовой службы в том случае, если речь идет о розыске лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, без вести пропавших, а также

дении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» (с изм. от 14.08.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

при раскрытии преступлений по горячим следам, когда сотрудники строевых подразделений ориентированы на розыск и задержание лиц, совершивших преступление [6]. В данном случае личный сыск применяется открыто, а комбинация этих действий уже не будет относиться к оперативно-розыскной деятельности, так как ее осуществляют только субъекты ОРД, которые определены приказом МВД России «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность»³.

Если рассматривать личный сыск как комплекс ОРМ, то необходимо обозначить те мероприятия, которые могут являться его составляющими. В него могут входить наблюдение, отождествление личности, опрос, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, исследование предметов и документов, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования. ОРМ «наблюдение» является базовым элементом личного сыска. Если сотрудник находится в процессе поиска, а его действия осознанны и целенаправленны, то их можно отнести к активному наблюдению. Гласное наблюдение в основном направлено на выявление и пресечение очевидных правонарушений, видимых большинству окружающих, которые часто связаны с нарушением общественного порядка.

Тактика личного сыска – это характер и последовательность действий сотрудника полиции при проведении данного ОРМ. В повседневной деятельности полиции невозможно умело применять личный сыск без использования знаний тактики распознавания лица по его поведению на причастность к совершению определенного вида преступления. Каждый полицейский, принимающий участие в личном сыске, обязан владеть умением идентифицировать лицо по внешним признакам, используя методику словесного портрета, которую, в свою очередь, можно разделить на тактику выявления и тактику розыска человека путем сопоставления внешности с фотороботом или фотографией, сопоставления описания признаков внешности с внешностью людей, непосредственного сопоставления внешности с признаками подозреваемых, описания внешности, которые дали очевидцы, потерпевшие при ведении розыска по горячим следам, то есть в данном случае действия оперативно-

го сотрудника сходны с ОРМ «отождествление личности».

Одним из основных составляющих комплекса личного сыска является ОРМ «опрос», которое состоит в сборе информации в процессе непосредственной беседы сотрудника оперативного подразделения либо лица, действующего по его поручению, с гражданами, осведомленными или, возможно, обладающими информацией о лицах, фактах и обстоятельствах, представляющих оперативный интерес. Создание повода для общения, установление психологического контакта, навык выявления общих интересов, вызов доверия лица – все эти составляющие необходимы оперативному сотруднику при личном сыске.

В современной теории ОРД личный сыск рассматривается как комплексное использование сил, средств и методов, применяемых непосредственно оперативным работником в целях выявления, предупреждения, раскрытия преступлений, розыска скрывшихся преступников и лиц, без вести пропавших. Значение личного сыска предопределяется широким диапазоном разведывательных возможностей сотрудника полиции, поэтому по своим возможностям превосходит все другие методы: разведывательный опрос, оперативный осмотр, оперативную установку и др.

К преимуществам личного сыска в сравнении с другими ОРМ можно отнести:

- получение оперативно значимой информации от первоисточников, что исключает ее искажение, гарантирует достоверность и полноту, позволяет установить контакт с очевидцами, свидетелями, участниками событий;
- оперативность решения задач ОРД при соблюдении необходимой конспирации, а также быстрой смене тактики при получении новых сведений о преступлении;
- получение контекстных сведений, которые невозможно получить иными средствами (о взаимоотношениях, мотивах и т.п.);
- оценка достоверности получаемых сведений через невербальные признаки (мимика, интонация, анализ поведения позволяют оценить правдивость излагаемых сведений);
- низкий уровень затратных материальных ресурсов при проведении личного сыска (как правило, требуется лишь квалифицированный личный состав, владеющий навыками коммуникации и оценки невербальных признаков);
- возможность своевременного вмешательства сотрудников в целях пресечения преступных действий.

С развитием новейших технологий большое количество преступлений перешло в информационно-телекоммуникационную среду [7]. Для выявления и раскрытия таких правонарушений

³ Приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

оперативные сотрудники активно используют методы активного наблюдения за пользователями интернет-ресурсов, который осуществляется путем поиска определенной информации противоправного характера с целью выявления и раскрытия различных преступлений. Объектом такого поиска могут выступать как конкретные лица, так и предметы преступного посягательства. Такие действия оперативного сотрудника в информационно-телекоммуникационном пространстве можно рассматривать как современную форму личного сыска. Каждый пользователь Интернета оставляет в сети определенное количество цифровых следов. Они представляют собой огромный, постоянно накапливающийся массив информации, хранящейся в сети, с целью анализа которой и осуществляется личный сыск в интернет-пространстве. Посредством мониторинга различных открытых источников оперативный сотрудник зачастую может выявлять признаки преступлений. Здесь необходимо акцентировать внимание на том, что поиск или сыск происходит именно в открытых источниках, то есть к личному сыску недопустимо отнести проведение оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

Цифровые следы, которые оставляет пользователь в интернет-пространстве, позволяют узнать многое о его образе жизни, убеждениях и мировоззрении, увлечениях, роде занятий, связях. Электронные технологии, используемые оперативным сотрудником для наблюдения, весьма разнообразны и постоянно совершенствуются. Их можно разделить на несколько взаимосвязанных классов. Первый класс – это технологии для автоматического сбора и обработки данных из Интернета. При этом используются специальные программы, так называемые краулеры, которые автоматически сканируют веб-страницы, форумы и публичные каналы в мессенджерах, отбирая текстовые сообщения, изображения, информацию о страницах и ссылки. Эти технологии позволяют обрабатывать огромные массивы информации в сжатые сроки. Ранее на эту же работу уходило достаточно много времени, что позволяло преступникам быстро уничтожать цифровые следы преступлений и уходить от ответственности.

Вторым не менее важным классом являются системы анализа больших данных и применение искусственного интеллекта⁴, в частности систе-

мы машинного обучения и обработки естественного языка. Данные, собранные краулерами, обрабатываются специальными алгоритмами, которые могут распознавать и классифицировать нужный контент, даже если преступники используют сленг, условные обозначения, кодовые слова и специально допускают ошибки в словах, чтобы обходить обычные фильтры. При обучении на примерах криминального контента алгоритмы машинного обучения приобретают способность автономно обнаруживать закономерности, присущие различным категориям преступлений.

Третий класс технологий связан с анализом изображений и видео. Эти системы компьютерного зрения извлекают текст из изображений и анализируют визуальный контент. Сегодня искусственный интеллект по факту выполняет роль высокотехнологичного инструмента, интегрированного в действующие ОРМ. Системный анализ больших данных из открытых источников (социальных сетей) может рассматриваться как форма наблюдения. Однако закон устанавливает, что ОРМ, ограничивающие конституционные права, проводятся только на основании судебного решения (ст. 8, 9 Закона об ОРД). Возникает сложный вопрос: является ли профилирование гражданина, осуществляемое алгоритмом предиктивной аналитики на основе его цифрового следа без конкретного повода, оперативно-разыскным мероприятием? Если да, то для его проведения в каждом конкретном случае требуется судебное решение, что делает массовый скрининг невозможным. Если нет, то создается опасный прецедент внесудебного вмешательства в частную жизнь. Закон не содержит четких предписаний, ставя правоприменителя перед выбором: либо допустить нарушение принципа законности, либо снизить эффективность противодействия преступности.

Подводя итог, можно отметить, что проведение личного сыска возможно не только в материальном мире объективной действительности, но и в информационной среде с использованием различных систем. Однако использование нейросетей и искусственного интеллекта в оперативно-разыскной деятельности, а также проведение ОРМ в Интернете, которые, по сути, являются личным сыском в цифровом пространстве, пока не урегулированы законодательством Российской Федерации. Это затрудняет правоприменительную практику противодействия преступности и требует переработки Закона об ОРД, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ведомственных нормативных актов.

⁴ Опасность «больших данных», или как Big Data ведет к полной деанонимизации пользователя и составлению его профайла [Электронный ресурс]. – URL: <https://habr.com/ru/sandbox/161732/>

Литература

1. **Атмажитов В.М., Бобров В.Г.** О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: научный доклад. – Москва: Издание Шумилова, 2003. – 23 с.
2. **Шумилов А.Ю.** Сыскология, или Наука о профессиональной сыскной деятельности: первое знакомство [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной сыскной теории и практики. – 2007. – № 4. – URL: <http://www.oper-ord.ru/wp-content/uploads/2017/04/Первое-знакомство-с-сыскологией-2007.pdf>.
3. Федеральный закон «О полиции»: научно-практическое пособие: в 3 томах / А. Н. Гугунский, А. В. Семенистый, П. А. Солошенко [и др.]. Часть 3. – Москва: Академия управления МВД России, 2013. – 332 с. – EDN WARNVV.
4. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. К.К. Горяинова, д-ра юрид. наук В.С. Овчинского. – 4-е изд., перер. и доп. – Москва: ИНФА-М, 2022. – 762 с.
5. **Белянский Е.Б., Ивлиева Н.В., Ежов Д.В.** К вопросу об истории возникновения и становления личного сыска в оперативно-розыскной деятельности // Научный портал МВД России. – 2023. – № 1 (61). – С. 7–13.
6. **Ямалитдинов А.А.** Актуальные вопросы доставления задержанных лиц сотрудниками патрульно-постовой службы полиции // Право: ретроспектива и перспектива. – 2022. – № 2 (10). – С. 32–35.
7. **Дизер О.А.** Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (89). – С. 63–70. – EDN TNIVHD.
8. **Афанасенко А.Н.** Актуальность обучения сотрудников полиции навыкам личного сыска в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений // Аллея науки. – 2018. – Т. 1. – № 7 (23). – С. 831–834. – EDN UWZRLO.
9. **Барakov А.Д.** О некоторых вопросах использования «личного сыска» сотрудниками ППСП при обеспечении общественной безопасности и охране общественного порядка // Молодой ученый. – 2020. – № 5 (295). – С. 179–181.
10. **Егоров В.Ю., Чибунин В.М., Степаненко Ю.С.** Обучение тактике применения и методам личного сыска // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3 (7). – С. 36–39.
11. **Чернов О.В.** Актуальные проблемы применения личного сыска в раскрытии имущественных преступлений / Борьба с преступностью: теория и практика: материалы II Международной научно-практической конференции, Могилев, 27 февраля 2014 г. – Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2014. С. 170–171. – EDN ZXGIQB.
12. **Поликарпова О.С.** Видеорегистраторы, применяемые наружными нарядами полиции при несении службы, и возможности использования результатов видеофиксации в процессе доказывания при расследовании преступлений / Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения: материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10 октября 2025 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 374–380. – EDN XUVAGZ.

References

1. **Atmazhitov V.M., Bobrov V.G.** O zakonodatel'nom regulirovanii operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti: nauchny'j doklad. – Moskva: Izdanie Shumilova, 2003. – 23 s.
2. **Shumilov A.Yu.** Sy'skologiya, ili Nauka o professional'noj sy'sknoj deyatel'nosti: pervoe znakomstvo [E'lektronny'j resurs] // Aktual'ny'e voprosy' sovremennoj sy'sknoj teorii i praktiki. – 2007. – № 4. – URL: <http://www.oper-ord.ru/wp-content/uploads/2017/04/Pervoe-znakomstvo-s-sy'skologiej-2007.pdf>.
3. Federal'ny'j zakon «O policii»: nauchno-prakticheskoe posobie: v 3 tomax / A. N. Gugunskij, A. V. Semenisty'j, P. A. Soloshenkov [i dr.]. Chast' 3. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013. – 332 s. – EDN WARNVV.
4. Teoriya operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti: uchebnik / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. K.K. Goryainova, d-ra yurid. nauk V.S. Ovchinskogo. – 4-e izd., perer. i dop. – Moskva: INFА-M, 2022. – 762 s.
5. **Belyanskij E.B., Ivlieva N.V., Ezhov D.V.** K voprosu ob istorii vozniknoveniya i stanovleniya lichnogo sy'ska v operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti // Nauchny'j portal MVD Rossii. – 2023. – № 1 (61). – S. 7–13.
6. **Yamalitinov A.A.** Aktual'ny'e voprosy' dostavleniya zaderzhanny'x licz sotrudnikami patrol'no-postovoj sluzhby' policii // Pravo: retrospektiva i perspektiva. – 2022. – № 2 (10). – S. 32–35.
7. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovaya ohrana obshhestvennogo poryadka i obshhestvennoj bezopasnosti v usloviyax formirovaniya cifrovogo prostranstva // Vestnik Ufinskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (89). – S. 63–70. – EDN TNIVHD.
8. **Afanasenkov A.N.** Aktual'nost' obucheniya sotrudnikov policii navykam lichnogo sy'ska v celyax vy'yavleniya, preduprezhdeniya, presecheniya i raskry'tiya prestuplenij // Alleya nauki. – 2018. – T. 1. – № 7 (23). – S. 831–834. – EDN UWZRLO.
9. **Barakov A.D.** O nekotory'x voprosax ispol'zovaniya «lichnogo sy'ska» sotrudnikami PPSP pri obespechenii obshhestvennoj bezopasnosti i ohrane obshhestvennogo poryadka // Molodoj uchenyj. – 2020. – № 5 (295). – S. 179–181.
10. **Egorov V.Yu., Chibunin V.M., Stepanenko Yu.S.** Obuchenie taktike primeneniya i metodam lichnogo sy'ska // Pedagogika. Voprosy' teorii i praktiki. – 2017. – № 3 (7). – S. 36–39.
11. **Chernov O.V.** Aktual'ny'e problemy' primeneniya lichnogo sy'ska v raskry'tii imushchestvenny'x prestuplenij / Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika: materialy' II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Mogilev, 27 fevralya 2014 g. – Mogilev: Mogilevskij institut Ministerstva vnutrennix del Respubliki Belarus', 2014. S. 170–171. – EDN ZXGIQB.
12. **Polikarpova O.S.** Videoregistratory', primenyaemy'e naruzhny'mi naryadami policii pri nesanii sluzhby', i vozmozhnosti ispol'zovaniya rezul'tatov videofikscii v processe dokazy'vaniya pri rassledovanii prestuplenij / Administrativno-pravovoe regulirovanie ohrany' obshhestvennogo poryadka i obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti: problemy' i puti ix resheniya: materialy' ezhegodnoj mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 10 oktyabrya 2025 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. S. 374–380. – EDN XUVAGZ.

(статья сдана в редакцию 10.10.2025)

Детерминанты повторных преступлений в исправительных учреждениях открытого типа Республики Беларусь

Determinants of repeat crimes in open correctional facilities in the Republic of Belarus

УДК 343.9

П.Н. Высоцкая

(Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь,
Республика Беларусь, Минск)
p-vys@mail.ru

Polina N. Vysotskaya

(Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus)

Аннотация: в работе проведен анализ преступлений, совершаемых в период отбывания наказания осужденными к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа. Выделены преобладающие категории совершаемых осужденными преступлений относительно степени тяжести. Приведены некоторые количественно-качественные показатели преступлений, совершаемых лицами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях открытого типа. Выявлены проблемные аспекты в организации постоянного надзора за осужденными. Отмечено, что на совершение преступлений лицами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях открытого типа, воздействуют детерминанты, характерные для преступности в целом, а также сформированные особым порядком и условиями исполнения и отбывания этого вида наказания. Изложены специфические факторы, способствующие совершению преступлений осужденными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях открытого типа. Отдельно обозначен нехарактерный для учреждений Республики Беларусь детерминант совершения преступлений осужденными – функционирование в условиях превышения лимита численности осужденных. На основании изложенного специфического причинного комплекса автором сформулированы некоторые специально-криминологические меры по предупреждению преступлений, совершаемых лицами в период отбывания наказания в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа.

Ключевые слова: осужденные; ограничение свободы; исправительное учреждение открытого типа; детерминанты; предупреждение преступлений

Для цитирования: Высоцкая П.Н. Детерминанты повторных преступлений в исправительных учреждениях открытого типа Республики Беларусь // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 112–117.

Abstract: in the work, an analysis was made of crimes committed while serving a sentence, sentenced to restriction of freedom with referral to an open correctional institution. The prevailing categories of crimes committed by convicts regarding the severity are noted. Some quantitative and qualitative indicators of crime committed by persons serving sentences in open-type correctional institutions are given. Some problematic aspects have been identified in the organization of constant supervision of convicts. It was noted that the commission of crimes by persons serving sentences in open correctional institutions is influenced by determinants characteristic of crime

in general, as well as determinants formed by a special procedure and conditions for the execution and serving of this type of punishment. Specific factors are outlined that determine the commission of crimes by convicts serving sentences in open correctional institutions. The factor that determines the commission of crimes by convicts, which is not typical for institutions of the Republic of Belarus, is identified separately – functioning in conditions of exceeding the limit on the number of convicts. Based on the stated specific causal complex, the author formulated some special criminological measures to prevent crimes committed by persons while serving a sentence in the form of restriction of freedom with referral to an open correctional institution.

Keywords: convicts; restriction of liberty; open correctional facility; determinants; crime prevention

For citation: Vysotskaya P.N. Determinants of repeat crimes in open correctional facilities in the Republic of Belarus // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 112–117.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Уголовного кодекса Республики Беларусь¹ (далее – УК) наказание в виде ограничения свободы назначается с направлением в исправительное учреждение открытого типа (далее – ИУОТ). Также в некоторых случаях (с учетом личности виновного, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, наличия постоянного места жительства) суд может назначить наказание в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ.

В течение всего срока отбывания наказания в ИУОТ осужденные находятся под надзором. Согласно инструкции «О порядке осуществления надзора за осужденными к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа» (утверждена приказом МВД Республики Беларусь от 15.10.2014 № 363) надзор – одно из средств обеспечения установленного порядка отбывания наказания. Он включает мероприятия, которые проводят сотрудники ИУОТ совместно с территориальными органами внутренних дел, с целью контроля за поведением осужденных к ограничению свободы с направлением в ИУОТ; обеспечения исполнения возложенных на них обязанностей; защиты их прав и законных интересов; обеспечения безопасности осужденных, сотрудников и гражданского персонала ИУОТ; соответствия поведения осужденных требованиям уголовно-исполнительного законодательства.

При организации надзора в ИУОТ возникает ряд проблем, связанных с осуществлением постоянного наблюдения за поведением осужденных и обусловленных спецификой порядка и условий исполнения этого вида наказания (допускается нахождение осужденных за пределами ИУОТ при пребывании на рабочем месте, при решении бытовых и других личных вопросов, в связи с получением образования и пр.) Кроме того, указанное обстоятельство создает условия, способствующие

совершению осужденными повторных преступлений, поскольку не все готовы добросовестно соблюдать установленные правила поведения.

Согласно сведениям Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в 2022 году совершили преступления в период отбывания наказания около 1,8% от общей численности состоящих на учете осужденных, отбывающих наказание в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ, за 2023 год – около 1,2%, за 2024 год – около 1,5%. Отметим, что практически все повторные преступления совершены осужденными за пределами границ территории ИУОТ. В то же время среди осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, доля лиц, совершивших преступления в период отбывания этого наказания, сохранялась на уровне 0,5–0,6% с 2022 по 2025 годы. Такие данные могут свидетельствовать о том, что в местах лишения свободы все же больше возможностей эффективной организации надзора за осужденными (как одного из составляющих режима) в силу их изоляции.

В уголовно-правовой доктрине принято обособлять собственно пенитенциарные преступления, то есть те преступления, специальным субъектом которых является лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы или содержащееся под стражей (ст. 410, 411, 413, 414 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [1, с. 14; 2, с. 126]. Действующее уголовное законодательство не содержит составов преступлений, где отбывание ограничения свободы или нахождение в исправительном учреждении открытого типа образовывали бы специальный субъект либо элемент объективной стороны. Стоит отметить, что ранее в соответствии со ст. 415 УК (в редакции 2021 года) была предусмотрена ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы, однако данная статья исключена на основании п. 127 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 26.05.2021 № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>

уголовной ответственности»². В соответствии с положениями ст. 415 УК (в редакции 2021 года) уклонение от отбывания наказания считалось общественно опасным деянием, влекущим наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет. В настоящее время злостное уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы влечет иные правовые последствия и заменяется более строгим наказанием – лишением свободы на основании ч. 8 ст. 55 УК, однако нового состава преступления при этом не образуется. В связи с этим статистические сведения о количестве преступлений, совершенных лицами в период отбывания наказания в ИУОТ, до и после декриминализации ст. 415 УК (в редакции 2021 года) существенно разнятся. Например, в 2014 году было зарегистрировано на 431 преступление больше, чем в 2024 году, при этом из общего количества зарегистрированных преступлений в 2014 году почти 81% составляли общественно опасные деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 415 УК. Объемно же количество преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказание в ИУОТ, приблизительно осталось на том же уровне.

Анализируя степень тяжести преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказание в ИУОТ, можно констатировать, что преобладают менее тяжкие преступления (в 2022 году 86,7% от общего количества повторных преступлений; в 2023 – 84,1%, в 2024 – 77,7% соответственно) и тяжкие (в 2022 году – 5%, в 2023 – 5,9%, в 2024 – 20,8% соответственно). В структуре исследуемого вида преступности большинство общественно опасных деяний составляют преступления против собственности (58,3% в 2022 году; 71,4% в 2023 году и 85,1% в 2024 году).

Учитывая изложенные количественно-качественные показатели преступности среди лиц, отбывающих наказание в ИУОТ, представляется целесообразным выявление факторов, детерминирующих совершение этими лицами повторных преступлений. Особенностью причинного комплекса совершения повторных преступлений осужденными в ИУОТ является их схожесть с детерминантами преступности в местах лишения свободы (если рассматривать такую особенность, как преступность среди лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы) [3, с. 337; 4, с. 394; 5, с. 102] и преступности, существующей вне исправительных учреждений. Это определяется специфическим порядком и условиями исполнения и отбывания наказания в ИУОТ.

С одной стороны, среди общих детерминант преступности, влияющих на совершение преступлений осужденными в ИУОТ, можно выделить следующие: социальные и экономические противоречия, возникающие в обществе; недостатки в профилактической деятельности правоохранительных органов; наличие зависимостей у осужденных, иные их психические или психологические особенности; дефекты правосознания; недостатки воспитания и моральных ценностей; несформированная готовность к ведению правоупорядоченного образа жизни.

С другой стороны, даже при нахождении в условиях частичной изоляции от общества возникают специфические детерминанты, способствующие совершению преступлений осужденными. Так, большую часть времени осужденные проводят в специализированном общежитии, их проживание организовано в небольших комнатах, как правило, от 4 до 10 человек, за осужденными в период нахождения в ИУОТ ведется постоянное наблюдение со стороны оперативно-дежурной и иных служб ИУОТ.

Соответственно, на совершение осужденными преступлений влияют обстоятельства, сформированные особенностями порядка и условиями исполнения и отбывания наказания в ИУОТ:

1. Нахождение в окружении большого количества лиц, уже совершивших общественно опасные деяния. Данный факт способствует нормализации восприятия преступного поведения: позитивный опыт осужденных, чьи противоправные деяния остались латентными, формирует установку, что даже при привлечении к уголовной ответственности (в условиях ограничения или лишения свободы) возможно поддержание приемлемого уровня жизнедеятельности.

2. Наличие криминальной субкультуры практически со всеми присущими ей атрибутами: традициями, правилами, иерархией, жаргоном, кличками – все это способствует усилению отрицательных черт личности, подражанию чужому криминальному опыту. Особенно это характерно для ИУОТ, в которых отбывают наказание осужденные, ранее уже отбывавшие наказание в виде лишения свободы. Стоит отметить, что при распределении осужденных по учреждениям учитывается именно факт отбывания наказания в виде лишения свободы, независимо от снятия или погашения судимости. Данное обстоятельство обусловлено необходимостью противодействия распространению криминальной субкультуры среди лиц, находящихся в ИУОТ.

3. Отрицательное отношение к действиям сотрудников ИУОТ. В условиях даже частичной изоляции от общества сотрудники администрации ИУОТ воспринимаются осужденными как противостоящая сторона.

² Закон Республики Беларусь от 26.05.2021 № 112-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/docume nt/?guid=12551&p0=H12100112>

4. Нежелание добросовестно соблюдать установленный порядок и условия отбывания наказания. Связано это среди прочего с тем, что некоторыми осужденными назначенное наказание воспринимается как несправедливое или нерациональное. Например, осужденные нередко предпочитают допустить уклонение от ограничения свободы с последующим лишением свободы на один год вместо двух. Ключевой аргумент – снятие бремени материального самообеспечения и организации быта, поскольку эти вопросы решаются учреждением. Несмотря на то что при назначении наказания судом учитываются многие факторы, среди которых общественная опасность совершенного деяния, форма вины, характеристика лица, совершившего преступление, наличие рецидива преступлений, отягчающих или смягчающих ответственность обстоятельств, осужденные могут быть заведомо не нацелены на отбывание назначенного им наказания. Тогда как суд, назначая наказание, определяет помимо правовых ограничений еще и степень доверия лицу, а именно: сможет ли данный человек добросовестно отбыть назначаемое наказание и будут ли достигнуты при этом цели уголовной ответственности. Выбирая наказание, не связанное с изоляцией от общества, предполагается, что тех ограничений, которые несет в себе такой вид наказания, будет достаточно для эффективного его исполнения. Однако осужденными такой подход может интерпретироваться иным образом.

5. Недостатки организационно-технического характера при исполнении наказания со стороны администрации ИУОТ. Например, несовершенство систем видеонаблюдения, неиспользование электронных средств контроля места нахождения осужденных, неуклоплектованность личного состава подразделения, недостаточно высокий уровень профессионализма сотрудников, проявление чрезмерной лояльности к осужденным. Несомненно целесообразность использования администрацией ИУОТ электронных средств контроля места нахождения осужденных, особенно в отношении осужденных, допустивших неоднократные нарушения порядка и условий отбывания наказания. Однако попытки внедрения таких классических средств контроля места нахождения осужденных, как электронные браслеты, например, на практике не показали свою эффективность, в первую очередь в силу высокой стоимости, а также в связи с проблемами их эксплуатации.

6. Недостаточное взаимодействие администрации ИУОТ с организациями, в которых работают осужденные. Наниматель зачастую игнорирует такое взаимодействие, при этом не несет ответственности за то, что не сообщает

своевременно в ИУОТ о каких-либо нарушениях, допущенных осужденными. Имеют место случаи, когда осужденные из-за отсутствия контроля со стороны нанимателя не находятся на рабочем месте, не исполняют свои трудовые обязанности, совершают новое преступление, при этом в установленное время возвращаются в ИУОТ, где в полной мере соблюдают правила внутреннего распорядка.

7. Несвоевременная постановка на профилактический учет осужденных. Несмотря на то что с осужденными проводятся дополнительные воспитательные мероприятия³, постановка осужденных на профилактический учет – это деятельность, направленная на опережение негативных событий. Посредством индивидуального надзора и адресной воспитательной работы осуществляется профилактика противоправных действий: потенциальные угрозы выявляются и нейтрализуются уже на стадии замысла, что защищает и общество, и осужденного [6, с. 334; 7, с. 51].

8. Отсутствие в ИУОТ комнат изоляции правонарушителей. Отметим, что в настоящее время в оперативно-дежурной службе учреждений предусмотрена специально оборудованная комната, однако, согласно требованиям ч. 2-1 ст. 57 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, в нее могут помещаться только лица, имеющие намерение причинить вред жизни или здоровью, и на срок, не превышающий трех часов. В то же время в практической деятельности возникает сложность с применением мер к осужденным, находящимся в состоянии опьянения (но не демонстрирующими намерений причинения вреда), либо к осужденным, допустившим уклонение от отбывания наказания (до вынесения постановления суда о замене наказания более строгим), а также к допустившим конфликт между собой. Поскольку правовых оснований для изоляции таких лиц не имеется, нет также и соответствующим образом оборудованных помещений, в которые могли бы помещаться эти осужденные. Вместе с тем осужденные перечисленных выше категорий с большой вероятностью способны совершить преступление как в учреждении, так и за его пределами.

9. Несовершенство штатного расписания в ИУОТ. Особенностью ИУОТ является меньшее количество административных должностей по сравнению с иными подразделениями уголовно-

³ Прокуратура Гродненской области потребовала устранить нарушения законодательства в деятельности исправительных учреждений открытого типа [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – URL: <https://www.prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/zashchita-sotsialnykh-prav-grazhdan/v-inykh-sferakh/prokuratura-grodnens2009/>

исполнительной системы, обусловленное малым количеством спецконтингента. При этом общее число задач, возлагающихся на коллектив одного учреждения, не уменьшается. Возникают ситуации, когда для обеспечения нормального функционирования ИУОТ сотрудники вынуждены исполнять обязанности, не предусмотренные их должностной инструкцией. Например, решение вопросов тылового обеспечения (организация эксплуатации служебного автотранспорта, участие в организации закупок, обеспечение корректной работы инженерно-технических средств надзора и средств телекоммуникации); выполнение функций сотрудников кадрового подразделения (подготовка различных служебных документов по вопросам организации кадровой работы в учреждении, подготовка личных дел кандидатов на службу); выполнение функций по организации учета входящей и исходящей корреспонденции, номенклатуры дел, архива учреждения (практически во всех ИУОТ республики отсутствуют должности, обеспечивающие это направление деятельности). Постоянная деятельность в таких условиях безусловно отвлекает сотрудников от планового и методичного выполнения непосредственных должностных обязанностей, что в целом сказывается на эффективности надзорных, воспитательных и иных профилактических мероприятий. Отметим, что с аналогичной проблемой сталкиваются в исправительных центрах Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, пути решения этой проблемы также видятся в оптимизации штатного расписания таким образом, чтобы снизить нагрузку на сотрудников, не предусмотренную должностными обязанностями [8, с. 133; 9, с. 43]. Отдельно обозначим в качестве фактора, детерминирующего совершение преступлений, функционирование ИУОТ с превышением лимита численности осужденных. Данное обстоятельство не характерно для Республики Беларусь в настоящее время, однако, учитывая его значимость, отметим, что перелимит приводит не только к формальному нарушению положений законодательства, но и препятствует надлежащей организации надзора и воспитательной работы с осужденными, способствует росту конфликтов (среди самих осужденных, между осужденными и сотрудниками администрации). Функционирование подразделения в таких условиях нарушается по всем направлениям служебной деятельности, сокращается плотность надзора [10, с. 124]. В учреждении создаются условия, способствующие совершению преступлений лицами, отбывающими наказание. Установление лимита численности осужденных осуществляется исходя из особенностей каждого

конкретного ИУОТ, поскольку в соответствии с ч. 2-1 ст. 48 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь норма жилой площади на одного осужденного должна составлять не менее трех квадратных метров. Правильно установленный лимит численности осужденных позволяет более эффективно применять весь спектр средств исправления, обеспечить соблюдение безопасности осужденных и персонала, санитарных требований, а также индивидуальный подход к осужденным со стороны администрации.

Таким образом, детерминантами совершения преступлений осужденными, отбывающими наказание в ИУОТ, помимо общих можно определить и специфические, связанные с особенностями порядка и условий отбывания этого вида ограничения свободы. Выявленные нами специфические детерминанты, оказывающие влияние на совершение осужденными, отбывающими наказание в ИУОТ, повторных преступлений, определяют совокупность мер по предупреждению совершения преступлений среди таких осужденных. На основании изложенного сформулируем специально-криминологические меры предупреждения преступлений среди лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ:

1. Использование электронных средств контроля (с учетом их технической доработки) либо иных информационных технологий (например, возможностей по отслеживанию местоположения, предоставляемых приложениями смартфонов), позволяющих непрерывно осуществлять наблюдение мест нахождения осужденных.

2. Организация своевременной постановки на профилактический учет осужденных, которая должна осуществляться при появлении достаточных оснований в отношении осужденных, требующих особого контроля.

3. Совершенствование штатного расписания ИУОТ либо (в качестве экономически более целесообразного предложения) закрепление соответствующих сотрудников областных управлений Департамента исполнения наказаний за теми направлениями деятельности, по которым не предусмотрено соответствующей должности в ИУОТ.

4. Оборудование в ИУОТ специализированных комнат для изоляции правонарушителей, оснащение и условия нахождения в которых позволяли бы помещать туда осужденных на срок свыше трех часов (вплоть до нескольких суток).

5. Организация взаимодействия с организациями, в которых работают осужденные, в части своевременного уведомления ИУОТ обо всех фактах нарушения осужденными трудовой дисциплины или отсутствия на рабочем месте.

6. Стимулирование сотрудников (как материальное, так и нематериальное) с целью повышения уровня их исполнительской дисциплины среди.

7. Организация работы с осужденными в плане противодействия распространению криминальной субкультуры среди них.

Литература

1. **Уваров И.А.** Общеуголовная пенитенциарная преступность в системе объектов пенитенциарной профилактики // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 2 (14). – С. 12–15.
2. **Кийко Н.В., Терещенко Т.Г.** Понятие и структура современной пенитенциарной преступности в Республике Беларусь // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России, Самара, 01–02 июня 2017 г. Том Вып. 5. Ч 1. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 125–128.
3. Российская криминологическая энциклопедия: преступность и борьба с ней в понятиях и комментариях / А.И. Алексеев [и др.]. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2000. – 802 с.
4. **Антонян Ю.М.** Криминология: избранные лекции. – Москва: Логос, 2004. – 448 с.
5. **Бажанов С.А., Исиченко А.И.** К вопросу о пенитенциарной преступности. – Москва: Юридическая литература, 1998. – 102 с.
6. **Гусев А.С., Охотина А.О.** О целесообразности введения системы профилактики правонарушений среди лиц, содержащихся в исправительных центрах ФСИН России // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 8 (236). – С. 333–335.
7. **Фомина Е.С.** Надзор за осужденными, состоящими на профилактическом учете как неотъемлемая часть профилактической работы в современных условиях // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. – 2022. – № 1 (17). – С. 51–53.
8. **Радченко М.Э.** К проблеме предупреждения совершения повторных преступлений осужденными к принудительным работам // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 4 (76). – С. 130–135.
9. **Дворянский И.В., Сика А.М.** Предупреждение преступлений, совершаемых осужденными к принудительным работам на территории исправительных центров (участков, функционирующих в режиме исправительных центров) и за их пределами // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2022. – № 4 (47). – С. 37–44.
10. **Хохрин С.А.** Предупреждение пенитенциарной преступности: проблемы и пути решения // Журнал российского права. – 2016. – № 3 (231). – С. 122–128.

References

1. **Uvarov I.A.** Obshcheugolovnaya penitenciarnaya prestupnost' v sisteme ob»ektov penitenciarnoj profilaktiki // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. – 2011. – № 2 (14). – S. 12–15.
2. **Kijko N.V., Tereshchenko T.G.** Ponyatie i struktura sovremennoj penitenciarnoj prestupnosti v Respublike Belarus' // Yuridicheskaya nauka i praktika: al'manah nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii, Samara, 01–02 iyunya 2017 g. Tom Vyp. 5. Ch 1. – Samara: Samarskij yuridicheskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2017. S. 125–128.
3. Rossijskaya kriminologicheskaya enciklopediya: prestupnost' i bor'ba s nej v ponyatiyah i kommentariyah / A.I. Alekseev [i dr.]. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2000. – 802 s.
4. **Antonyan Yu.M.** Kriminologiya: izbrannye lekci. – Moskva: Logos, 2004. – 448 s.
5. **Bazhanov S.A., Isichenko A.I.** K voprosu o penitenciarnoj prestupnosti. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1998. – 102 s.
6. **Gusev A.S., Ohotina A.O.** O celesoobraznosti vvedeniya sistemy profilaktiki pravonarushenij sredi lic, sodержashchih v ispravitel'nyh centrakh FSIN Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2024. – № 8 (236). – S. 333–335.
7. **Fomina E.S.** Nadzor za osuzhdennymi, sostoyashchimi na profilakticheskom uchte kak neot»emlemaya chast' profilakticheskoy raboty v sovremennykh usloviyah // Aktual'nye problemy penitenciarnoj nauki i praktiki. – 2022. – № 1 (17). – S. 51–53.
8. **Radchenko M.E.** K probleme preduprezhdeniya soversheniya povtornykh prestuplenij osuzhdennymi k prinuditel'nykh rabotam // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2023. – № 4 (76). – S. 130–135.
9. **Dvoryansky I.V., Sika A.M.** Preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemykh osuzhdennymi k prinuditel'nykh rabotam na territorii ispravitel'nykh centrov (uchastkov, funkcioniruyushchih v rezhime ispravitel'nykh centrov) i za ih predelami // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. – 2022. – № 4 (47). – S. 37–44.
10. **Hohrin S.A.** Preduprezhdenie penitenciarnoj prestupnosti: problemy i puti resheniya // Zhurnal rossijskogo prava. – 2016. – № 3 (231). – S. 122–128.

(статья сдана в редакцию 12.09.2025)

Уголовная ответственность юридических лиц в Китайской Народной Республике: правовые основы, практика применения и риски для бизнеса

The Criminal liability of legal entities in the People's Republic of China: legal basis, practice of application, and risks for business

УДК 34

Э.Р. Еникеева

(Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
Россия, Санкт-Петербург)
elvira_yenikeeva@mail.ru

Elvira R. Yenikeeva

(Herzen Russian State Pedagogical University,
Saint Petersburg, Russia)

И.В. Морозова

(Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
Россия, Санкт-Петербург)
ArishaVes@yandex.ru

Irina V. Morozova

(Herzen Russian State Pedagogical University,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: в статье исследуются сущность и правовые основы института уголовной ответственности юридических лиц в правовой системе Китайской Народной Республики, рассматривается его значение как объекта правового регулирования в контексте экономической деятельности и противодействия преступности. Выявлены и проанализированы исторические предпосылки формирования данного института.

Настоящее исследование базируется на содержательном анализе положений Уголовного кодекса КНР и других нормативных актов, устанавливающих ответственность организаций, а также на изучении актуальных научных исследований и материалов правоприменительной практики. Основными применяемыми методами являются формально-юридический, сравнительно-правовой, анализ правоприменительной практики. Цель данного исследования состоит в комплексном анализе правовой базы, практики применения и значения института уголовной ответственности юридических лиц в КНР для иностранных участников экономических отношений.

В результате исследования выявлены ключевые особенности правовой базы института уголовной ответственности юридических лиц в КНР (статьи 30, 31 Уголовного кодекса КНР, «двойная» ответственность), специфика правоприменительной практики, включая широкое применение в борьбе с коррупцией и экономическими преступлениями, а также влияние международных стандартов и антикоррупционного законодательства. Проанализированы как существенные риски для иностранных компаний, связанные с многоуровневостью правовой системы КНР и спецификой правоприменения, так и особенности теоретического осмысления корпоративной ответственности в КНР, приведены примеры из практики.

В заключение сформулированы основные различия подходов к уголовной ответственности юридических лиц в Китае и России, отмечена необходимость глубокого понимания специфики китайской правовой системы для иностранных компаний, осуществляющих деятельность в КНР, и важность внедрения комплаенс-систем для минимизации рисков.

Ключевые слова: уголовная ответственность; юридические лица; корпоративное преступление; Китай; КНР; Уголовный кодекс КНР; комплаенс; иностранный бизнес; Россия

Для цитирования: Еникеева Э.Р., Морозова И.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Китайской Народной Республике: правовые основы, практика применения и риски для бизнеса // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 118–126.

Abstract: the article examines the essence and legal basis of the institution of criminal liability of legal entities in the legal system of the People's Republic of China, considering its significance as an object of legal regulation in the context of economic activity and combating crime. Historical prerequisites for the formation of this institution are identified and analyzed.

This study is based on a substantive analysis of the provisions of the Criminal Code of the PRC and other regulations establishing the responsibility of organizations, as well as on the study of current academic research and law enforcement practice materials. The main methods used are the formal legal method, analysis of law enforcement practice, and comparative legal method. The purpose of this study is a comprehensive analysis of the legal framework, application practice, and significance of the institution of criminal liability of legal entities in the PRC for foreign participants in economic relations.

Key features of the legal basis of the institution of criminal liability of legal entities in the PRC (Articles 30, 31 of the Criminal Code of the PRC, "double" liability), specifics of law enforcement practice, including widespread application in combating corruption and economic crimes, as well as the influence of international standards and anti-corruption legislation, are identified. Significant risks for foreign companies associated with the multi-level nature of the PRC legal system and the specifics of law enforcement are analyzed, with examples from practice. The peculiarities of the theoretical understanding of corporate liability in the PRC are analyzed.

The main differences in approaches to the criminal liability of legal entities in China and Russia are formulated. The necessity of a deep understanding of the specifics of the Chinese legal system for foreign companies operating in the PRC and the importance of implementing compliance systems to minimize risks are emphasized.

Keywords: criminal liability; legal entities; corporate crime; China; PRC; Criminal Code of the PRC; compliance; foreign business; Russia

For citation: Yenykeyeva E.R., Morozova I.V. The Criminal liability of legal entities in the People's Republic of China: legal basis, practice of application, and risks for business // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 118–126.

Введение. В условиях стремительного развития экономических связей между странами и возрастания роли транснациональных корпораций вопрос уголовной ответственности юридических лиц приобретает особую актуальность. Для субъектов хозяйствования, выходящих на международные рынки, крайне важно понимание правовых систем стран-партнеров, особенно в части, касающейся применения публично-правовых санкций к организациям. Китайская Народная Республика как крупнейшая мировая держава и важный торговый партнер для многих государств обладает специфической правовой системой, знание которой является необходимым условием успешной деятельности.

Современный Китай позиционируется как государство с высокоразвитой криминологической системой, которое успешно внедряет программы ранней профилактики преступности. В стране ведется эффективная борьба с коррупционными проявлениями, экономической и киберпреступностью [1]. Отметим, что с момента образования КНР в 1949 г. была ликвидирована прежняя уголовно-исполнительная система [2], и на ее месте с опорой на теорию исправления и

ресоциализации осужденных начала постепенно формироваться новая система профилактики правонарушений [3]. Одной из важных особенностей законодательства КНР является наличие института уголовной ответственности юридических лиц, который существенно отличается от традиционных подходов, распространенных в континентальной правовой системе. В то время как и во многих юрисдикциях уголовная ответственность по-прежнему связывается исключительно с физическим лицом, в Китае организации признаются полноценными субъектами уголовного права [4]. Этот институт не только закреплен в Уголовном кодексе КНР, но и активно применяется на практике, оказывая существенное влияние на бизнес-среду и создавая потенциальные риски для компаний, работающих на китайском рынке, включая иностранные юридические лица.

Правовая система КНР представляет собой сложную, многоуровневую структуру, включающую помимо актов Всекитайского собрания народных представителей и его Постоянного комитета многочисленные подзаконные акты Государственного совета и министерств, провин-

циальные и муниципальные нормативы, разъяснения Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры, а также, что особенно важно в китайских реалиях, инструкции и решения местных партийных органов. Недооценка сложности, динамичности и многогранности этого массива правовых и квазиправовых норм может привести к серьезным правовым последствиям для неподготовленного бизнеса, вплоть до уголовного преследования [5].

Методология и материалы. Настоящее исследование базируется на содержательном анализе применяемых источников национального правового регулирования института уголовной ответственности юридических лиц в КНР, включая Уголовный кодекс КНР и другие нормативные акты, а также на изучении актуальных научных исследований. Основные применяемые методы: формально-юридический метод, анализ правоприменительной практики, сравнительно-правовой метод. Цель данного исследования состоит в комплексном анализе правовой базы, практики применения и значения института уголовной ответственности юридических лиц в КНР для иностранных участников экономических отношений.

Результаты исследования и их обсуждение. История формирования института уголовной ответственности юридических лиц в Китае неразрывно связана с процессами экономических реформ и политики открытости, начавшимися в конце 1970-х годов под руководством Дэн Сяопина. До этого периода уголовное право фокусировалось исключительно на физических лицах.

С развитием рыночной экономики и появлением частного сектора стало очевидно, что организации могут совершать преступления в своих интересах, нанося значительный ущерб. Привлечение к ответственности только физических лиц оказалось недостаточным для предотвращения таких деяний и наказания корпорации-бенефициара.

В 1980-е годы развернулась дискуссия о возможности привлечения корпораций к уголовной ответственности, хотя существовали возражения, связанные с традиционными представлениями о вине и субъекте преступления. Однако растущая необходимость борьбы с крупномасштабными проблемами «общества риска» (экологические катастрофы, финансовые махинации), с которыми не справлялись административные и гражданско-правовые санкции, подтолкнула к введению данного института.

Впервые уголовная ответственность юридических лиц была установлена в конце 1980-х в отдельных законах. Официальное закрепление институт получил в Уголовном кодексе КНР 1997 г., где он был интегрирован в общую часть и распространен на широкий круг преступлений.

С 1997 г. институт продолжает развиваться, демонстрируя тенденцию к усилению ответственности юридических лиц, особенно в период с 2010 по 2025 гг. Например, новый Закон КНР «О компаниях», вступивший в силу 1 июля 2024 г., предоставил компаниям большую автономию в части управления и регистрации, но одновременно усилил их ответственность за соблюдение принципов лояльности, добросовестности и должной осмотрительности со стороны руководителей и контролирующих лиц¹. Эти изменения в корпоративном законодательстве создают дополнительные основания для возможного привлечения к ответственности, в том числе уголовной, если нарушения корпоративных обязанностей повлекли преступные последствия. Таким образом, институт уголовной ответственности юридических лиц в Китае прошел путь от полного отрицания до законодательного закрепления и активного применения, что отражает адаптацию правовой системы к меняющимся социально-экономическим условиям страны².

Основу института уголовной ответственности юридических лиц в Китае составляют статьи 30 и 31 Уголовного кодекса КНР (далее – УК КНР). Эти статьи, входящие в параграф 4 главы 2 «О преступлении» Общей части УК КНР, формулируют фундаментальные правила применения уголовной ответственности к коллективным субъектам. Как отмечает А.В. Федоров, обращает на себя внимание различие в переводах названий этого параграфа на русский язык, например: «преступления, совершаемые организациями или учреждениями», «корпоративное преступление», «преступление, совершенное организацией». Несмотря на терминологические нюансы, в российских исследованиях применительно к китайскому уголовному праву понятия «преступления, совершенные организацией» и «корпоративные преступления» используются как тождественные для обозначения деяний, ответственность за которые предусмотрена этим параграфом [6]. УК КНР не содержит формального определения понятия «корпоративное преступление» или «преступление, совершенное организацией», однако, как отмечает А.В. Федоров, такое определение имелось в проекте новой редакции УК КНР 1997 г. В этом проекте указывалось, что «корпоративным преступлением признается общественно опасное деяние компании,

¹ Всеобъемлющие реформы Нового Закона КНР «О компаниях»: модернизация корпоративного управления и структуры [Электронный ресурс]. – URL: <https://ao-journal.ru/vseobemlyushchie-reformi-novogo-zakona-knr-o-kompaniyakh-modernizatsiya-korporativnogo-upravleniya-i-strukturi>

² Какие законы могут принять в КНР в 2024 году [Электронный ресурс]. – URL: https://cnlegal.ru/uncategorized/china_new_laws_2024/

предприятия, учреждения, органа, общественной организации, совершаемое решением коллектива организации либо ее руководителей для незаконного удовлетворения интересов организации». Отсутствие такого определения в окончательной редакции действующего УК КНР 1997 г. оставляет определенную свободу толкования и применения на практике, хотя приведенное проектное определение отражает основные черты, учитываемые судами: деяние совершается коллективным субъектом по решению его органов или руководства и направлено на получение незаконной выгоды или удовлетворение интересов самой организации. Это отличает корпоративное преступление от преступления, совершенного отдельным физическим лицом на предприятии, но не в интересах или от имени предприятия как такового.

Статья 30 УК КНР устанавливает общее правило, определяющее круг субъектов и основание их ответственности: «компании, предприятия, организации, учреждения, коллективы, осуществляющие опасную для общества деятельность, исходя из положений, установленных настоящим Кодексом для преступлений, совершаемых организациями или учреждениями, должны нести уголовную ответственность». Данная норма четко определяет широкий круг субъектов, подпадающих под действие института: по сути, это любые формы коллективного образования, осуществляющие какую-либо деятельность. Она также указывает на то, что их ответственность возникает не за любое общественно опасное деяние, а только в случаях, прямо предусмотренных уголовным законодательством, что соответствует принципу законности. При этом под «общественно опасной деятельностью» понимаются те действия или бездействия, которые содержат признаки преступления согласно диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК КНР или иного уголовного закона, где специально указана возможность привлечения к ответственности организаций.

Статья 31 УК КНР конкретизирует механизм реализации уголовной ответственности организаций и систему назначаемых наказаний: «для организаций, совершающих преступления, назначается наказание в виде штрафа, однако непосредственные руководители и прочие напрямую ответственные работники несут уголовную ответственность на общих основаниях. Данные случаи установлены настоящим Кодексом и иными законами, которые следует применять». Эта статья закрепляет так называемую двойную, или параллельную, ответственность, которая является характерной чертой китайской модели уголовной ответственности юридических лиц. С одной стороны, само юридическое лицо несет наказание имущественного характера, которое по УК КНР ограничивается штрафом.

С другой стороны, физические лица, которые непосредственно отвечают за принятие решений или совершение действий от имени организации, повлекших совершение преступления (как правило, это руководители различных уровней, члены совета директоров, менеджеры, а также иные сотрудники, чьи конкретные действия или бездействие привели к преступному результату), привлекаются к уголовной ответственности как физические лица на общих основаниях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК КНР. К ним могут применяться все виды наказаний, установленные для физических лиц, включая лишение свободы на различные сроки и даже смертную казнь за особо тяжкие преступления³.

Важно отметить, что применение статей 30 и 31 УК КНР возможно не только за нарушения, прямо предусмотренные в разделах и статьях Уголовного кодекса, но и за деяния, квалифицируемые как преступления в соответствии с иными законами, которые могут устанавливать ответственность организаций [5]. При этом, как уже упоминалось, под «китайским законодательством» в широком смысле понимается весь массив нормативных правовых актов и даже квазиправовых норм, включая подзаконные акты, провинциальные нормативы, разъяснения Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры, а также инструкции местных партийных органов. Нарушение любого из этих документов или инструкций может при наличии соответствующих признаков быть использовано как основание для инициирования преследования юридического лица и его сотрудников.

Помимо общих положений Уголовного кодекса КНР уголовная ответственность юридических лиц устанавливается применительно к конкретным составам преступлений, предусмотренным Особенной частью УК КНР и иными уголовными законами. Перечень таких составов достаточно широк и включает преступления в сфере экономики, экологии, общественной безопасности, кибербезопасности, борьбы с коррупцией и другие. В частности, этот институт широко применяется в сфере борьбы с коррупцией⁴. Статьи 389, 390, 390-1 и 391 УК КНР устанавливают ответственность, в том числе и организаций, за дачу взятки государственным служащим, государственным органам, предприятиям, учреждениям или коллективам, а также за дачу

³ Информация об антикоррупционном законодательстве КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://pekin.mid.ru/ru/poleznye_ssyilki/rossiyskomu_biznesu/sovety_biznesu/informatsiya_ob_antikorrupsionnom_zakonodatelstve_knr/

⁴ Информация об антикоррупционном законодательстве КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://pekin.mid.ru/ru/poleznye_ssyilki/rossiyskomu_biznesu/sovety_biznesu/informatsiya_ob_antikorrupsionnom_zakonodatelstve_knr/

взятки работникам негосударственных компаний в целях получения нелегальной выгоды. В случае совершения такого преступления организацией она наказывается штрафом, размер которого может быть значительным, а ответственные физические лица (руководители, сотрудники, непосредственно участвовавшие в даче взятки) несут уголовную ответственность на общих основаниях, предусмотренных для физических лиц, включая различные сроки лишения свободы.

Важно понимать контекст борьбы с коррупцией в Китае. Как отмечает А.В. Федоров, в Китае в настоящее время различаются обыденное (в широком смысле этого слова) и уголовно-правовое (узкоспециальное) понимание коррупции. Наиболее часто употребляемым эквивалентом термина «коррупция» является слово «танью» (贪污), состоящее из двух иероглифов «жадность» и «грязь», передающее образ порочности и развращенности, особенно когда слово «танью» используется в сочетании со словом «фубай» (腐败), означающим «загнивание» или «разложение», для описания коррумпированного чиновника, правительства или общества. В официальных документах и юридическом языке чаще используется более нейтральная терминология, описывающая конкретные действия: «и цюань мо усы» (以权谋私 – «использование служебного положения в личных целях»), «цзя гун цзи сы» (假公济私 – «использование общественных ресурсов для личной пользы») и «бу чжэн чжи фэн» (不正之风 – «неправильный стиль работы или нездоровые тенденции») [7].

Для осмысления китайской категории «коррупция» может быть полезной классификация ученого Хейденхеймера, который предложил систему, включающую три составляющие, охватываемые понятием «коррупция» в его самом широком понимании: 1) «черная коррупция», куда входят деяния, которые универсально признаются преступными и аморальными, такие как взятка (получение и дача), вымогательство, взятка, контрабанда, мошенничество, растрата, хищения, завладение государственными служащими чужой собственностью, злоупотребления и т. п. преступления; 2) «серая коррупция», описывающая ситуации, когда руководители организаций используют легальные, полулегальные или нелегальные методы для увеличения доходов своих организаций или повышения благосостояния их сотрудников; 3) «белая коррупция», включающая «обычную практику» общественной жизни, которая может считаться неэтичной или несправедливой, но не является уголовно наказуемой в большинстве случаев, например кумовство и фаворитизм при найме и продвижении по службе, нарушение правил при распределении материальных ресурсов или других благ, предпочтения, отдаваемые чиновникам родственникам, друзьям или землякам при решении

различных вопросов [7]. Максимальные меры наказания в отношении физических лиц за наиболее тяжкие коррупционные преступления (получение взятки, хищение государственного имущества) могут достигать смертной казни в случаях особо крупного размера (свыше 1,5 млн юаней). Хотя юридические лица не подвергаются таким суровым мерам, применение к ним штрафов, а главное, уголовное преследование ключевых сотрудников создает мощный стимул для соблюдения законодательства. Важное значение имеет также Закон КНР от 20 марта 2018 г. «О контроле», учредивший Государственный контрольный комитет КНР как высший контрольный орган, который тщательно регулирует вопросы противодействия коррупции, включая международное сотрудничество, экстрадицию и возврат активов⁵.

В теории уголовного права Китая до сих пор нет единого подхода к проблеме преступлений корпораций и ответственности за них, хотя институт закреплен законодательно. Дискуссии, начатые в 1980-х, сохраняют актуальность в части осмысления сущности «корпоративного преступления» (именно этот термин используется в современном УК КНР, хотя встречается и «преступление юридических лиц»). Обсуждаются различные концепции, включая рассмотрение корпоративного преступления как особой формы соучастия физических лиц, действующих в рамках организации.

На практике применение уголовной ответственности к юридическим лицам в Китае имеет свои особенности. Хотя закон предусматривает такую возможность для широкого круга преступлений, на деле институт наиболее активно используется в отношении экономических преступлений и нарушений в сфере общественной безопасности и экологии. Одним из наиболее резонансных примеров применения уголовной ответственности юридических лиц стал меламиновый скандал 2008 г., связанный с отравлением детей молоком, содержащим меламина. Аналогичные инциденты фиксировались и ранее, например в 2004 г. в Фу-яне⁶. В ходе расследования было установлено, что производитель и продавец преднамеренно фальсифицировали продукцию, что привело к гибели детей и серьезному ущербу здоровью десятков тысяч граждан. К виновным юридическим лицам были применены статьи 30 и 31 УК КНР. Физические лица, ответственные за деяние (руководители, сотрудники, партийные функционеры),

⁵ Информация об антикоррупционном законодательстве КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://pekin.mid.ru/ru/poleznye_ssyilki/rossiyskomu_biznesu/sovety_biznesu/informatsiya_ob_antikorrupsionnom_zakonodatelstve_knr/

⁶ Какие законы могут принять в КНР в 2024 году? [Электронный ресурс]. – URL: https://cnlegal.ru/uncategorized/china_new_laws_2024/

понесли суровое наказание, включая смертную казнь, пожизненные и длительные сроки лишения свободы. Однако, как отмечается, в подобных масштабных делах основной акцент часто делается на личной ответственности ключевых участников, что может ограничивать эффективность наказания самого юридического лица.

Другими примерами масштабных корпоративных нарушений, повлекших серьезные последствия, являются взрыв пыли в Куньшане в 2014 г. и пожар в Тяньцзине в 2017 г., приведшие к многочисленным жертвам и значительным экономическим потерям. Такие случаи подчеркивают риски, связанные с промышленной безопасностью, и необходимость усиления ответственности компаний. Согласно статистическим данным, корпоративные преступления составляют значительную долю (около трети) всех составов преступлений, регулируемых уголовным и административным законодательством в КНР. Например, Верховный народный суд Китая в 2022 г. рассмотрел более 7,5 тысяч дел, связанных с экологическими преступлениями, где юридические лица выступали в качестве ответчиков⁷. Тем не менее анализ судебной практики за последние годы показывает, что, хотя количество дел против юридических лиц растет, значительная их часть завершается назначением штрафов или административных санкций, тогда как применение уголовной ответственности непосредственно к самому юридическому лицу остается относительно редким явлением.

Важным инструментом профилактики корпоративных преступлений, который также влияет на правоприменительную практику, становится внедрение комплаенс-программ. Их отсутствие или неэффективность могут рассматриваться какотягчающее обстоятельство или даже служить основанием для привлечения компании к ответственности, тогда как наличие и эффективное функционирование комплаенс-системы может рассматриваться как смягчающее обстоятельство или основание для освобождения от ответственности в некоторых случаях. Примеры Куньшаня и Тяньцзина наглядно демонстрируют, что наличие действенной системы внутреннего контроля могло бы предотвратить катастрофы. Отдельное внимание уделяется ответственности за экономические нарушения, включая производство и реализацию некачественной продукции. Статья 140 УК КНР предусматривает жесткие меры наказания за такие деяния, вплоть до пожизненного заключения и конфискации имущества для физических лиц при особо круп-

ном размере ущерба (свыше 2 млн юаней) [8]. Организации также могут быть привлечены к ответственности в соответствии с общими положениями УК КНР.

Китай активно взаимодействует с международным сообществом в сфере противодействия преступности, включая корпоративные правонарушения и коррупцию. Присоединение КНР к Конвенции ООН против коррупции в 2006 г. сыграло ключевую роль в формировании внутренних нормативных актов⁸. Результаты мониторинга выполнения обязательств по Конвенции подчеркивают приверженность Китая внедрению международных стандартов. Международное сотрудничество проявляется также в участии Китая в работе Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ), где активно внедряются антикоррупционные стандарты. Отчеты об исполнении рекомендаций ФАТФ показывают совершенствование механизмов реализации санкций в отношении компаний, что способствует повышению прозрачности бизнес-среды. Китайское антикоррупционное законодательство представляет собой совокупность нормативных правовых актов, направленных на противодействие и предупреждение коррупции. Ключевую роль в координации этой работы выполняет Центральная комиссия Коммунистической партии Китая по проверке дисциплины совместно с Государственным контрольным комитетом. Основная нормативная база включает УК КНР 1997 г., Закон КНР «О контроле» 2018 г., Закон КНР «О недобросовестной конкуренции» 1993 г., Закон КНР «О борьбе с отмыванием денег» 2006 г., а также постановления Госсовета, разъяснения Верховного народного суда и внутривластных нормы. Как уже упоминалось, институт уголовной ответственности юридических лиц широко применяется именно в случаях коррупционных преступлений⁹. Закон КНР «О контроле» содержит подробные положения о международном антикоррупционном сотрудничестве, касающегося экстрадиции, правовой помощи и возвращения активов. Новые законодательные инициативы также демонстрируют стремление Китая к гармонизации внутреннего законодательства с международными стандартами. Например, правила регистрации зарубежных производителей продуктов питания в системе CIFER направлены на обеспечение безопасности потребителей и могут стать инструментом усиления ответственно-

⁸ Сравнение профилей стран Китай и Россия [Электронный ресурс]. – URL: https://anticor.world/main/country_compare/China?with_country=Russia

⁹ Информация об антикоррупционном законодательстве КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://pekin.mid.ru/ru/poleznye_ssyli/rossiyskomu_biznesu/sovetu_biznesu/informatsiya_ob_antikorrupcionnom_zakonodatelstve_knr/

⁷ Блог о законодательстве Китая [Электронный ресурс]. – URL: <https://cnlegal.ru/>

сти юридических лиц за качество импортируемой продукции. Изменения в Законе «О защите государственной тайны» (2024 г.) усиливают контроль над компаниями, работающими с конфиденциальной информацией, а планируемые изменения в Законе «О реагировании на чрезвычайные ситуации» (2024 г.) затронут процедуры управления рисками и повысят ответственность компаний за выполнение мер безопасности¹⁰. Усилия Китая по совершенствованию трудового законодательства, включая присоединение к международным договорам (Конвенция 1930 г. о принудительном труде), также отражаются на законодательстве, регулирующем деятельность юридических лиц, создавая прочную правовую основу для защиты прав работников. Механизмы контроля за исполнением трудового законодательства были усилены благодаря созданию многочисленных организаций по надзору¹¹. Таким образом, комплексный подход Китая к регулированию уголовной ответственности юридических лиц включает сочетание внутренних законодательных мер с учетом международных стандартов, что способствует повышению прозрачности и устойчивому развитию бизнеса.

Для иностранных, в частности российских, компаний, осуществляющих деятельность в КНР, институт уголовной ответственности юридических лиц представляет собой значительный риск, который часто недооценивается или игнорируется. Существует ошибочное мнение, что статьи 30 и 31 УК КНР применимы только к китайским предприятиям, однако законодательство и правоприменительная практика не содержат таких ограничений в отношении иностранных юридических лиц, нарушивших китайские законы. Основная опасность заключается в том, что под «китайским законодательством» понимаются не только центральные законы, но и весь массив подзаконных актов, региональных нормативов, разъяснений и местных инструкций. Незнание или игнорирование этих нюансов может привести к непредвиденным последствиям. Например, поставка продукции ненадлежащего качества, повлекшая ущерб здоровью граждан КНР, может стать основанием для привлечения российского юридического лица к уголовной ответственности как организации, а его представителей – как физических лиц. По мнению юриста Ильяса Сарсембаева, российский бизнес в КНР сталкивается с серьезными рисками из-за недостаточной правовой подготовки и понимания китайских реалий [5].

Риски для иностранного бизнеса в КНР не ограничиваются гражданско-правовыми спорами. Ненадлежащее исполнение контрактов, мошеннические действия, проблемы с расчетами через банки (например, ограничения по NRA-счетам, как в случае с Zhejiang Chouzhou Bank) могут быстро перейти в уголовную плоскость, где иностранное юридическое лицо будет являться не только потерпевшим, но и обвиняемым. В случае возникновения уголовного преследования, даже если компания находится за пределами КНР, возможны действия со стороны китайских правоохранительных органов в рамках Договора от 1992 г. между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам 1992 г. Чтобы избежать таких рисков, иностранному бизнесу крайне важно проводить тщательную юридическую проверку контрагентов, иметь квалифицированных юристов, специализирующихся на китайском праве (включая знание языка), и своевременно обращаться за помощью при возникновении проблем. Нельзя полагаться на неформальные методы решения вопросов, которые могут быть восприняты китайской стороной как попытки оказать неправомерное влияние и усугубить ситуацию [5]. Внедрение эффективных комплаенс-систем является еще одним критически важным шагом для минимизации рисков уголовной ответственности¹².

При сравнении подходов к уголовной ответственности юридических лиц в Китае и России выявляются существенные различия, обусловленные историческим развитием правовых систем и доминирующими правовыми традициями. Исторически и в настоящее время российское уголовное право, основанное на принципах континентальной правовой системы, придерживается классической концепции, согласно которой субъектом уголовной ответственности и наказания может быть только физическое лицо. В Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует прямое закрепление уголовной ответственности юридических лиц как самостоятельного субъекта преступления. Однако в последние годы в российском законодательстве и правовой доктрине наметились определенные тенденции к переосмыслению этого подхода и, возможно, к постепенному изменению ситуации. Появляются элементы, которые ряд ученых и практиков рассматривают как своего рода «завуалированное» или ограниченное введение уголовной ответственности организаций или, по крайней мере, уголовно-правового воздействия на них. Например, часть 3 статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает

¹⁰ What Laws May Be Adopted in the PRC in 2024? [Электронный ресурс]. – URL: https://cnlegal.ru/uncategorized/china_new_laws_2024/

¹¹ Генеральная Ассамблея [Электронный ресурс]. – URL: https://upr-info.org/sites/default/files/country-document/2024-01/A_HRC_WG.6_45_CHN_1_RU.pdf

¹² What Laws May Be Adopted in the PRC in 2024? [Электронный ресурс]. – URL: https://cnlegal.ru/uncategorized/china_new_laws_2024/

конфискацию имущества, переданного осужденным другому лицу (в том числе юридическому лицу), если это лицо (организация) знало или должно было знать, что имущество получено в результате преступных действий. Хотя конфискация в данном случае является иной мерой уголовно-правового характера, а не наказанием в строгом смысле, она очевидно затрагивает имущественные интересы юридического лица, не являющегося субъектом преступления. Более того, ряд федеральных законов, принятых в последние годы, уже непосредственно предусматривает возможность привлечения юридических лиц к уголовно-правовой ответственности в определенных, специфических случаях, связанных с особым статусом этих лиц или характером их деятельности. Так, Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах», регулирующий процесс редомициляции иностранных юридических лиц в специальные административные районы на территории Российской Федерации, устанавливает, что международная компания после такой редомициляции привлекается к гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности вместо иностранного юридического лица, прекратившего свое существование в иностранной юрисдикции. Другой пример – Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». Этот закон прямо предусматривает возможность привлечения таких лиц (как физических, так и юридических) к административной, уголовной и иной ответственности в установленных законом случаях [4].

Представляется, что в России постепенно складываются предпосылки для дальнейшего развития этого института, аналогичные тем социально-экономическим и правовым факторам, которые привели к его появлению в других странах и закреплению в Китае. А.В. Федоров проводит параллели с предпосылками принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в Российской империи, отмечая, что крупные изменения в материальном праве, социально-экономические преобразования и запрос общества на новые правовые механизмы исторически способствовали реформам уголовного процесса. В контексте современности такими предпосылками являются, в частности, рост масштабной экономической и транснациональной преступности, совершаемой с использованием корпоративных структур, несовершенство существующих механизмов административной ответственности юридических лиц для борьбы с такими деяниями, а также имплементация международных стандартов, которые требуют наличия эффективных мер, в том числе уголовно-правовых, против юридических лиц. Однако, несмотря на эти наметившиеся тенденции и ведущиеся дискуссии, российский подход к уго-

ловной ответственности юридических лиц пока что кардинально отличается от китайского. В КНР этот институт является давно устоявшимся, прямо закрепленным в основном уголовном законе и широко применяемым на практике, пусть и с определенными особенностями и сложностями доказывания. Он охватывает широкий спектр преступлений, где организация выступает в качестве полноценного субъекта ответственности. В России же это, скорее, зарождающееся явление, ограниченное отдельными специальными нормами вне Уголовного кодекса Российской Федерации или мерами уголовно-правового характера, не являющимися наказанием.

Выводы. Институт уголовной ответственности юридических лиц в Китайской Народной Республике является важной особенностью правовой системы страны, сформировавшейся в ходе экономических реформ и адаптации к вызовам современного общества. Закрепленный в статьях 30 и 31 Уголовного кодекса КНР, он предусматривает двойной механизм ответственности: штраф для организаций и уголовное преследование для непосредственно ответственных физических лиц. Сложность китайского законодательства, включающего помимо центральных законов многочисленные подзаконные и региональные акты, требует от участников экономических отношений, особенно иностранных компаний, глубокого понимания правовой среды. Нарушение даже локальных нормативов может повлечь серьезные последствия, включая уголовное преследование юридического лица и его руководителей.

Практика показывает, что российские компании нередко сталкиваются с серьезными проблемами в КНР, вызванными недооценкой правовых рисков, недостаточной юридической подготовкой и отсутствием квалифицированных специалистов со знанием китайского права и языка. Китай активно интегрирует международные стандарты в области борьбы с коррупцией и экономическими преступлениями, что отражается в его законодательстве и правоприменительной практике. Внедрение эффективных программ становится необходимым условием для снижения рисков уголовной ответственности и обеспечения добросовестности ведения бизнеса в КНР. В то время как в Китае институт уголовной ответственности юридических лиц – явление устоявшееся, в России он находится на начальной стадии развития, реализуясь лишь в специфических, ограниченных формах и оставаясь предметом активных доктринальных дискуссий и законодательских инициатив. Это различие означает, что российским компаниям, работающим в Китае, необходимо адаптировать свои правовые стратегии и системы управления рисками к специфике китайской правовой системы, которая более широко и последовательно применяет публично-правовые санкции, включая уголовные, к коллективным субъек-

ектам. Успешная деятельность в КНР требует не только экономического прагматизма, но и глубокого уважения и понимания местной правовой культуры и регуляторной среды. При этом нужно отметить,

что уголовную политику России и Китая объединяет одна цель — защита прав и законных интересов личности и общества от преступных посягательств [9].

Литература

1. **Качурова Е.С.** Некоторые особенности государственной политики КНР в уголовно-исполнительной сфере на современном этапе // Российско-китайские исследования. — 2022. — Т. 6. — № 1. — С. 7–12.
2. Гао Минсюань. Зарождение, становление и развитие, совершенствование уголовного законодательства в Китайской Народной Республике / под ред. Н.А. Сидоровой, И.А. Васильева; пер. с кит. Пан Дунмэй, Ван Гуанлун. — Москва: Проспект, 2021. — 568 с.
3. **Мяханова А. Н., Скиба А.П.** Уголовно-исполнительная политика Китайской Народной Республики: некоторые аспекты // Уголовно-исполнительное право. — 2024. — Т. 19. — № 1. — С. 96–101.
4. **Федоров А.В.** Уголовная ответственность юридических лиц: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и его влияние на современный уголовный процесс (памяти Николая Андреевича Буцковского (1811–1873): материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 2025 г. — Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. С. 7–12.
5. **Сарсембаев И.** Уголовная ответственность юридических лиц в КНР, или Непредвиденные риски российского бизнеса в Поднебесной [Электронный ресурс] // Zakon.ru. — 2024. — URL: https://zakon.ru/blog/2024/02/20/ugolovnaya_otvetstvennost_yuridicheskikh_lic_v_knr_ili_nepredvidennyye_riski_rossijskogo_biznesa_v_pod
6. **Федоров А.В.** Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Китая // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2022. — № 3 (33). — С. 19–40.
7. **Федоров А.В.** Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления в Китайской Народной Республике // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2014. — № 4 (52). — С. 92–101.
8. **Пшеничных А.В.** Сравнительно-правовой анализ российского и китайского уголовного законодательства в части преступных деяний, связанных с производством и оборотом товаров и услуг, не отвечающих требованиям безопасности // Философия права. — 2022. — № 3 (102). — С. 175–180.
9. **Фоменко О.Н.** Концепции уголовной политики Китая и России: точки соприкосновения // Научный журнал Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 2. — № 3–4. — С. 140–147.
10. **Гао М., Дунмэй М.** Сравнительный анализ принципов уголовного права Китая и России // Lex Russica. — 2018. — № 12 (145). — С. 119–131.
11. **Пан Д.** Уголовная ответственность юридических лиц в Китае: традиционные подходы и современный выбор // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14. — № 4. — С. 613–622. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(4).613-622. — EDN VNYKZF.

References

1. **Kachurova E.S.** Nekotorye osobennosti gosudarstvennoj politiki KNR v ugolovno-ispolnitel'noj sfere na sovremennom etape // Rossijsko-kitajskie issledovaniya. — 2022. — T. 6. — № 1. — S. 7–12.
2. Gao Minsyuan'. Zarozhdenie, stanovlenie i razvitie, sovershenstvovanie ugolovnogogo zakonodatel'stva v Kitajskoj Narodnoj Respublike / pod red. N.A. Sidorovoj, I.A. Vasil'eva; per. s kit. Pan Dunmej, Van Guanlun. — Moskva: Prospekt, 2021. — 568 s.
3. **Myahanova A. N., Skiba A.P.** Ugolovno-ispolnitel'naya politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki: nekotorye aspekty // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. — 2024. — T. 19. — № 1. — S. 96–101.
4. **Fedorov A.V.** Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic: ot Ustava ugolovnogogo sudoproizvodstva 1864 g. do Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii / Ustav ugolovnogogo sudoproizvodstva 1864 g. i ego vliyaniye na sovremennyy ugolovnyj process (pamyati Nikolaya Andreevicha Buckovskogo (1811–1873): materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 2025 g. — Moskva: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2024. S. 7–12.
5. **Sarsembaev I.** Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic v KNR, ili Nepredvidennyye riski rossijskogo biznesa v Podnebesnoj [Elektronnyj resurs] // Zakon.ru. — 2024. — URL: https://zakon.ru/blog/2024/02/20/ugolovnaya_otvetstvennost_yuridicheskikh_lic_v_knr_ili_nepredvidennyye_riski_rossijskogo_biznesa_v_pod
6. **Fedorov A.V.** Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic po zakonodatel'stvu Kitaya // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. — 2022. — № 3 (33). — S. 19–40.
7. **Fedorov A.V.** Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic za korrupcionnye prestupleniya v Kitajskoj Narodnoj Respublike // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. — 2014. — № 4 (52). — S. 92–101.
8. **Pshenichnyh A.V.** Sravnitel'no-pravovoj analiz rossijskogo i kitajskogo ugolovnogogo zakonodatel'stva v chasti prestupnykh deyanij, svyazannyh s proizvodstvom i oborotom tovarov i uslug, ne otvechayushchih trebovaniyam bezopasnosti // Filosofiya prava. — 2022. — № 3 (102). — S. 175–180.
9. **Fomenko O.N.** Konceptii ugolovnoj politiki Kitaya i Rossii: tochki soprikosnoveniya // Nauchnyj zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. — 2018. — T. 2. — № 3–4. — S. 140–147.
10. **Gao M., Dunmej M.** Sravnitel'nyj analiz principov ugolovnogogo prava Kitaya i Rossii // Lex Russica. — 2018. — № 12 (145). — S. 119–131.
11. **Pan D.** Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic v Kitae: tradicionnye podhody i sovremennyy vybor // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. — 2020. — T. 14. — № 4. — S. 613–622. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(4).613-622. — EDN VNYKZF.

(статья сдана в редакцию 29.09.2025)

**Влияние условий содержания на право
получения компенсации за ненадлежащие
условия содержания в учреждениях
уголовно-исполнительной системы****Impact of custody conditions on the right to receive
compensation for inadequate custody conditions
in criminal execution system institutions**

УДК 34.037

Л.М. Сечкова(Академия ФСИН России,
Рязань, Россия)
lyubabugrova@mail.ru**Lyubov` M. Sechkova**(Academy of the Federal Penitentiary
Service of Russia,
Russia, Ryazan)

Аннотация: в статье анализируется, как несоответствие условий содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы установленным нормам влияют на возможность получения компенсации. Автор отмечает распространенность проблем, связанных с переполненностью камер, недостатком санитарно-гигиенических условий и медицинского обеспечения. Отмеченное, в свою очередь, предопределяет повышенный научный интерес к исследованию данной сферы, поскольку актуальность вопросов правового регулирования, эффективности механизмов компенсации и их влияния на защиту прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных требует глубокого теоретического и практического анализа. Цель исследования – выявить и систематизировать взаимосвязь между условиями содержания и компенсацией за ненадлежащие условия содержания, а также разработать научно обоснованные подходы к оценке надлежащих условий содержания на основе анализа статистики, экспертных оценок и норм международного права. Выявленные проблемы в реализации механизма компенсации за ненадлежащие условия содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных свидетельствуют о существовании ряда объективных и субъективных факторов, препятствующих обеспечению надлежащих условий содержания, к которым относятся: недостаточное финансирование уголовно-исполнительной системы; неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей сотрудниками и работниками учреждений; несоблюдение норм санитарной жилой площади помещений при размещении лиц, содержащихся под стражей; недостаточная правовая регламентация по отдельным вопросам, касающимся механизма компенсации за ненадлежащие условия содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, и т.д.

Ключевые слова: ненадлежащие условия содержания; уголовно-исполнительная система; права человека; компенсация; подозреваемые; обвиняемые; осужденные

Для цитирования: Сечкова Л.М. Влияние условий содержания на право получения компенсации за ненадлежащие условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 127–133.

Abstract: the article analyzes how the discrepancy between the conditions of detention in institutions of the penal correction system and the established norms affect the possibility of receiving compensation. The author notes the prevalence of problems related to overcrowding of cells, lack of sanitary and hygienic

conditions and medical care. This, in turn, determines the increased scientific interest in the study of this area, since the relevance of issues of legal regulation, the effectiveness of compensation mechanisms and their impact on the protection of the rights of suspects, accused and convicted requires a deep theoretical and practical analysis. The purpose of the study is to identify and systematize the relationship between conditions of detention and compensation for improper conditions of detention, as well as to develop scientifically sound approaches to assessing appropriate conditions of detention based on the analysis of statistics, expert assessments and norms of international law. The identified problems in the implementation of the compensation mechanism for improper conditions of detention of suspects, accused and convicted persons indicate the existence of a number of objective and subjective factors that hinder the provision of adequate conditions of detention, which include: insufficient funding of the penal enforcement system; non-fulfillment or improper performance of official duties by employees and employees of institutions; non-compliance with the standards of sanitary living space of premises during placement persons in custody; insufficient legal regulation on certain issues related to the mechanism of compensation for the inadequate conditions of detention of suspects, accused and convicted persons, etc.

Keywords: inadequate conditions of detention; penal system; human rights; compensation; suspects; accused; and convicts

For citation: Sechkova L.M. Impact of custody conditions on the right to receive compensation for inadequate custody conditions in criminal execution system institutions // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 127–133.

Введение. Российская Федерация является правовым государством, где права человека провозглашаются наивысшей ценностью. Ограничение или лишение человека свободы возлагает на государство обязанности по созданию надлежащих условий содержания, соблюдению требований законности, охране его жизни и здоровья. Право на свободу и личную неприкосновенность является неотчуждаемым правом каждого человека, что предопределяет наличие конституционных гарантий охраны и защиты достоинства личности, запрета применения пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания.

Некоторые теоретические аспекты, связанные с определением и содержанием института компенсации, а также с его механизмами реализации в различных отраслях права, неоднократно становились предметом научных исследований и аналитических работ отечественных и зарубежных ученых: С.С. Алексеева [1, с. 72], О.Ш. Аюпова [2, с. 117], М.И. Байтина [3, с. 126], Ю.С. Гамбарова [4, с. 42], Е.А. Джалиловой [5, с. 23], О.С. Иоффе [6, с. 49], Е.А. Киримова [7, с. 14], А.С. Кривцова [8, с. 62–63], А.Ф. Малого [9, с. 92], О.П. Масюкевича [10, с. 210], Д.Е. Петрова [11, с. 135], С.В. Полениной [12, с. 52] и других.

Меры принуждения, ограничивающие свободу и личную неприкосновенность, применяемые в связи с необходимостью изоляции лица от общества, предусмотрены законодательством об административных правонарушениях, уго-

ловным, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным законодательством и иными федеральными законами. Несмотря на различия оснований и порядка применения указанных выше мер, помещение в места принудительного содержания, а также перемещение физических лиц в транспортных средствах должно осуществляться с соблюдением принципов уважения человеческого достоинства и в соответствии с требованиями закона, исключая любое незаконное физическое или психологическое жестокое обращение. Несоблюдение таких требований является нарушением условий содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы и запрещенным обращением [13, с. 20].

Ф.В. Грушин справедливо отмечает, что непродуманная уголовно-исполнительная политика способна породить явления, выступающие в качестве дестабилизирующего фактора для политической системы государства [14, с. 125]. Однако ненадлежащие условия содержания – довольно распространенная проблема не только для России, но и для многих других государств. Переполненность камер, отсутствие необходимых санитарно-гигиенических условий, ненадлежащее медицинское обеспечение и другое служит основанием для обращения осужденных и лиц, находящихся под стражей, для защиты своих нарушенных прав в суды.

Описание исследования. Статистические данные имеют решающее значение при оценке деятельности учреждений и органов ФСИН России, а также для принятия различных управленческих решений, поскольку большинство по-

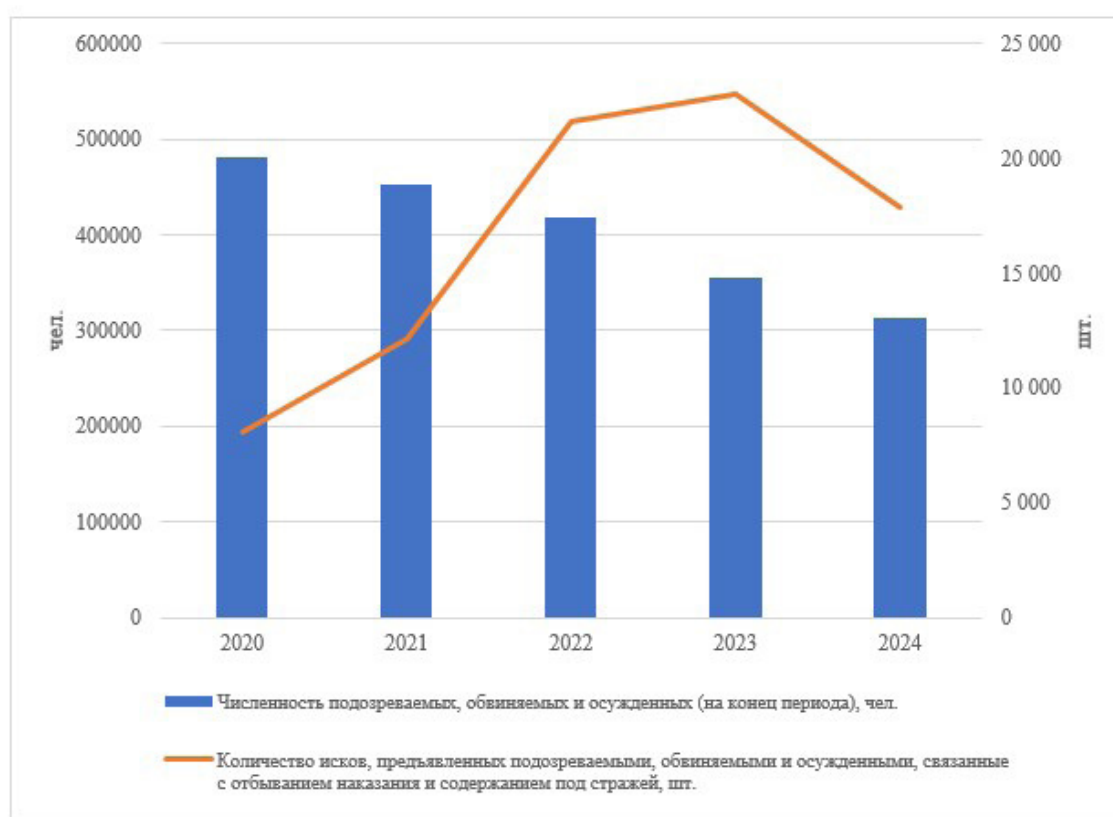

Рисунок 1. Анализ численности подозреваемых, обвиняемых и осужденных и количество предъявляемых исков

казателей, свидетельствующих о ненадлежащих условиях содержания, основаны на ежегодных наблюдениях, и для получения статистически значимых результатов необходимо учитывать длительный временной промежуток. В рамках нашего исследования за основу приняты показатели 2020–2024 гг., при этом как базовые значения использованы данные за 2020 г., что позволяет обеспечить более объективную оценку и анализ динамики изменений, а также провести оценку эффективности мер по улучшению условий содержания.

Для проведения анализа текущего состояния условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также компенсаций использованы информационно-аналитические сборники ФСИН России «Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы»¹. На рисунке 1 представлена динамика изменения численности подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также объем судебных исковых требований, предъявляемых указанными категориями участников правоотношений.

¹ Информационно-аналитические сборники ФКУ НИИИТ ФСИН России за 2020–2024 гг. «Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы». Документ в открытой печати не опубликован.

По состоянию на 31 декабря 2024 г., в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 313 139 человек, что на 64% меньше базового показателя, из них осужденных – 221 945 человек, что на 59% меньше базы; подозреваемых и обвиняемых – 91 194 человека, что на 87% меньше, чем в 2020 г. Одновременно мы наблюдаем рост количества исков, предъявляемых подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, связанных с отбыванием наказания, содержанием под стражей в период с 2020 по 2023 гг.: с 8 079 до 22 729 исков (202%), при этом в 2024 г. данный показатель снизился на 22% (4 909 исков) и составил 17 883 иска по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (далее – АППГ). Таким образом, мы можем сделать вывод об отсутствии прямой связи между количеством подозреваемых, обвиняемых и осужденных и количеством исков, предъявляемых ими.

Далее приведем суммарные показатели исков, предъявленных подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в связи с отбыванием наказания и содержанием под стражей (см. рис. 2).

При изучении статистической отчетности ФСИН России было установлено, что суммы исков, предъявленных подозреваемыми, обвиняемыми

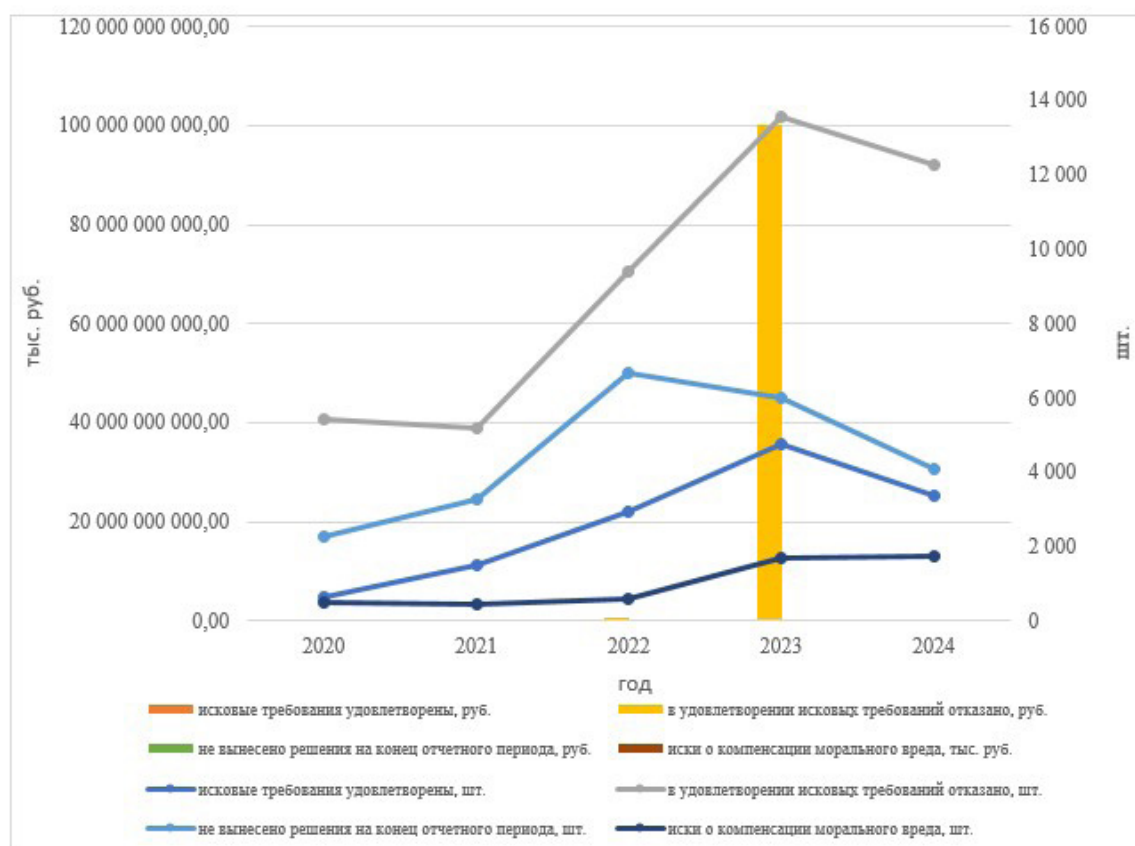

Рисунок 2. Динамика численности подозреваемых, обвиняемых, осужденных и исковых требований, связанных с ненадлежащими условиями содержания

и осужденными, выросли с 5 751 255,5 тыс. руб. в 2020 г. до 100 115 231 294,78 тыс. руб. (1 755 227%) в 2023 г. и затем снизились на 99,98% (16 176 020,9 тыс. руб.). Также наблюдается рост выплаченных сумм исков с 25 966,98 тыс. руб. до 121 397,42 тыс. руб. (79%) в 2023 г. и соответствующее снижение на 67% в 2024 г. (40 817,19 тыс. руб.).

Анализ результатов проведенного анкетирования показал, что мнения респондентов относительно размеров компенсации значительно разнятся. Так, из 319 сотрудников уголовно-исполнительной системы 260 (81,3%) сообщили о столкновениях в своей служебной деятельности с нарушениями условий содержания под стражей и в исправительных учреждениях, 194 (60,8%) считают размеры компенсаций, присуждаемых подозреваемым, обвиняемым и осужденным, достаточными. Среди сотрудников и работников юридической службы (отдела) 127 (45,5%) выступают за уменьшение размеров компенсаций, 87 (31,2%) — за их увеличение и 65 (23,3%) — за оставление без изменений. 50% экспертов также выступают за уменьшение размеров компенсаций. При этом прокуроры и помощники прокурора единогласны во мнении, что размеры компенсаций необходимо умень-

шить (100%). Среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных лишь 151 (24,6%) считают размеры компенсации достаточными, тогда как 463 (75,4%) полагают, что их необходимо увеличить.

Анализ представленных данных позволяет сделать вывод о том, что в условиях отсутствия законодательно закрепленного механизма оценки надлежащих условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных заявленные суммы исковых требований не соответствуют принципам разумности и справедливости. В результате возникает существенный разрыв между фактическими условиями содержания и предъявляемыми требованиями, что негативно сказывается на эффективности судебных решений и создает дополнительные риски для обеспечения правовой определенности.

Анкетирование подозреваемых, обвиняемых и осужденных показало, что абсолютное большинство респондентов считает необходимым увеличение размеров выплачиваемой компенсации — 463 (75,4%), в отличие от 127 сотрудников уголовно-исполнительной системы (45,5%), 15 экспертов и прокуроров (50%) и 25 помощников прокурора (100%) высказались за уменьше-

ние размеров компенсации за ненадлежащие условия содержания.

Анализ решений, по которым иски о возмещении ущерба удовлетворены (частично удовлетворены) показал, что в большинстве случаев причиной удовлетворения заявлений о ненадлежащих условиях содержания является отсутствие необходимых принадлежностей на складе по неопределенным причинам либо естественный износ и пришедшая в негодность материально-техническая база учреждения, также не исключен формальный подход администрации учреждения уголовно-исполнительной системы к решению проблемы. В то же время суды отказывают в удовлетворении требований по причине несоответствия размера заявленной суммы компенсации подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными принципам разумности и справедливости, а также из-за отсутствия негативных последствий для заявителя.

Еще одной характерной особенностью дел, связанных с ненадлежащими условиями содержания, является значительная разница в размерах компенсационных выплат за аналогичные нарушения, совершенные со стороны администрации, лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Так, суммы компенсаций в анализируемых нами решениях варьировались от 300 руб. до 300 000 руб. за схожие нарушения, что создает правовую неопределенность, субъективность судебных решений,

риск злоупотреблений в данной сфере. Так, при анкетировании сотрудников и работников юридической службы (отдела) 136 (49,5%) полагают, что размер компенсации за ненадлежащие условия содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных должен составлять до 100 тыс. руб., этой точки зрения придерживаются и 43,3% экспертов, при этом 52% прокуроров, помощников прокурора полагают, что размер компенсации не должен превышать 10 тыс. руб.

Отметим, что существует значительный разрыв в разрезе регионов по показателям количества судебных актов и средних сумм компенсации за 2024 г. На рисунке 3 представлены показатели по регионам с наибольшим количеством судебных актов, вынесенных не в интересах ФСИН России.

Анализ представленных данных показывает, что между количеством зарегистрированных нарушений и средним размером компенсации отсутствует прямая зависимость как на общероссийском уровне, так и на уровне регионов. При этом наблюдается значительная разница в средних суммах компенсаций более чем в 1,5 раза. Например, в Белгородской области при относительно высоком числе зарегистрированных нарушений – 365 случаев – средняя сумма компенсации составляет 24 300 руб., что является минимальным значением среди рассмотренных регионов. В то же время в Сахалинской области при меньшем числе дел (234) средняя

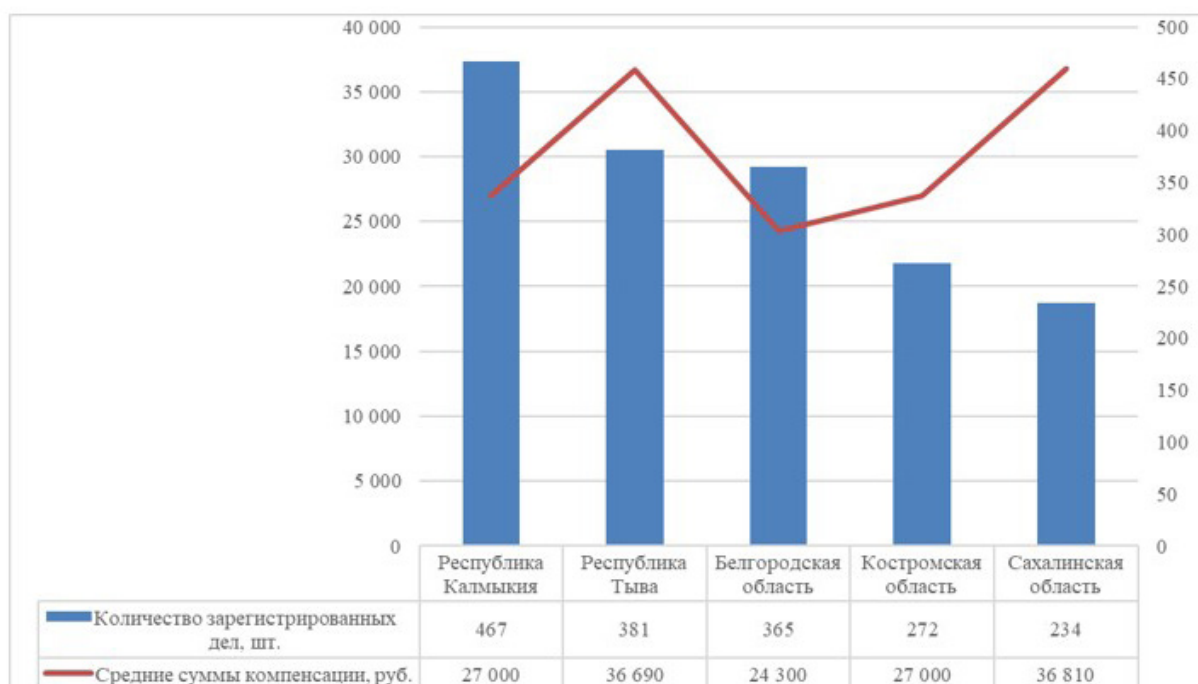

Рисунок 3. Распределение по регионам показателей количества судебных актов, вынесенных в 2024 г.

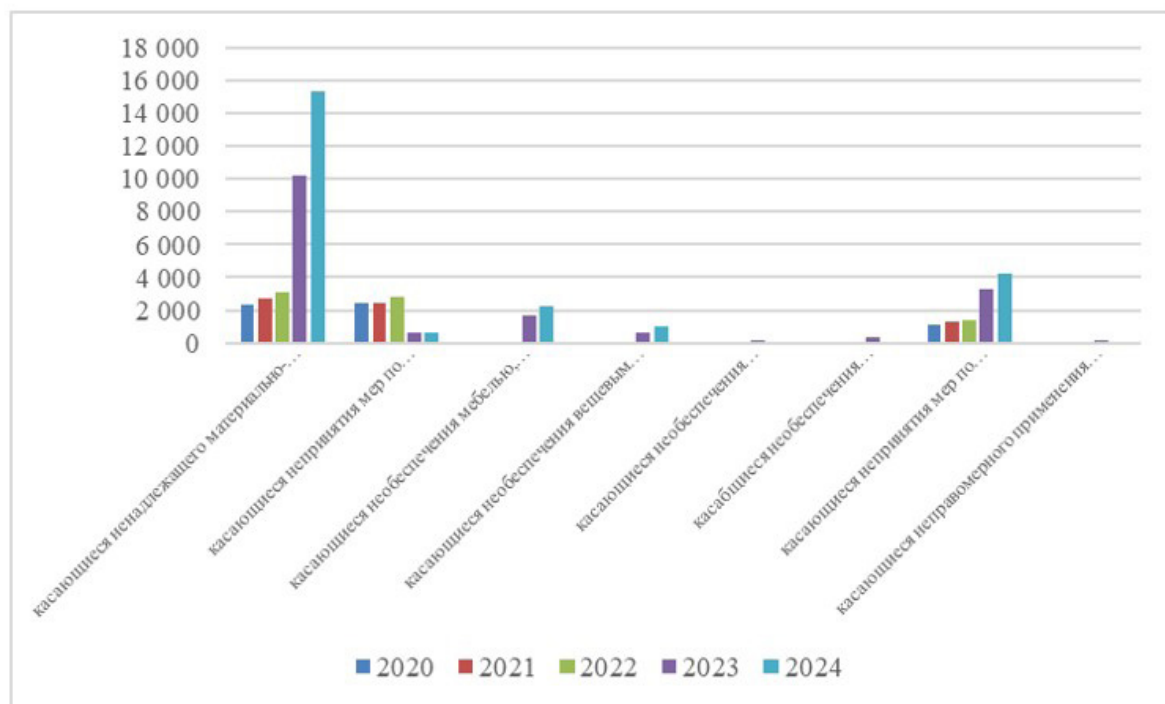

Рисунок 4. Разбивка актов прокурорского реагирования по видам нарушений

сумма компенсации достигает 36 810 руб. Указанные тенденции находят подтверждение в данных прокурорских проверок, проводимых в субъектах Российской Федерации. Так, по итогам 2024 г. в Республике Калмыкии зафиксирован самый высокий показатель актов прокурорского реагирования, составляющий 368,7 акта на 1 000 подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Самый низкий показатель составил 196,69 акта на 1 000 человек в Сахалинской области (см. рис. 4).

Как видно из представленных данных, самый большой скачок количества актов прокурорского реагирования касается ненадлежащего материально-бытового обеспечения с 2 296 в 2020 г. до 15 317 (567,1%) в 2024 г. Следующая категория по количеству актов касается непринятия мер по медицинскому обеспечению подозреваемых, обвиняемых и осужденных: 4 227 в 2024 г., что на 908 больше, чем в АППГ.

Результаты приведенных данных прокурорских проверок подтверждают наличие существенных различий в ситуации с соблюдением прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных в различных регионах Российской Федерации. Анализ этих данных в сочетании с информацией о суммах компенсаций позволяют сделать вывод о необходимости проведения комплексного анализа причин таких различий и разработки эффективных мер для обеспечения более справедливого и единообразного правового регулирования в сфере защиты прав подо-

зреваемых, обвиняемых и осужденных. Важно не только выявлять нарушения, найти причину, но и обеспечивать их эффективное устранение и адекватную компенсацию.

Заключение. В целях систематизации нарушений условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных нами была разработана классификация по признаку типичности. К типичным нарушениям условий содержания были отнесены: отсутствие горячего водоснабжения; не обеспечение вещевым довольствием; неоказание или ненадлежащее (в том числе несвоевременное) оказание медицинской помощи; не обеспечение надлежащего питания и доступа к чистой питьевой воде; не обеспечение мебелью, инвентарем и предметами хозяйственного обихода; нарушения норм санитарно-гигиенических требований. В свою очередь, нетипичными являются: лишение права на просмотр телепередач, фильмов, пользование настольными играми; наличие в спальнях помещений железных кроватей вместо деревянных; плохое освещение. В перспективе внедрение системы оценки нарушений по признаку типичности может стать частью унифицированных механизмов мониторинга и контроля, что, в свою очередь, поможет оптимизировать и стандартизировать процесс назначения компенсации. Также это позволит более объективно оценивать эффективность мер по улучшению условий содержания и обеспечивать соблюдение прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Литература

1. **Алексеев С.С.** Структура советского права. 1975 / Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. – Москва: Статут, 2010. – 471 с.
2. **Аюпов О.Ш.** Компенсация и возмещение как смежные понятия // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 350. – С. 116–119.
3. **Байтин М.И.** Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков): монография. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2001. – 416 с.
4. **Гамбаров Ю.С.** Курс гражданского права. Т. 1. – Санкт-Петербург: типография М.М. Стасюлевича, 1911. – 24 с.
5. **Джалилова Е.А.** Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – Т. 1. – № 2. – С. 22–31.
6. **Иоффе О.С.** Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. – Вып. 14. – 1968. – С. 45–60.
7. **Киримова Е.А.** Правовой институт: понятие и виды / под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2000. – 52 с.
8. **Кривцов А.С.** Общее учение об убытках. – Юрьев: типография К. Маттисена, 1902. – 219 с.
9. **Малый А.Ф., Логунова С.О.** Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 91–96.
10. **Масюкевич О.П.** Теория государства и права: учебное пособие для студентов средних специальных учебных заведений юридического профиля. – Москва: Дашков и К, 2002. – 318 с.
11. **Петров Д.Е.** Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права / под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов: СГАП, 2015. – 472 с.
12. **Поленина С.В.** Теоретические проблемы системы советского законодательства. – Москва: Наука, 1979. – 205 с.
13. **Розачева О.С.** Особенности административного судопроизводства по делам об обжаловании условий содержания под стражей, в исправительных учреждениях : практика ЕСПЧ и новое правовое регулирование // Журнал административного судопроизводства. – 2020. – №2. – С. 16–23.
14. **Грушин Ф.В.** Гуманизация как одно из основных направлений уголовно-исполнительной политики Российской Федерации / Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер probation, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества: сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России, Рязань, 31 октября 2024 г. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 125–126.

References

1. **Alekseev S.S.** Struktura sovet'skogo prava. 1975 / Sbranie sochinenij: v 10 t. T. 2: Special'nye voprosy pravovedeniya. – Moskva: Statut, 2010. – 471 s.
2. **Ayupov O.Sh.** Kompensaciya i vozmeshchenie kak smezhnye ponyatiya // Vestnik Tom'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 350. – S. 116–119.
3. **Bajtin M.I.** Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov): monografiya. – Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2001. – 416 s.
4. **Gambarov Yu.S.** Kurs grazhdanskogo prava. T. 1. – Sankt-Peterburg: tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1911. – 24 s.
5. **Dzhaliilova E.A.** Problemy opredeleniya ponyatiya i sushchnosti instituta prava // Vestnik Volzh'skogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. – 2018. – T. 1. – № 2. – S. 22–31.
6. **Ioffe O.S.** Strukturnye podrazdeleniya sistemy prava (na materialah grazhdanskogo prava) // Uchenye zapiski VNIISZ. – Vyp. 14. – 1968. – S. 45–60.
7. **Kirimova E.A.** Pravovoj institut: ponyatie i vidy / pod red. I.N. Senyakina. – Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2000. – 52 s.
8. **Krivcov A.S.** Obshchee uchenie ob ubytkah. – Yur'ev: tipografiya K. Mattisena, 1902. – 219 s.
9. **Malyj A.F., Logunova S.O.** Instituty prava i pravovye instituty v sovremennom rossijskom prave i osobennosti ih formirovaniya // Obrazovanie i pravo. – 2021. – № 2. – S. 91–96.
10. **Masyukevich O.P.** Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoe posobie dlya studentov srednih special'nykh uchebnykh zavedenij yuridicheskogo profilya. – Moskva: Dashkov i K, 2002. – 318 s.
11. **Petrov D.E.** Differenciatsiya i integratsiya strukturnykh obrazovaniy sistemy rossijskogo prava / pod red. I.N. Senyakina. – Saratov: SGAP, 2015. – 472 s.
12. **Polenina S.V.** Teoreticheskie problemy sistemy sovet'skogo zakonodatel'stva. – Moskva: Nauka, 1979. – 205 s.
13. **Rogacheva O.S.** Osobennosti administrativnogo sudoproizvodstva po delam ob obzhalovanii uslovij soderzhaniya pod strazhej, v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah : praktika ESPCh i novoe pravovoe regulirovanie // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. – 2020. – №2. – S. 16–23.
14. **Grushin F.V.** Gumanizatsiya kak odno iz osnovnykh napravlenij ugovolno-ispolnitel'noj politiki Rossijskoj Federacii / Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossijskoj Federacii: voprosy ispolneniya ugovolnykh nakazaniy, realizacii mer probacii, vzaimodejstviya s publichnoj vlast'yu i institutami grazhdanskogo obshchestva: sbornik tezisev vystuplenij i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, priurochennoj k 90-letiyu so dnya obrazovaniya Akademii FSIN Rossii, Ryazan', 31 oktyabrya 2024 g. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2024. S. 125–126.

(статья сдана в редакцию 12.09.2025)

Некоторые аспекты выявления и документирования преступной деятельности, связанной с незаконной добычей и оборотом янтаря

Some aspects of identifying and documenting criminal activities related to the illegal extraction and trafficking of amber

УДК 343

А.Р. Сицкая

(Институт управления
и территориального развития
Балтийского федерального университета
имени Иммануила Канта;
Управление экономической безопасности и
противодействия коррупции УМВД России по
Калининградской области
Калининград, Россия)
a_sitsskaya@mail.ru

Arfenia R. Sitskaya

(Institute of Management
and Territorial Development
Immanuel Kant Baltic Federal University;
The operative of the Department of Economic
Security and Anti-Corruption of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
in the Kaliningrad Region,
Russia, Kaliningrad)

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию организационно-тактических проблем выявления и документирования преступлений, связанных с незаконной добычей и оборотом янтаря. На основе анализа современной оперативной практики выявлен комплекс системных ограничений, снижающих эффективность правоохранительной деятельности в данной сфере. К числу ключевых проблем отнесены: процессуально-временные барьеры при проведении оперативно-разыскных мероприятий, требующих судебного санкционирования, дефицит кадровых и материально-технических ресурсов, низкий уровень межведомственного взаимодействия, высокая латентность и сложность доказывания многоэпизодности преступной деятельности. В качестве основных направлений оптимизации предложены разработка стандартизированных алгоритмов как по выявлению и документированию преступной деятельности, так и по подготовке установленных форм межведомственного взаимодействия, внедрению комплексной системы технического мониторинга месторождений, кадровому и техническому усилению правоохранительных органов и силовых структур.

Реализация указанных мер может положительно сказаться на повышении эффективности противодействия преступным группам, действующим не только в сфере незаконного оборота янтаря, но и иных полезных ископаемых, драгоценных и полудрагоценных камней. Таким образом, преодоление выявленных организационно-тактических проблем может положительно сказаться на увеличении оперативного потенциала правоохранительных органов в борьбе с конкретным видом преступной деятельности и создать универсальные управленческие и процессуальные прецеденты, что, в свою очередь, способно стимулировать формирование целостной практико-ориентированной системы противодействия криминальным угрозам в сырьевом секторе экономики, основанной на принципах активного межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: выявление преступлений; документирование преступной деятельности; оперативно-разыскная деятельность; доказывание, незаконная добыча янтаря; деятельность правоохранительных органов, преступления экономической направленности; экологические преступления; локальная преступность; янтарь

Для цитирования: Сицкая А.Р. Некоторые аспекты выявления и документирования преступной деятельности, связанной с незаконной добычей и оборотом янтаря // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 134–140.

Abstract: this article is devoted to the study of organizational and tactical problems in identifying and documenting crimes related to the illegal extraction and circulation of amber. Based on an analysis of current operational practices, a set of systemic limitations has been identified that reduce the effectiveness of law enforcement activities in this area. Key issues include procedural and time barriers in conducting operational and investigative activities that require judicial authorization, a lack of human and material resources, a low level of interagency cooperation, high latency, and difficulties in proving the multi-episode nature of criminal activity. The main areas of optimization include the development of standardized algorithms for identifying and documenting criminal activities, as well as the preparation of established forms of interagency cooperation, the implementation of a comprehensive technical monitoring system for deposits, as well as personnel and technical reinforcement. The implementation of these measures can have a positive impact on increasing the effectiveness of countering criminal groups operating not only in the illegal trafficking of amber, but also in other minerals, precious and semi-precious stones. Thus, overcoming the identified organizational and tactical problems can have a positive impact not only on increasing the operational capacity of law enforcement agencies in the fight against specific types of criminal activity, but also on creating universal management and procedural precedents, which in turn can stimulate the formation of a comprehensive, practice-oriented system for countering criminal threats in the raw materials sector of the economy, based on the principles of active interagency cooperation.

Keywords: detection of crimes; documentation of criminal activity; operational and investigative activities; proof; illegal extraction of amber; activities of law enforcement agencies; economic crimes; environmental crimes; local crime; amber

For citation: Sitskaya A.R. Some aspects of identifying and documenting criminal activities related to the illegal extraction and trafficking of amber // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 134–140.

Современные тенденции развития общества, науки и практики в сфере получения первичной информации о преступлении, производства оперативно-разыскных действий и доследственной проверки необратимо стремятся к использованию современных научно-технических средств, информационных баз данных, к аналитическим мероприятиям по отношению к огромному массиву отчетов и сведений, не всегда касающихся предмета оперативного и следственного интереса. Практическая деятельность в небольших населенных пунктах и областных центрах при этом редко способна соответствовать актуальным тенденциям. Проблема нехватки не только профессионально подготовленных специалистов, но и специалистов как таковых отбрасывает прогрессивные методики первоначального расследования на десятилетия назад, превращая работу оперуполномоченных, дознавателей и следователей в бесконечный аналитический процесс, порой лишенный желанного результата.

Основываясь на фундаментальном методе индукции в научном познании, можно говорить о том, что часть проблемных вопросов, возникающих при анализе глобальных вопросов теории и практики оперативно-разыскной деятельности, просматривается на примерах локальных преступлений. К криминальной деятельности частного характера относятся деяния в сфере незаконной добычи и оборота янтаря. Считаем важным подчеркнуть их многогранность и уникальность, связанную с рядом

абсолютно индивидуальных в совокупности характеристик, рассмотренных ниже.

Стоит отметить, что янтарь по своим свойствам не относится к драгоценным или полудрагоценным камням, а представляет собой редкий минералоид, отличающийся своим происхождением из окаменевшей ископаемой смолы. Согласно же действующему уголовно-правовому законодательству янтарь оценивается наравне с нефритом, жемчугом и иными полудрагоценными камнями¹. Несмотря на разнообразие его разновидностей (сукцинит, геданит, глессит и прочие), наибольшую ценность представляет собой сукцинит ввиду особых физических свойств (достаточной прочности, легкости в обработке, однородной структуры). Сфера его использования в настоящее время не ограничивается ювелирной и сувенирной продукцией, янтарь также используют в медицинских, косметических, декоративных, агротехнических целях и приборостроении.

Вопреки многовековой истории существования янтаря как объекта экономического и криминального интереса уголовно-правовая регламентация ответственности за его самовольную добычу в современном законодательстве была осуществлена сравнительно недавно посредством внесения изменений в действующее законодательство в

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2019 году², а именно редакцией статей 191, 255 Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, частью 2 статьи 255 Уголовного кодекса Российской Федерации за нарушения в сфере оборота янтаря предусмотрена уголовная ответственность за самовольную добычу данного минералоида лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное статьей 7.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; согласно части 3 статьи 255 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за самовольную добычу янтаря в крупном размере (стоимость которого превышает один миллион рублей). Части 1–3 статьи 191 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают уголовную ответственность за совершение сделки, связанной с заведомо самовольно добытым янтарем, а равно его незаконным хранением, перевозкой или пересылкой в любом виде, состоянии, наряду с нефритом и иными полудрагоценными камнями, за исключением ювелирных и бытовых изделий и лома таких изделий. Согласно части 1 статьи 191 Уголовного кодекса Российской Федерации наказанию подлежит лицо, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное статьей 7.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; часть 2 статьи 191 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает санкцию за указанные деяния, совершенные в крупном размере; часть 3 статьи 191 Уголовного кодекса Российской Федерации – за деяния, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, совершенные организованной группой либо группой лиц по предварительному сговору³.

Одним из ключевых факторов документирования преступной деятельности с целью последующей реализации в действующей редакции статей 255 и 191 Уголовного кодекса Российской Федерации становится самовольная добыча янтаря с использованием специализированных технических средств, результатом которой является нарушение целостности недр. Исходя из результатов опроса представителей Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Калининградской области и Западного линейного управления МВД России на транспорте, перед уполномоченными оперативными сотрудниками

ставится задача выявления и документирования не отдельного элемента преступной деятельности, а полноценного цикла незаконных действий, включающих процесс самовольной добычи янтаря, а также последующих действий, направленных на его транспортировку, хранение, либо совершение сделки с минераломидом, добытым заведомо и самовольно.

Ограниченная правоприменительная практика, обусловленная в том числе и локальным характером распространения янтаря, поскольку 90% его мировых запасов сконцентрировано в поселке Янтарный Калининградской области [4], детерминирует отсутствие в современной науке комплексных исследований, направленных на выявление и документирование преступной деятельности, связанной с незаконной добычей и оборотом янтаря. Тем не менее научный интерес к теме настоящего исследования отражен в работах таких исследователей, как Т.С. Волчецкая, О.С. Зиберова, И.А. Ишин, Н.А. Ренер и других [1; 2; 3; 4].

На территории Российской Федерации интерес к дорогостоящим редким экземплярам янтаря зачастую проявляют только коллекционеры и исследователи. Обилие доступной сувенирной продукции и полимерных имитаций с середины 1990-х годов изрядно испортило репутацию благородного минералоида, ранее ассоциировавшегося с легендарным богатством Российской Империи, однако мистические истории Янтарной комнаты и описываемые в различных культурах мифические свойства янтаря увеличивают спрос на сукинит в странах Европы и Азии, что порождает еще одну особенность криминальной деятельности, связанной с янтарем, – контрабанду.

Как было отмечено выше, большая часть мирового запаса сукинита сконцентрирована на территории Калининградской области, являющейся полуанклавом, не имеющим сухопутной границы с иными регионами Российской Федерации и расположенным в непосредственной близости с западными странами. Ввиду сложившихся политических условий наиболее доступный транспортный путь в регионе морской, что касается как легального, так и теневого товарообмена.

Обособленность территории распространения янтаря сказывается на формировании локальных преступных групп: как было выявлено в произведенных ранее исследованиях [5, с. 168], абсолютное большинство участников преступных групп, самовольно добывающих янтарь, являются коренными жителями Калининградской области, нередко связанными родственными либо близкими дружескими взаимоотношениями. Речь идет о западных районах области, близких к местам распространения минералоида, однако есть и исключения в виде представителей восточной и центральной частей,

² См.: сайт прокуратуры Калининградской области (обновляется в течение суток) [Электронный ресурс]. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru>

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

что, на наш взгляд, имеет большое значение для расследования преступной деятельности данного направления в силу сравнительно небольших размеров Калининградской области, общая площадь которой немногим превышает 15 тыс. км².

Ввиду повышенного криминогенного потенциала янтарь может являться предметом преступных посягательств в рамках разнородных составов преступлений:

- имущественных преступлений, причем в данном случае незаконное деяние (кража, грабеж, разбой, мошенничество либо вымогательство) может быть совершено как в отношении законного владельца (физическому или юридическому лицу), так и нелегальных сбытчиков;

- экономических преступлений в сфере незаконной предпринимательской деятельности, контрабанде, легализации денежных средств, добытых преступным путем, уклонении от уплаты налогов и таможенных платежей;

- экологических преступлений, а именно нарушения правил охраны и использования недр.

Как показали результаты проведенного среди сотрудников правоохранительных органов опроса, преступная деятельность, связанная с янтарем, преимущественно имеет комплексный характер, поскольку локальные криминальные группы заинтересованы в полном цикле работы с минералом – от его добычи до реализации и легализации денежных средств, что в отличие от указанных выше индивидуальных особенностей янтаря сближает его с иными группами полезных ископаемых, поскольку подчеркивает двойную правовую природу объекта: как изъятый из недр ценности и как элемента гражданского оборота и собственности.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что на данном этапе становится возможным определение некоторых фундаментальных характеристик, с одной стороны, выделяющих янтарь как уникальный предмет преступного посягательства, а с другой – обобщающих элементов криминалистической характеристики неправомерных деяний, связанных с минералом. Допуская ситуационную модель, где преступная деятельность, связанная с самовольной добычей янтаря с потенциальной целью дальнейшего хранения и сбыта совершена организованной преступной группой, состоящей из лиц, постоянно проживающих на территории Калининградской области, ключевым элементом остается форма и объем первоначальной оперативной информации, подлежащей последующей проверке, предоставление результатов оперативно-разыскной деятельности с целью последующего процесса доказывания.

Рассматривая актуальные организационно-тактические меры по выявлению и документированию преступлений таких авторов, как Г.В. Дытченко,

Д.В. Кольцов, Е.Л. Никитин, можно говорить о том, что в контексте преступных деяний, связанных с самовольной добычей и последующим оборотом янтаря, необходимо учитывать специфику предмета преступного посягательства с целью построения системы оперативно-разыскных мероприятий, нацеленных на фиксацию конкретного противоправного деяния.

Преступления в сфере самовольной добычи и оборота янтаря характеризуются высоким уровнем латентности [6; 7]. На наш взгляд, это обусловлено такими факторами, как удаленность мест добычи минералоида от жилых массивов (лес или акватория Балтийского моря), добыча преимущественно в ночное время, а также высокий уровень противодействия со стороны местных жителей, выраженный в отказе содействия и передачи информации, касающейся лиц, промышляющих самовольной добычей янтаря.

В рамках теории оперативно-разыскной деятельности под выявлением преступлений данной категории понимается целенаправленная работа оперативных подразделений, ориентированная на обнаружение фактов противоправного извлечения янтаря-сырца, его аккумуляирования и дальнейшего сбыта, а также установление причастных к этому лиц.

В настоящее время комплексная деятельность по выявлению фактов незаконной добычи янтаря и его последующего оборота преимущественно возложена на подразделение экономической безопасности и противодействия коррупции и включает следующие аспекты:

- поиск и получение первичной оперативной информации о признаках самовольной добычи янтаря (работа агентурного аппарата, аналитика площадок нелегального сбыта, обнаружение новых мест добычи);

- проверка полученных сведений о фактах незаконной добычи янтаря и причастных лиц;

- оперативный поиск лиц, располагающих сведениями о противоправной деятельности, вещественных доказательств;

- реализация материалов дел оперативного учета для формирования оснований для возбуждения уголовного дела.

Таким образом, в контексте самовольной добычи и оборота янтаря выявление и документирование (в развитие позиции Д.В. Кольцова) [6] приобретают ключевое значение и заключаются в проведении комплекса оперативно-разыскных мероприятий, направленных на получение первичной информации, заведения дела оперативного учета, фиксацию процесса незаконной разработки недр, установление каналов сбыта и легализации, с последующим отражением полученных данных в соответствующей нормативным актам документации.

В целях выявления и документирования преступлений, связанных с незаконной добычей янтаря, сотрудники оперативных подразделений решают задачи по определению комплекса оперативно-разыскных мероприятий, необходимых для их проведения, а также обеспечивают организационно тактическую и материально-техническую подготовку мероприятий.

Анализ практики оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в Калининградской области позволил установить, что наиболее эффективными при выявлении и документировании данной категории преступлений являются следующие оперативно-разыскные мероприятия:

- опрос лиц, потенциально причастных к самовольной добыче янтаря, а также его последующей реализации, местных мастеров и производителей изделий из янтаря, торгующих им в розницу на территории региона, лиц, проживающих вблизи мест возможной добычи янтаря, а также лиц, реализующих оборудование, которое используется в целях самовольной добычи янтаря на различных торговых площадках, в том числе в сервисах бесплатных объявлений в сети Интернет, и других возможно осведомленных лиц;

- наведение справок посредством направления запросов в таможенные, налоговые и иные контролирующие органы, а также путем использования доступных информационных систем и сервисов МВД России;

- исследование предметов и документов, включая анализ таможенной и финансовой документации;

- наблюдение с использованием средств фиксации;

- обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;

- прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи, что особенно актуально в целях документирования деятельности преступных групп, определение роли их участников.

К возможным доступным оперативно-разыскным мероприятиям, направленным на документирование преступной деятельности, также относится получение компьютерной информации, однако фактов использования данных мероприятий в указанных целях сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в Калининградской области не отмечено.

В работах Е.В. Горенской, Р.М. Зулкарнеева и Ю.А. Лавриченко имеются обоснованные рекомендации проведения таких мероприятий, как оперативный эксперимент и отождествление личности для установления всех участников преступной группы [8]. На наш взгляд, в контексте рассматриваемой

преступной деятельности данные мероприятия как отдельное оперативно-разыскное мероприятие менее эффективны, поскольку достаточные сведения о составе преступной группы возможно получить путем указанных выше оперативно-разыскных мероприятий, в частности прослушивания телефонных переговоров и снятия информации с технических каналов связи, а также получения компьютерной информации, наведение справок и других. Кроме того, отождествление личности может являться составным элементом комплекса гласных или негласных оперативно-разыскных мероприятий. Оперативный эксперимент же ввиду замкнутости региона, невысокой численности уполномоченных оперативных сотрудников может привести к расшифровке проводимых мероприятий, а также создать условия, угрожающие жизни и здоровью участвующих лиц.

Несмотря на существование развернутого комплекса оперативно-разыскных мероприятий, направленных на выявление и документирование незаконной добычи и оборота янтаря, их практическая реализация сопряжена с рядом системных ограничений. К числу ключевых проблемных факторов, на наш взгляд, относятся:

- жесткие временные рамки ведения дел оперативного учета, не всегда соответствующие продолжительности проведения оперативно-разыскных мероприятий, требующих судебного санкционирования и последующей аналитической обработки полученных сведений;

- организационно-технические противоречия, выражающиеся в дублировании функций вследствие несовершенства систем электронного документооборота и низкого уровня межведомственного взаимодействия;

- дефицит кадровых ресурсов, обусловленный профессиональным оттоком и недостаточным материально-техническим оснащением подразделений;

- низкая эффективность привлечения к ответственности лиц, оказывающих противодействие на этапе выявления и документирования преступной деятельности, производства проверочных мероприятий, что способствует высокому уровню латентности преступлений в данной сфере.

Указанные факторы усугубляются сложностями последующего доказывания преступлений в сфере исследования: проблематично установление точного количества эпизодов и объективная оценка объемов янтаря, находящегося в теневом сегменте.

В целях оптимизации деятельности целесообразно привлечение профильных специалистов для проведения аналитики и прогнозирования потенциальных мест добычи янтаря в регионе, что позволит усилить контроль на выявленных участках; также продуктивным станет расширение системы технического мониторинга, включающее

размещение стационарных и мобильных комплексов видеофиксации в местах повышенного риска несанкционированной добычи янтаря.

Таким образом, аспекты, касающиеся выявления и документирования преступной деятельности в области самовольной добычи янтаря, характеризуются комплексными междисциплинарными проблемами, требующими системного подхода. Следует подчеркнуть, что, несмотря на специфику исследуемого объекта, обусловленную как уникальными свойствами янтаря, так и географической ограниченностью его месторождений, основные проблемные аспекты сопоставимы с теми, которые возникают при выявлении и документировании иных видов противоправной деятельности. В частности, аналогичные сложности наблюдаются при расследовании незаконных действий, связанных с добычей других полезных ископаемых, а также драгоценных и полудрагоценных камней. Вместе с тем практическая эффективность широкого ком-

плекса возможных оперативно-разыскных мероприятий снижается за счет ряда фундаментальных ограничений: процессуально-временных барьеров, ресурсного дефицита, низкого уровня межведомственного взаимодействия, а также противодействия со стороны преступных структур.

Ключевыми направлениями оптимизации деятельности правовых органов, на наш взгляд, могут являться процессуально-технологическая модернизация, выраженная в ускорении процедур судебного санкционирования оперативно-разыскных мероприятий; развитие электронного межведомственного взаимодействия; кадровое и техническое усиление; методическое совершенствование как в широком, так и в узком смысле, проявляющееся не только в разработке стандартизированных алгоритмов по выявлению и документированию преступной деятельности, но и подготовке установленных форм межведомственного взаимодействия.

Литература

1. **Волчецкая Т.С.** Криминалистическая ситуалогия: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1997. – 394 с.
2. **Волчецкая Т.С., Малевски Г.М., Ренер Н.А.** Проблемы развития янтарной отрасли и противодействие незаконному обороту янтаря в Балтийском регионе // Балтийский регион. – 2017. – № 4. – С. 114–128.
3. **Ишин И.А.** О состоянии оперативно-разыскного противодействия незаконному обороту полудрагоценных камней // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – №1 (65). – С. 156–162.
4. **Ишин И.А.** Факторы, влияющие на состояние оперативно-разыскного противодействия незаконному обороту янтаря и нефрита // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. – 2025. – №1 (102). – С. 212–217.
5. **Флорья Д.Ф.** Проблемы проведения отдельных оперативно-разыскных мероприятий при получении компьютерной информации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2018. – № 2 (75). – С. 119–122.
6. **Кольцов Д.В.** Оперативно-розыскное противодействие незаконной добыче общераспространенных полезных ископаемых // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1. – С. 128–133.
7. **Никитин Е.Л., Дытченко Г.В.** Прокурорский надзор за законностью проведения и документирования оперативно-разыскных мероприятий: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – 279 с.
8. **Горенская Е.В., Зулкареев Р.М., Лавриченко Ю.А.** Борьба с экономическими преступлениями в угольной промышленности, в том числе связанными с незаконным предпринимательством и нарушениями правил охраны и использования недр: монография. – Москва: ВНИИ МВД России, 2014. – 95 с.
9. **Петров Э.И., Марченко Р.Н., Баранова Л.В.** Криминологическая характеристика и предупреждение экономических преступлений: учебное пособие. – Москва: Академия МВД России, 1995. – 81 с.
10. **Сицкая А.Р.** К вопросу об актуальных проблемах выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с самовольной добычей янтаря / Оперативно-разыскная деятельность: актуальные вопросы теории и практики: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2025. С. 168–173.
11. **Тувшизова М.Е.** Особенности таможенного контроля янтаря // БИТ. – 2017. – № 4. – С. 56–59.
12. **Ушаков В.Н., Шейгец В.Е., Зеденизова И.И.** О незаконной добыче янтаря // Молодой ученый. – 2020. – № 10 (300). – С. 56–59.
13. **Цирит О.А., Кошелева А.А.** Особенности субъективных признаков незаконной добычи и оборота янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней // Известия ТулГУ. – 2023. – № 1. – С. 94–104.
14. **Ясько П.С.** Особенности доказывания преступлений в сфере незаконного оборота янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 373–376.

References

1. **Volcheckaya T.S.** Kriminalisticheskaya situologiya: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Moskva, 1997. – 394 s.
2. **Volcheckaya T.S., Malevski G.M., Renner N.A.** Problemy razvitiya yantarnoj otrasli i protivodejstvie nezakonnomu oborotu yantarya v Baltijskom regione // Baltijskij region. – 2017. – № 4. – S. 114–128.
3. **Ishin I.A.** O sostoyanii operativno-razysknogo protivodejstviya nezakonnomu oborotu poludragocennyh kamnej // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2023. – №1 (65). – S. 156–162.
4. **Ishin I.A.** Faktory, vliyayushchie na sostoyanie operativno-razysknogo protivodejstviya nezakonnomu oborotu yantarya i nefrita // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. V.V. Luk'yanova. – 2025. – №1 (102). – S. 212–217.
5. **Florya D.F.** Problemy provedeniya otdel'nyh operativno-razysknyh meropriyatij pri poluchenii komp'yuternoj informacii // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. – 2018. – № 2 (75). – S. 119–122.

6. **Kol'cov D.V.** Operativno-rozysknoe protivodejstvie nezakonnnoj dobyche obshcherasprostranennyh poleznyh iskopaemyh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 1. – S. 128–133.
7. **Nikitin E.L., Dytchenko G.V.** Prokurorskiy nadzor za zakonnost'yu provedeniya i dokumentirovaniya operativno-rozysknyh meropriyatij: uchebnoe posobie. – 3-e izd., pererab. i dop. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2021. – 279 s.
8. **Gorenskaya E.V., Zulkarneev R.M., Lavrichenko Yu.A.** Bor'ba s ekonomicheskimi prestupleniyami v ugol'noj promyshlennosti, v tom chisle svyazannymi s nezakonnym predprinimatel'stvom i narusheniyami pravil ohrany i ispol'zovaniya nedr: monografiya. – Moskva: VNII MVD Rossii, 2014. – 95 s.
9. **Petrov E.I., Marchenko R.N., Barinova L.V.** Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie ekonomicheskikh prestuplenij: uchebnoe posobie. – Moskva: Akademiya MVD Rossii, 1995. – 81 s.
10. **Sicskaya A.R.** K voprosu ob aktual'nyh problemah vyyavleniya, preduprezhdeniya, presecheniya i raskrytiya prestuplenij, svyazannyh s samovol'noj dobychej yantarya / Operativno-rozysknaya deyatel'nost': aktual'nye voprosy teorii i praktiki: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Rostov-na-Donu: Rostovskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2025. S. 168–173.
11. **Tuvishova M.E.** Osobennosti tamozhennogo kontrolya yantarya // BIT. – 2017. – № 4. – S. 56–59.
12. **Ushakov V.N., Shejgec V.E., Zedgenizova I.I.** O nezakonnnoj dobyche yantarya // Molodoj uchenyj. – 2020. – № 10 (300). – S. 56–59.
13. **Cirit O.A., Kosheleva A.A.** Osobennosti sub»ektivnyh priznakov nezakonnnoj dobychi i oborota yantarya, nefrita ili inyh poludragocennyh kamnej // Izvestiya TulGU. – 2023. – № 1. – S. 94–104.
14. **Yas'ko P.S.** Osobennosti dokazyvaniya prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota yantarya, nefrita ili inyh poludragocennyh kamnej, dragocennyh metallov, dragocennyh kamnej libo zhemchuga // Obrazovanie i pravo. – 2021. – № 2. – S. 373–376.

(статья сдана в редакцию 10.09.2025)

Бесплатная квалифицированная юридическая помощь как гарантия доступа к правосудию для потерпевшего в уголовном судопроизводстве

Free qualified legal assistance as a guarantee of access to justice for victims in criminal proceedings

УДК 343.1

З.А. Шалагина

(Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
z.andr1@yandex.ru

Zinaida A. Shalagina

(University of Ministry of the Internal of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: статья посвящена проблеме обеспечения доступа к правосудию на стадии предварительного расследования, где стороны имеют право на квалифицированную юридическую помощь в лице адвоката, которая предоставляется с одной лишь разницей: для обвиняемого – за счет государства, а для потерпевшего – за его собственный счет. Это противоречит конституционному принципу равенства, провозглашенному ст. 19 Конституции Российской Федерации и получившему отражение в процессуальных нормах ст. 244 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что, в свою очередь, приводит к правовому дисбалансу при реализации принципа состязательности сторон, поскольку гарантия в виде квалифицированной юридической помощи, обеспечивающая потерпевшему доступ к правосудию, работает только при наличии у последнего соответствующих финансовых ресурсов, позволяющих оплатить услуги адвоката. В этой связи автором проанализированы предусмотренные законом случаи обязательного участия адвоката при реализации процессуальных прав лица, признанного потерпевшим по уголовному делу. Выделены отдельные категории потерпевших по тяжким и особо тяжким преступлениям, нуждающихся в дополнительной гарантии со стороны государства для реализации своего конституционного права на доступ к правосудию. Обоснован вывод о том, что данная дополнительная гарантия должна быть предоставлена в виде права на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в лице адвоката. К категориям потерпевших, имеющих право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь, следует отнести: несовершеннолетних, тяжелобольных, престарелых и лиц, страдающих психическими расстройствами. Особо отмечено, что реализация права на бесплатную квалифицированную юридическую помощь должна осуществляться на стадии предварительного расследования по заявлению лица, признанного потерпевшим, либо его законного представителя по преступлениям, относящимся к категории тяжких или особо тяжких.

Ключевые слова: доступ к правосудию; право на доступ к правосудию; потерпевший; бесплатная квалифицированная юридическая помощь; гарантия, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Шалагина З.А. Бесплатная квалифицированная юридическая помощь как гарантия доступа к правосудию для потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 1. – С. 141–146.

Abstract: this article examines the issue of access to justice during the preliminary investigation stage, where the parties have the right to qualified legal assistance from a lawyer. This assistance is provided with one difference: for the accused, it is provided at the state's expense, while for the victim, it is provided at their own expense. This contradicts the constitutional principle of equality proclaimed in Article 19 of the Constitution of the Russian Federation and reflected in the procedural rules of Article 244 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. This leads to a legal imbalance in the implementation of the adversarial principle. The guarantee of qualified legal assistance, which ensures the victim's access to justice, is only effective if the latter has the appropriate financial resources to pay for the services of a lawyer. In this regard, the author examines the

mandatory cases of participation of a lawyer for a person granted the procedural status of a victim in a criminal case. Certain categories of victims of serious and especially serious crimes are identified who require additional guarantees from the state to exercise their constitutional right to access to justice. It is substantiated that this additional guarantee should be provided in the form of the right to free qualified legal assistance from a lawyer. The categories of victims who should be entitled to free qualified legal assistance include minors, the seriously ill, the elderly, and individuals with mental disorders. It is substantiated that the right to free qualified legal assistance should be exercised during the preliminary investigation stage, upon the application of such a person recognized as a victim or their legal representative for crimes classified as serious or especially serious.

Keywords: access to justice; right of access to justice; victim; free qualified legal aid; guarantee; criminal proceedings

For citation: Shalagina Z.A. Free qualified legal assistance as a guarantee of access to justice for victims in criminal proceedings // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 1. – P. 141–146.

При реализации процедуры обеспечения доступа к правосудию на досудебных стадиях уголовного процесса самой незащищенной фигурой является потерпевший. После достижения второй ступени обеспечения доступа к правосудию, заключающейся в принятии уполномоченным должностным лицом процессуального решения о возбуждении уголовного дела, потерпевший сталкивается с рядом негативных факторов: нарушением разумных сроков уголовного судопроизводства¹, проблемами с возмещением материального ущерба² и т. д.

Такое положение дел, на наш взгляд, обусловлено тем, что чаще всего потерпевший не имеет специальных юридических познаний в области уголовного судопроизводства, не может самостоятельно на должном уровне обеспечить себе эффективный доступ к правосудию и обладает низкой правовой информированностью потерпевшего о правах, которыми его наделил законодатель на стадии предварительного расследования. Представляется, что данная проблема может быть решена при помощи оказания потерпевшему квалифицированной юридической помощи на стадии предварительного расследования, представляющей ему гарантированную возможность обратиться за защитой своих прав и законных интересов к адвокату [1, с. 12–14] как к лицу, обладающему особым юридическим статусом в орбите уголовного судопроизводства [2, с. 115–120; 3, с. 198–205].

Применительно к уголовному процессу квалифицированная юридическая помощь выступает

в качестве гарантии доступа к правосудию и права на судебную защиту для заинтересованного лица [4, с. 15].

Справедливо в свое время было отмечено Т.Г. Бородиновой и И.В. Губко, что любое право в уголовном процессе должно сопровождаться в обязательном порядке наличием соответствующих обязанностей со стороны государства. В данном случае следует рассматривать обязанность должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, в обеспечении реализации заинтересованном лицом права на доступ к правосудию [5, с. 84]. Соответственно, указанная гарантия применима как по отношению к потерпевшему, так и к обвиняемому. Действительно, на практике обе стороны могут пользоваться квалифицированной юридической помощью в лице адвоката с одной лишь разницей: для обвиняемого такая гарантия реализовывается за счет государства, а для потерпевшего – за его собственный счет.

На наш взгляд, это противоречит конституционному принципу равенства, провозглашенному ст. 19 Конституции Российской Федерации³ и получившему отражение в процессуальных нормах ст. 244 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)⁴. Здесь прослеживается правовой дисбаланс при реализации принципа состязательности сторон. Безусловно, в большинстве случаев указанная гарантия для потерпевшего будет «работать» только при наличии у него соответствующих финансовых

¹ См.: Уголовное дело (№ 1-616/2021) по обвинению И. по п. «а» ч. ст. 158 УК РФ // Архив Йошкар-олинского городского суда; Уголовное дело (№ 1-250/2022) по обвинению М. в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ч. 2 ст. 160 УК РФ // Архив Йошкар-олинского городского суда.

² См.: Уголовное дело (№ 1-421/2019) по обвинению И. по ч. 1 ст. 264 УК РФ // Архив Йошкар-олинского городского суда; Уголовное дело (№ 1-507/2019) по обвинению О. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ // Архив Йошкар-олинского городского суда.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ) // Российская газета. – 2024. – № 4.

ресурсов, которые позволят последнему оплатить услуги адвоката.

Однако не все социальные группы в нынешних реалиях могут позволить себе оплатить работу адвоката в течение всего периода предварительного расследования, т.е., по сути, обеспечить себе квалифицированную юридическую помощь по уголовному делу. Данный факт подтверждают статистические данные, опубликованные на сайте Минтруда России.

Только в 2024 г. 7 448 612 граждан Российской Федерации были признаны нуждающимися в социальном обслуживании, из которых 3 542 731 человек – с полной или частичной утратой способности либо возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обеспечивать основные жизненные потребности в силу заболевания, травмы, возраста или наличия инвалидности и 223 319 человек признаны лицами без средств к существованию⁵.

Таким образом, статистические данные подтверждают наличие социально незащищенной категории населения в современном российском обществе. Представляется, что наличие такой категории граждан в обществе порождает проблему неравенства и в уголовном судопроизводстве и ставит под сомнение конституционный принцип равенства всех перед законом и судом, а также принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Это в полной мере обосновывает наше утверждение о том, что со стороны государства требуются дополнительные гарантии прав потерпевшего на стадии предварительного расследования в целях эффективного обеспечения доступа к правосудию.

Вопросы, связанные с дополнительной гарантией прав потерпевшего на досудебных стадиях уголовного процесса, требуют особого внимания. Гарантирование со стороны государства прав и свобод личности закреплено в ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации, провозгласившей Россию социальным государством. На наш взгляд, в качестве меры, направленной на обеспечение доступа к правосудию для потерпевшего, следует рассмотреть вопрос о расширении его прав за счет предоставления ему возможности пользоваться бесплатной квалифицированной юридической помощью в лице адвоката на стадии предварительного расследования. На сегодняшний день существует выраженная потребность в определении осно-

ваний и условий предоставления такой помощи потерпевшему [6, с. 333].

В этой связи представляется целесообразным предусмотреть обязательные случаи участия адвоката для лица, наделенного по уголовному делу процессуальным статусом потерпевшего. Полагаем, что на сегодняшний день для этого сложились все необходимые предпосылки. Например, к одной из таких предпосылок следует отнести изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования правового положения потерпевших в уголовном судопроизводстве»⁶, предусматривающие для несовершеннолетнего потерпевшего бесплатную квалифицированную юридическую помощь в лице адвоката по уголовным делам против половой неприкосновенности. Здесь отчетливо прослеживается позиция законодателя, выразившаяся в усилении гарантий прав потерпевшего по преступлениям, обладающим повышенной общественной опасностью ввиду наступивших последствий. Законодатель, соответственно, определил, что по определенным категориям преступлений, т.е. по тяжким и особо тяжким, потерпевшему требуется дополнительная гарантия со стороны государства, обеспечивающая ему доступ к правосудию. Уделение особого внимания государством такой категории потерпевших, как несовершеннолетние, говорит о дифференцированном подходе законодателя при решении вопроса о предоставлении дополнительных гарантий, обеспечивающих доступ потерпевшего к правосудию. Кроме того, нормы ч. 2 ст. 45 УПК РФ⁷ предусматривают обязательное участие представителя потерпевшего по уголовным делам в случаях, если потерпевший является несовершеннолетним или по своему физическому или психическому состоянию лишен возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы.

Помимо несовершеннолетних законодатель также определил категорию потерпевших, находящихся в беспомощном состоянии и нуждающихся в дополнительной гарантии для реализации своего конституционного права на доступ к пра-

⁵ Статистическая информация Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации за 2024 г. (форма № 1) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. – URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/a1/b3/Отчет%20по%20форме%201%20соцобслуживание%20%202024%20год.xlsx>

⁶ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования правового положения потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. – 2013. – № 295.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ) // Российская газета. – 2024. – № 78 (9320).

восудию. В соответствии с правовыми позициями Верховного суда Российской Федерации к лицам, которые находятся в беспомощном состоянии, «могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее»⁸.

Таким образом, при наделении потерпевшего в уголовном судопроизводстве дополнительными гарантиями законодатель проводит дифференциацию по категориям преступлений и по категориям самих потерпевших. На стадии предварительного расследования в качестве дополнительной гарантии обеспечения доступа к правосудию для отдельной категории лиц, признанных по уголовному делу потерпевшими, и в отношении которых было совершено тяжкое или особо тяжкое преступление, на наш взгляд, следует предусмотреть право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в лице адвоката.

Однако, говоря о наделении правом отдельной категории потерпевших пользоваться услугами бесплатного адвоката на стадии предварительного расследования, мы не стоим на позициях принудительного представительства, как это, например, происходит на предварительном расследовании при предоставлении бесплатной квалифицированной юридической помощи в лице адвоката обвиняемому, не желающему пользоваться услугами адвоката. Фактически обвиняемый находится на предварительном расследовании в условиях принудительной защиты. В противном случае будет нарушен принцип состязательности сторон, который повлечет за собой признание недопустимыми всех доказательств, полученных при производстве следственных действий с обвиняемым без участия адвоката.

У потерпевшего, в отличие от обвиняемого, ситуация иная. В орбите уголовного судопроизводства для него принцип состязательности сторон реализуется при помощи участия прокурора. Однако по делу о тяжких и особо тяжких преступлениях целесообразно усилить действие принципа состязательности посредством участия бесплатного адвоката, представляющего интересы потерпевшего. Это повысит эффективность обеспечения доступа потерпевшего к правосудию, поскольку прокурор, будучи государственным должностным лицом, отстаивает интересы государства, которые не всегда

совпадают с интересами конкретной личности. В некоторых случаях потерпевшему требуется дополнительные гарантии и поддержка в лице адвоката, профессиональное внимание которого всецело будет направлено на потерпевшего и обеспечит его интересы в уголовном процессе.

Говоря о наделении потерпевшего дополнительной гарантией в лице бесплатного адвоката на стадии предварительного расследования, следует четко определить категории лиц, где в соответствии с правовыми позициями Верховного суда Российской Федерации главным критерием будет нахождение в беспомощном состоянии⁹. К таким категориям потерпевших следует относить: несовершеннолетних, тяжелобольных, престарелых и лиц, страдающих психическими расстройствами.

Рассмотрим детально выделенные категории потерпевших.

Несовершеннолетние. Вопросы, связанные с обеспечением доступа к правосудию несовершеннолетних потерпевших, неоднократно поднимались представителями общественности¹⁰. Ежегодно органами прокуратуры выявляется порядка 700 000 нарушений в области соблюдения прав несовершеннолетних¹¹, в том числе в уголовном судопроизводстве. В науке обращалось внимание на то, что при реализации механизма, направленного на обеспечение прав и свобод ребенка, задействованы элементы, которые представлены государственными орга-

⁹ См.: п. 28 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 9 февраля 2012 г. № 3 и от 16 мая 2017 г. № 17) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8269/?ysclid=ma9m5h3d10619280188>

¹⁰ См.: выступление Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации П.А. Астахова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2013/10/28/deti-site.html> (дата обращения: 04.05.2025); выступление Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации М.А. Львовой-Беловой [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/6363272>; выступление Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации А.Ю. Кузнецовой [Электронный ресурс] // Официальный сайт РИА «Новости». – URL: https://ria.ru/20200529/1572152411.html (дата обращения: 04.05.2025); представители Генеральных прокуратур Российской Федерации и Республики Беларусь обсудили вопросы защиты прав несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: http://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/protecting_children/news?item=99103858

¹¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации январь – декабрь 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980>

⁸ См.: п. 28 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 9 февраля 2012 г. № 3 и от 16 мая 2017 г. № 17) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8269/?ysclid=ma9m5h3d10619280188> (дата обращения: 04.09.2025).

нами власти, а также институтами гражданского общества [7, с. 9].

По нашему мнению, в качестве элемента гражданского общества, задействованного в обеспечении доступа к правосудию на досудебных стадиях уголовного процесса, следует рассматривать профессиональную общественность, представленную институтом адвокатуры. В этой связи для несовершеннолетнего потерпевшего особую значимость приобретает деятельность квалифицированного адвоката-представителя, оплачиваемая за счет средств федерального бюджета. Квалифицированная юридическая помощь на стадии предварительного расследования призвана служить дополнительной уголовно-процессуальной гарантией и способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства [8, с. 12–14].

Тяжелобольные. В медицине сложилось представление о том, как трактовать термин «тяжелобольной». Так, по мнению С.А. Александрова и С.С. Александрова, следует относить к этой категории тех лиц, для которых высока вероятность летального исхода [9, с. 24–26].

Представляется, что для определения такой вероятности будет целесообразно обратиться к критериям, установленным приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27 августа 2019 г. № 585н, в соответствии с которыми в России закреплены три группы инвалидности: первая, вторая и третья¹². При осуществлении процедуры признания лица инвалидом законодателем определены соответствующие условия, обуславливающие необходимость предоставления ему социальной защиты¹³. Первая группа инвалидности признана самой тяжелой и является нерабочей, поскольку лицо нуждается в уходе со стороны третьих лиц [10].

¹² Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27 августа 2019 г. № 585н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

¹³ Постановление Правительства Российской Федерации от 5 апреля 2022 г. № 588 «О признании лица инвалидом» (с изменениями и дополнениями от 03.02.2025) [Электронный ресурс]. Доступ СПС «Гарант».

Престарелые. В России на протяжении долгого времени людьми пожилого возраста было принято считать мужчин старше 60 лет и женщин старше 55 лет¹⁴. В настоящее время существует иная и вполне устоявшаяся четкая возрастная классификация. Так, молодой возраст определяется с 18 до 44 лет, средний возраст – с 45 до 59 лет, пожилой возраст – с 60 лет до 74 лет, старческий возраст – с 75 лет до 90 лет, долголетие – с 91 года и старше¹⁵. В этой связи представляется целесообразным при определении категории потерпевших по градации «престарелый» учитывать возраст от 75 лет и выше.

С учетом вышеизложенного полагаем, что необходимо законодательно предусмотреть дополнительную гарантию обеспечения доступа к правосудию на стадии предварительного расследования для отдельной категории потерпевших, которая в перспективе может быть нами расширена.

В качестве такой дополнительной гарантии прав лица, потерпевшего от общественно опасного деяния, являющегося несовершеннолетним или по своему физическому или психическому состоянию лишенного возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы самому или его законному представителю, следует предусмотреть бесплатную квалифицированную юридическую помощь в лице адвоката на стадии предварительного расследования. На наш взгляд, реализация права на бесплатную квалифицированную юридическую помощь должна осуществляться на стадии предварительного расследования по заявлению лица, признанного потерпевшим, либо его законного представителя по преступлениям, относящимся к категории тяжких или особо тяжких.

¹⁴ См.: Федеральный закон от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (документ утратил законную силу); п. 2.4.23 раздела 2.4 «Категории клиентов социальной службы» Национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 52495-2005 Социальное обслуживание населения. Термины и определения» (утв. приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст) (ред. от 17.10.2013) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

¹⁵ Всемирная организация здравоохранения приняла новую классификацию возрастов [Электронный ресурс]. – URL: <https://atpress.kz/ru/news/eto-interesno/molodost-prodlili-vozobnovil-klassifikatsiyu-vozrastov>

Литература

1. **Кудрявцев В.Л.** Реализация конституционно-правового института квалифицированной юридической помощи в деятельности адвоката (защитника) в российском уголовном судопроизводстве: теоретические основы и проблемы обеспечения: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Москва, 2008. – 55 с.
2. **Бондарь О.Н.** Квалифицированная юридическая помощь – конституционная гарантия прав граждан: монография. – Ростов-на-Дону: Профпресс, 2018. – 220 с.
3. **Седова Г.И., Громак В.Ю.** Право на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве: понятие, соотношение с правом на защиту // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2021. – Т. 21. – Вып. 2. – С. 198–205.

4. **Мархгейм М.В., Косолапова Н.А.** Право на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе: монография. – Москва: Издательский дом «Юр-ВАК», 2019. – 179 с.
5. **Бородинова Т.Г., Губко И.В.** Право на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России: современные проблемы реализации в судебной практике // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 8 (162). – С. 83–87. – DOI 10.24158/tipor.2021.8.13. – EDN BEPODU.
6. **Шалагина З.А.** Право потерпевшего на бесплатную квалифицированную юридическую помощь на стадии предварительного расследования как гарантия обеспечения его доступа к правосудию // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 декабря 2021 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – 359 с. – EDN AVDCOM.
7. **Бондаренко О.А.** Реализация конституционных прав и свобод ребенка в российской федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012. – 29 с.
8. **Чеботарева Т.В.** Обеспечение прав и законных интересов потерпевших по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов. – 2021. – 255 с.
9. **Александров С.А., Александров С.С.** О трудностях трактовки степени тяжести общего состояния больного: обучение студентов // Педиатрический Вестник Южного Урала. – 2016. – № 1. – С. 24–27.
10. **Шакин Ю.А.** Памятка по установлению группы инвалидности и прохождению медикосоциальной экспертизы [Электронный ресурс] // Межрегиональная общественная организация инвалидов «Общество взаимопомощи при болезни Бехтерева». – URL: <http://c1401100dc926e9d1a438735936e2ff1.pdf>

References

1. **Kudryavcev V.L.** Realizaciya konstitucionno-pravovogo instituta kvalificirovannoj yuridicheskoy pomoshchi v deyatel'nosti advokata (zashchitnika) v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: teoreticheskie osnovy i problemy obespecheniya: avtoref. dis. ... d-ra. yurid. nauk. – Moskva, 2008. – 55 s.
 2. **Bondar' O.N.** Kvalificirovannaya yuridicheskaya pomoshch' –konstitucionnaya garantiya prav grazhdan: monografiya. – Rostov-na-Donu: Profpress, 2018. – 220 s.
 3. **Sedova G.I., Gromak V.Yu.** Pravo na poluchenie kvalificirovannoj yuridicheskoy pomoshchi v ugolovnom sudoproizvodstve: ponyatie, sootnoshenie s pravom na zashchitu // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. – 2021. – T. 21. – Vyp. 2. – S. 198–205.
 4. **Marhgejm M.V., Kosolapova N.A.** Pravo na kvalificirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' v konstitucionnom sudebnom processe: monografiya. – Moskva: Izdatel'skij dom «Yur-VAK», 2019. – 179 s.
 5. **Borodinova T.G., Gubko I.V.** Pravo na poluchenie kvalificirovannoj yuridicheskoy pomoshchi v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: sovremennye problemy realizacii v sudebnoj praktike // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2021. – № 8 (162). – S. 83–87. – DOI 10.24158/tipor.2021.8.13. – EDN BEPODU.
 6. **Shalagina Z.A.** Pravo poterpevshego na besplatnuyu kvalificirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya kak garantiya obespecheniya ego dostupa k pravosudiyu // Pravoohranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennih del v kontekste sovremennyh nauchnyh issledovanij: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 17 dekabrya 2021 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. – 359 s. – EDN AVDCOM.
 7. **Bondarenko O.A.** Realizaciya konstitucionnyh prav i svobod rebenka v rossijskoj federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Chelyabinsk, 2012. – 29 s.
 8. **Chebotareva T.V.** Obespechenie prav i zakonnyh interesov poterpevshih po delam o prestupleniyah protiv polovoj neprikosновенности несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов. – 2021. – 255 с.
 9. **Aleksandrov S.A., Aleksandrov S.S.** O trudnostyah traktovki stepeni tyazhesti obshchego sostoyaniya bol'nogo: obuchenie studentov // Peditricheskij Vestnik Yuzhnogo Urala. – 2016. – № 1. – S. 24–27.
 10. **Shakin Yu.A.** Pamyatka po ustanovleniyu grupy invalidnosti i prohozhdeniyu medikosocial'noj ekspertizy [Elektronnyj resurs] // Mezhhregional'naya obshchestvennaya organizaciya invalidov «Obshchestvo vzaimopomoshchi pri bolezni Bekhtereva». – URL: <http://c1401100dc926e9d1a438735936e2ff1.pdf>
-

(статья сдана в редакцию 09.10.2025)

К сведению авторов

На страницах журнала освещаются вопросы юридической науки, уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, уголовно-исполнительного, административного, миграционного законодательства, передовой опыт борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Статьи должны отражать наиболее актуальные темы правоохранительной деятельности, затрагивающие проблемы и предлагающие пути их решения. Статьи, имеющие слабый научный аппарат, к опубликованию не принимаются.

В соответствии с международными требованиями статья должна содержать:

на русском языке: название статьи, фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью, должность, ученую степень и звание. Полное наименование организации (в скобках – сокращенное), город, телефон, электронный адрес. Аннотацию (150–250 слов), ключевые слова (5–7 слов или словосочетаний), список литературы, на которую ссылается автор. Данная информация должна быть представлена на английском языке, за исключением Ф.И.О. автора (авторов) и списка литературы, которые транслитерируются.

Текст статьи должен быть набран на компьютере в текстовом редакторе Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Объем статьи 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы). Статья представляется в редакцию в электронном (диск, электронная почта) и распечатанном виде. Файл, содержащий статью, называется по фамилии автора.

Список литературы приводится в конце статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с. 25]). Обязательно указываются следующие данные: для книг – фамилия и инициалы автора (редактора), название книги, место издания (город), год издания; для журнальных статей – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, номер, выпуск, страницы (первая и последняя).

Статья должна быть вычитана и подписана автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Не возражаю против размещения моей статьи в электронной библиотеке». Далее ставится дата и подпись. Статьи соискателей, адъюнктов и аспирантов визируются научным руководителем. Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции журнала «Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное ее распространение любым способом, включая создание ее электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в научных электронных библиотеках и т.д.), с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК при Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Отклоненные редакцией материалы не рецензируются и не возвращаются.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

